№ 3 (43) 2023
ISSN 2305-8838

НОПриЛ NAAL

Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Научно-исследовательский журнал

№ 3 (43)

МОСКВА
2023

УДК 81’33(063)
ББК 81.1я431
У 91

Главный редактор:
д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

Заместитель главного редактора:
д.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (Государственный университет просвещения, г. Москва)

Технический редактор:
Ph.D. М.Н. Дубинина
(НИУ ВШЭ, г. Москва)

Технический секретать:
А.Д. Пахалова (Государственный университет просвещения, г. Москва)

У 91 Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.: НОПриЛ, 2023 – 194 с.
ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.
ISSN 2305-8838

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор))
ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.

Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 20.10.23. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)
© Авторы статей

Редакционная коллегия

Богданова Л.И.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Добросклонская Т.Г.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Зененко Н.В.
д.филол.н., профессор (Военный университет имени Великого князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва)
Калинин О.И.
д.филол.н., доцент (Военный университет имени Великого князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва)
Карасик В.И.
д.филол.н., профессор (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва)
Курбакова С.Н.
д.филол.н., доцент (МГИМО(У) МИД РФ, г. Москва)
Иванова О.Ю.
к. культ., доцент (Союз переводчиков России, г. Москва)
Карпова О.М.
д.филол.н., профессор (ИвГУ, г. Иваново)
Киосе М.И.
д.филол.н., доцент (Институт языкознания РАН)
Ксензенко О.А.
к.филол.н., доцент (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Липгарт А.А.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Максименко О.И.
д.филол.н., профессор (ГУП, г. Москва)
Моисеенко Л.В.
д.филол.н., профессор (МГЛУ, г. Москва)
Полубиченко Л.В.
д.филол.н., профессор (МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Чеснокова О.С.
д.филол.н., профессор (РУДН, г. Москва)
Robert Ilson
(University College London)
Zhong Weihe
(Guangdong University of Foreign Languages)
Ян Кэ
профессор (Университет иностранных языков и внешней торговли, г. Гуанчжоу)

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Карасик В.И.
Комический нарратив как объект лингвокультурологии 8

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Жирова И.Г.
Английские лексические заимствования как «невыносимые слова» языковой моды в России 22
Карпова О.М.
Имена Шекспировских персонажей в контексте писательской лексикографии 36

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Бойко Б.Л.
Прозаическая строфа в оригинале и переводе (на материале одного из коротких рассказов Генриха Бёлля) 48
Калинин А.Ю.
Интермодальные операции в переводе материалов аудиовизуальных СМИ 61

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Иванов Н.В., Калинин О.И.
Информационное воздействие в политическом медиа дискурсе 76
Иванов В.Д., Жук Н.В.
Проблема понимания лексико-грамматических структур в современном английском языке 106
Конурбаев М.Э.
Три закона феноменологической динамики библейской притчи 117

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Бхатти Н.В., Фильчакова Е.М. Ерошин А.П.
Синтаксические особенности построения простых предложений в английском, турецком и урду 132

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ

Леонтович О.А.
Возрастная маркированность коммуникации людей старшего поколения 152
Лунькова Л.Н.
Пресуппозиции как общий когнитивный фонд коммуникантов 166
Полубиченко Л.В.
Что такое «носитель языка» сегодня и в чем его лингводидактическая ценность? 175
Список авторов 186

CONTENTS

ISSUES OF LINGUOCULTUROLOGY

Vladimir Karasik
Comical Narrative as an Object of Language and Culture Studies 8

LEXICOLOGY AND LEXICOGRAPHY

Irina Zhirova
English Lexical Borrowings as "Unbearable Words" of Language Fashion in Russia 22
Olga Karpova
Names of Shakespeare's Characters in the Context of Author Lexicography 36

TRANSLATION AND TRANSLATION STUDIES

Boris Boyko
Prose Stanza in Original and Translation (Based on One of Heinrich Böll's Short Stories) 48
Andrei Kalinin
Intermodal Procedures in Audiovisual Media Translation 61

STYLISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS

Nikolay Ivanov, Oleg Kalinin
Information Impact in the Political Media Discourse 76
Vladimir Ivanov, Nina Zhuk
The Problem of Understanding Lexical and Grammatical Structures in Modern English 106
Marklen Konurbaev
Three Laws of Phenomenological Dynamics of the Biblical Parable 117

FUNCTIONAL LINGUISTICS

Natalie Bhatti, Ekaterina Filchakova, Anton Eroshin
Syntactic Characteristics of Simple Sentences in English, Turkish and Urdu 132

LANGUAGE. CULTURE. COMMUNICATION

Olga Leontovich
Age-Specific Communication of Older People 152
Larisa Lunkova
Presuppositions as a Common Cognitive Fund of Communicants 166
Lydia Polubichenko
Who are "Native Speakers" Today and What is their Linguodidactic Value? 175
List of authors 186

ВОПРОСЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 81

Карасик Владимир Ильич
Vladimir Karasik

Комический нарратив как объект лингвокультурологии

Comical Narrative as an Object of Language and Culture Studies

Аннотация. *Рассматриваются характеристики комических нарративов в жанре историй из жизни известных людей. Фактуальное содержание таких коротких повествований сводится к неожиданной развязке события. Такие развязки бывают вербальными и акциональными. Вербальные развязки комических нарративов строятся по типовым схемам «Ответная остроумная реплика» и «Остроумный комментарий». Акциональные развязки представляют собой описания комических абсурдных действий. Концептуальное содержание комических нарративов сводится к предписаниям поведения, которое не должно быть претенциозным и манипулятивным. Подтекст повествований данного жанра характеризуется выраженной юмористической или иронической тональностью.*

Abstract*. The paper deals with characteristics of comical narratives in the genre of anecdotes – funny stories about the life of celebrities. A factual content of such stories is a defeated expectancy. Such denouement may be either verbal or actional. The first type is built in the form of a witty repartee or commentary, the second type is usually a description of absurd acts of behavior. A conceptual content of comical narratives may be explained as certain prescriptions of behavior which should not be pretentious of manipulative. The tonality of this genre is humorous or ironical.*

Ключевые слова*: комический нарратив, лингвокультурология, ценности, факт, концепт, подтекст*

Keywords: *comical narrative, language and culture studies, values, fact, concept, tonality*

Введение

Лингвокультурология как направление современной антропологической лингвистики привлекает к себе многих исследователей, поскольку позволяет охарактеризовать общие и отличительные признаки сравниваемых языковых картин мира [Вежбицкая, 2011; Дементьев, 2016; Корнилов, 2003; Куссе, 2022; Маркелова, 2013; Шмелев, 2002]. Основным объектом этого направления языкознания являются лингвокультурные концепты – кванты переживаемого знания, имеющие понятийное, образное и ценностное содержание [Воркачев, 2014; Демьянков, 2007;

Карасик, 2020; Красавский, 2008; Пименова, 2007; Слышкин 2004; Степанов, 1997; Стернин, 2008]. Вместе с тем к числу объектов лингвокультурологии можно отнести лингвокультурные скрипты (сценарии) [Моторина, 2014; Савицкая, 2021], типажи [Асадуллаева, 2011; Валяйбоб, 2013; Деревянская, 2008; Дмитриева, 2007] и сюжеты [Веселовский, 1940; Силантьев, 2009]. В данной работе рассматривается комический нарратив как лингвокультурный сюжет. Такой нарратив представляет собой ценностно маркированное изложение о том или ином смешном событии, структурная схема которого может быть представлена как его сюжет. Анализ комического нарратива может быть проведен в соответствии с известной моделью художественного текста, по И.Р. Гальперину, включающей фактуальное, концептуальное и подтекстовое содержание [Гальперин, 1981].

Характеристики комических нарративов

В качестве материала рассматриваются смешные истории из жизни писателей (анекдоты в исходном значении слова), опубликованные в сети Интернет.

Фактуальное содержание этих текстов построено на эффекте обманутого ожидания. Концептуальное содержание смешных историй может быть выражено в виде определенных предписаний. В частности, *Следует знать, что претенциозное поведение выглядит смешно; Следует знать, что причина странного поведения может быть непредсказуемой; Следует знать, что у трудных и загадочных историй могут быть очень простые объяснения.* Подтекст этих нарративов однозначно позволяет интерпретировать их как произведения смехового жанра.

Приведу краткие нарративы из воспоминаний поэта А.Н. Радковского об Арсении Александровиче Тарковском.

Небольшое застолье за сценой после одного из вечеров в Ленинграде (начало восьмидесятых).

– А. А., что вы думаете о переселении душ?

Вопрос молодой, приятной во всех отношениях дамы, которая где-то что-то краем уха слыхала о метемпсихозе, да ей, собственно, и дела нет до переселения душ, но ужасно хочется поучаствовать в «умном» разговоре.

– Я?! ничего не думаю… Но как-то в двадцатые годы Фёдор Сологуб взял меня с собой на заседание то ли философского, то ли теософского общества, и ему там задали такой же вопрос… Фёдор Кузьмич ответил: «Да, да, я уже жил однажды… Древняя Греция. Точно такой же стол. И вокруг сидят точно такие же идиоты».

И, невинно улыбаясь, добавил:

– Это к присутствующим не относится, я никого не хотел обидеть.

Комический эффект этого текста состоит в высмеивании претенциозного поведения героини. При этом оценка ее желания выглядеть значительнее, чем она есть на самом деле, выражена в виде цитирования сходной ситуации.

В ряде случаев ситуации граничат с определенной долей абсурдной патологии в поведении героев:

А. С. Грин почему-то патологически ненавидел Андрея Белого. Помню, как-то в доме Волошина он стоял наверху у тяжёлого цветочного горшка. Внизу под лестницей, сидел Белый. Александр Степанович тихонечко, как бы случайно, двигал горшок к краю, пока он не сорвался и, пролетев в нескольких сантиметрах от Андрея Белого, не разбился об пол.

– Опять промазал, – в ужасе прошептал Грин.

Перед нами пример рискованного поступка, который мог привести к трагедии, но мы улыбаемся, потому что комментарий известного писателя-романтика противоречит нашим ожиданиям. С большой вероятностью этот текст является вымышленным.

Комичны ситуации, в которых объяснение поведения героев предположительно построено на их особых способностях, но на самом деле сводится к тривиальным причинам:

В Париже произошел забавный случай с создателем самого знаменитого сыщика всех времен. Артур Конан Дойл сошел с поезда, к нему подбежал таксист, положил его чемодан в машину и спросил: «Куда вас везти, месье Конан Дойл?» Писатель удивился, откуда он знает его в лицо. Таксист в ответ сказал, что освоил дедуктивный метод Холмса и проанализировал многие детали – на руке следы от чернил, значит, этот человек много пишет, по манере держаться – врач, но одежда в лондонском стиле и так далее. Выслушав его,

Холмс поразился: «Да вы сами настоящий Шерлок Холмс!» Тут таксист немного смутился и добавил: «Да… Но я заметил еще одну деталь. На ярлыке вашего чемодана крупно написаны ваше имя и фамилия…»

Некоторые из великих писателей были очень рассеянными людьми либо успешно имитировали рассеянность:

Марк Твен был рассеянным человеком и из-за этого часто попадал в нелепые ситуации. Однажды, когда он ехал в поезде, вошел контролер. Твен принялся искать билет по карманам, но тщетно – того нигде не было. В конце концов контролер сжалился и сказал, что проверит его билет на обратном пути. А если тот и не найдется – ничего страшного, не конец света. Твен в ответ на это яростно запротестовал: «Нет, я обязательно должен найти этот треклятый билет! Иначе как я узнаю, куда еду?!».

Рассеянность обычно вызывает улыбку.

Комический эффект нарратива может сводиться к ассоциативным замещениям разного типа:

После очередного чтения стихов к Есенину подошла женщина – невысокая, лет сорока, ничем особо не примечательная. Она представилась: «Брокгауз». Есенин тут же вспомнил о знаменитом словаре Брокгауза. Женщина радостно сообщила, что она – племянница легендарного составителя. Тогда Есенин пригласил ее к себе. Позже приятель поинтересовался у него, зачем он позвал с собой эту невзрачную и не особо умную Брокгауз. Есенин ответил: «Знаешь, все-таки… Племянница словаря!».

Подобные замещения достаточно частотны. На одной из конференций по лингвистике в президиум пригласили известных авторов. Кто-то из зала прокомментировал: «Учебники собрались».

Смешно выглядит столкновение мотиваций.

Как-то жена французского баснописца Жана Лафонтена застала своего мужа в слезах. Он рыдал, сидя возле письменного стола. Когда она спросила его, в чем дело, Лафонтен вместо ответа прочитал ей раздел из своей повести, в которой герой никак не мог одолеть препятствий и жениться на своей любимой. Жена Лафонтена также расплакалась и

начала умолять мужа: «Так соедини его с любимой». «Не могу! - ответил Лафонтен. - Еще только первый том пишу».

Мы понимаем, что переживания баснописца выглядят абсурдно, поскольку от него зависит развитие повествования. Впрочем, этот сюжет представляется не совсем достоверным, поскольку обычно объем повести не позволяет сделать ее многотомной в отличие от романа.

Пример комического абсурда содержится в следующем повествовании:

Светлов сделал подборку переводов молдавских поэтов для кишиневского издательства. С гонораром случилась большая задержка. Устав ждать, Михаил Аркадьевич послал в издательство угрожающую телеграмму: «В случае невыплаты денег в ближайшее время я переведу ваших поэтов обратно на молдавский». Гонорар прислали на следующий день телеграфом.

Мы понимаем, что угроза поэта была розыгрышем.

Другой пример комического абсурда мы видим в следующем нарративе:

У Франсуа Рабле однажды не было денег, чтобы добраться из Лиона в Париж. Тогда он приготовил три пакетика с надписями «Яд для короля», «Яд для королевы» и «Яд для дофина» и оставил их в гостиничном номере на видном месте. Узнав об этом, хозяин гостиницы тут же доложил властям. Рабле схватили и с конвоем доставили в столицу прямо к королю Франциску I, чтобы тот решил судьбу писателя. Оказалось, что в пакетах был сахар, который Рабле тут же и выпил со стаканом воды, а затем рассказал королю, с которым они были друзьями, как он решил свою проблему.

В отличие от обмена репликами здесь имеет место замещение действия.

Другой пример акционального юмора приводится в следующем тексте:

Дюма был страстный и невоздержанный в выражениях спорщик. Одна из его словесных баталий закончилась дуэлью. Участники ее решили избегнуть судебного преследования оригинальным способом. Тянуть жребий с тем, чтобы один из них застрелился сам. Роковой билет достался Дюма, он удалился в соседнюю комнату, раздался выстрел, а затем перед

присутствующими появился улыбающийся Дюма. «Я стрелялся, но, увы, промахнулся!» - так объяснил романист случившееся.

Замещение трагического финала на неожиданный абсурдный ход вызывает улыбку.

Этому жанру свойственны остроумные реплики героев:

Г.Х. Андерсен уделял очень мало внимания своей внешности. Он постоянно гулял по улицам Копенгагена в старой шляпе и поношенном плаще. Однажды на улице его остановил один щеголь и спросил: «Скажите, эта жалкая штука у вас на голове называется шляпой?» На что последовал немедленный ответ: «А эта жалкая штука под вашей модной шляпой называется головой?»

Комический эффект этого текста состоит в фактуальном переворачивании осмеяния: щёголь хотел унизить известного сказочника, но оказался осмеянным сам.

Аналогичный по своей интенциональной структуре текст характеризует ответ известного британского драматурга, который славился своим остроумием:

Однажды очень тучный человек сказал тощему Б. Шоу: «Вы выглядите так, что можно подумать, будто ваша семья голодает». «А посмотреть на вас, - ответил Шоу, - можно подумать, что вы являетесь причиной этого бедствия».

Такой ответ в структурном плане смыкается с репликой британского премьер-министра У. Черчилля, которому однажды одна дама сказала: *«Если бы я была вашей женой, я бы подсыпала вам яд в кофе». «Если бы я был вашим мужем, - ответил политик – Я бы его выпил».*

Остроумный ответ весьма частотен в цитируемых историях:

Писатель Мориц Зафир поспорил как-то с одним литератором, который от зависти и злости как-то сказал ему: «Вы, дорогой Зафир, пишете только ради денег, тогда как я пишу исключительно для чести!»

«Каждый из нас, дружище, пишет для того, чтобы получить то, чего ему не достает...» - ответил Зафир.

Такие реплики ставят на место тех, кто намерен оскорбить своего партнера по общению.

Реакция на неподобающее поведение может быть весьма резкой:

У английской писательницы Клары Шеридан брал интервью молодой американский журналист. Во время беседы, забывшись, он положил ноги на стол, но тут же спохватился и стал извиняться. «Ничего, ничего», - спокойно ответила писательница. – «По мне, так можете положить на стол хоть все четыре ноги».

Писательница фактически называет своего собеседника животным.

Заслуживает внимания комические нарративы с элементом самоиронии:

Пьесы писателя Бернарда Шоу с успехом шли в театрах, и автор с явным удовольствием выходил на поклоны. Рассказывали, что однажды на премьере, когда он в очередной раз вышел на сцену принимать поздравления, из зала выкрикнули: «Чушь!». На что глазом не моргнувший Шоу ответил, скромно обведя рукой аплодирующий зал: «Совершенно с вами согласен, но что мы вдвоем можем сделать против этой толпы?».

Представляется, что на самом деле Б.Шоу не считал свои произведения чушью.

Интересны нарративы, в которых содержится социальная критика:

Генрих Гейне однажды был в Париже, где один из его поклонников спросил поэта: «Чем это можно объяснить, что Вы стали таким знаменитым поэтом, а Ваш дядя Соломон стал богатым банкиром?»

Гейне ответил на это так: «Все дело в том, что моя мама в детстве всегда читала мне стихи — вот и вырос ее сын поэтом. Мамочка же Соломона предпочитала ему рассказывать истории про разбойников — вот потому и стал мой дядя банкиром!».

Улыбку вызывает прямая аналогия между разбойниками и банкирами – и те, и другие грабят людей.

Игра на понижение является типичным приемом создания комического эффекта:

Александр Дюма как-то обедал у известного врача Гисталя, и этот Гисталь попросил писателя написать что-

нибудь в его книгу отзывов. Дюма написал: «С того времени, как доктор Гисталь лечит целые семьи, нужно закрыть больницу». Врач воскликнул: «Вы мне льстите!». Тогда Дюма дописал: «И построить два кладбища...»

В этом тексте содержится совет: не следует напрашиваться на похвалу.

Улыбку вызывает комическое развитие иронической тональности в тексте:

В Центральном доме литераторов (ЦДЛ) отмечали тридцатилетие весьма заурядного поэта N. Один из его приятелей и коллег по профессии выступил и, поздравляя юбиляра, с долей иронии сказал, что поэт N. - хороший парень, добрый товарищ и в этот торжественный день он приглашает всех присутствующих на банкет в ресторан. Затем он торжественно сообщил: «Самым знаменательным событием в жизни юбиляра является то, что он родился в тот же день, когда умер великий русский поэт Сергей Есенин». Михаил Светлов тут же очень тихо заметил: «Да, да. Беда никогда не приходит одна», - и сразу ушел в буфет пить пиво.

М. Светлов своим комментарием усиливает иронию предшествующего высказывания.

Комично выглядит сочетание прямого и переносного значений.:

Как-то В. Гюго отправился в Пруссию.

— Чем вы занимаетесь? — спросил у него жандарм, заполняя анкету. — Пишу. — Я спрашиваю, чем вы зарабатываете на средства для проживания? — Пером. — Так и запишем: «Гюго. Торговец перьями».

Реакция жандармы вызывает улыбку.

Акциональный юмор является типичным способом вызвать комический эффект. Такие примеры не относятся к проявлениям остроумия, но обычно нравятся широкой аудитории:

Чешский писатель Ярослав Гашек, путешествуя по Баварии, решил попробовать местный деликатес – сосиски. На одной из станций он подозвал паренька, который без дела слонялся по перрону и попросил: — Вот тебе 40 пфеннигов. Купи две сосиски. Одну съешь сам, а вторую принеси мне. Когда до

отхода поезда оставалась одна минуть, паренек подбежал к вагону, что-то дожевывая на ходу. Протянул Гашеку 20 пфеннигов и сказал: - У них там оставалась только одна сосиска. Я ее съел. Вот вам 20 пфеннигов за вашу сосиску.

Этот сюжет представлен во множестве аналогичных анекдотов. Близкое по смыслу акциональное замещение представлено в следующем анекдоте:

Путешествуя по Франции, Марк Твен ехал поездом в город Дижон. Поезд был проходящим, и он попросил разбудить его вовремя. При этом писатель сказал проводнику: «Я очень крепко сплю. Когда вы будете меня будить, может быть, я буду кричать. Так не обращайте на это внимание и обязательно высадите меня в Дижоне». Когда Марк Твен проснулся, было уже утро и поезд подходил к Парижу. Писатель понял, что проехал Дижон, и очень рассердился. Он побежал к проводнику и стал ему выговаривать. «Я никогда не был так сердит, как сейчас!» - кричал он. «Вы не так сильно сердитесь, как тот американец, которого я ночью высадил в Дижоне», - удивился проводник.

Мы понимаем, что в жизни случаются ошибки, и те неприятности, которые происходят с нами, оказываются не столь большими, если мы сравним свои и чужие происшествия.

Выводы

Фактуальное содержание комических нарративов в жанре анекдота сводится к неожиданной развязке события. Такие развязки бывают вербальными и акциональными. Вербальные развязки комических нарративов строятся по типовым схемам «Ответная остроумная реплика» и «Остроумный комментарий». Акциональные развязки представляют собой описания комических абсурдных действий. Концептуальное содержание комических нарративов сводится к предписаниям поведения, которое не должно быть претенциозным и манипулятивным. Подтекст повествований данного жанра характеризуется выраженной юмористической или иронической тональностью.

Литература

1. Асадуллаева А.В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 22 с.
2. Валяйбоб А.В. Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 20 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
4. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Ред., вступ. статья и примечания В.М. Жирмунского. Л.: Художественная литература, 1940. 648 с.
5. Воркачев С.Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta: монография. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
7. Дементьев В.В. Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.
8. Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сборник научных трудов. М.; Калуга: ИП Кошелев А.Б., 2007. С. 26-33.
9. Деревянская В.В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий»: автореф. дис. …канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 22 с.
10. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: монография. Волгоград: Перемена, 2007. 307 с.
11. Карасик В.И. Языковая лестница познания. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 462 с.
12. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
13. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
14. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика / Пер. с нем. М.: Гнозис, 2022. 536 с.
15. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2013. 300 с.

16. Моторина Н.В. Лингвокультурные скрипты традиционного коммуникативного поведения в России и Англии: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 22 с.
17. Пименова М.В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ: монография. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
18. Савицкая Е.В. Когнитивный субстрат семантической системы английского языка и английского языкового мышления: монография. Самара: Порто-принт, 2021. 428 с.
19. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
20. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
21. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
22. Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып.1. / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8-20.
23. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

References

1. Asadullayeva A.V. Istoricheskiy kriminal'nyy lingvokul'turnyy tipazh «angliyskiy pirat» [Historical criminal linguocultural type “English pirate”]: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2011. 22 s.
2. Valyaybob A.V. Lingvokul'turnyy tipazh «amerikanskiy pervoprokhodets»: simvolicheskiye kharakteristiki [Linguocultural type “American pioneer”: symbolic characteristics]: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2013. 20 s.
3. Vezhbitskaya A. Semanticheskiye universalii i bazisnyye kontsepty [Semantic universals and basic concepts]. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 568 s.
4. Veselovskiy A.N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics] / Red., vstup. stat'ya i primechaniya V.M. Zhirmunskogo. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1940. 648 s.
5. Vorkachev S.G. Voploshcheniye smysla: conceptualia selecta [Embodying meaning: conceptualia selecta]: monografiya. Volgograd: Paradigma, 2014. 331 s.
6. Galperin I.R. Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. M.: Nauka, 1981. 140 s.
7. Dement'yev V.V. Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi [Speech genre

communicative values in new and emerging areas of Russian speech]: monografiya. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2016. 396 s.
8. Demyankov V.Z. «Kontsept» v filosofii yazyka i v kognitivnoy lingvistike [“Concept” in the philosophy of language and cognitive linguistics] // Kontseptual'nyy analiz yazyka: sovremennyye napravleniya issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov. M.; Kaluga: IP Koshelev A.B., 2007. S. 26-33.
9. Derevyanskaya V.V. Lingvokul'turnyy tipazh «britanskiy kolonial'nyy sluzhashchiy» [Linguocultural type “British colonial servant”]: avtoref. dis. …kand. filol. nauk. Volgograd, 2008. 22 s.
10. Dmitriyeva O.A. Lingvokul'turnyye tipazhi Rossii i Frantsii XIX veka [Linguocultural types of Russia and France of the 19th century]: monografiya. Volgograd: Peremena, 2007. 307 s.
11. Karasik V.I. YAzykovaya lestnitsa poznaniya [Language ladder of cognition]. M.: Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, 2020. 462 s.
12. Kornilov O.A. YAzykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities]. 2-ye izd., ispr. i dop. M.: CheRo, 2003. 349 s.
13. Krasavskiy N.A. Emotsional'nyye kontsepty v nemetskoy i russkoy lingvokul'turakh [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures]: Monografiya. M.: Gnozis, 2008. 374 s.
14. Kusse KH. Kul'turovedcheskaya lingvistika [Cultural linguistics]/ Per. s nem. M.: Gnozis, 2022. 536 s.
15. Markelova T.V. Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke [Pragmatics and semantics of means of expressing evaluation in the Russian language]: monografiya. M.: MGUP im. Ivana Fedorova, 2013. 300 s.
16. Motorina N.V. Lingvokul'turnyye skripty traditsionnogo kommunikativnogo povedeniya v Rossii i Anglii [Linguocultural scripts of traditional communicative behavior in Russia and England]: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2014. 22 s.
17. Pimenova M.V. Kontsept serdtse: Obraz. Ponyatiye. Simvol [Concept heart: Image. Concept. Symbol]: monografiya. Kemerovo: KemGU, 2007. 500 s.
18. Savitskaya Ye.V. Kognitivnyy substrat semanticheskoy sistemy angliyskogo yazyka i angliyskogo yazykovogo myshleniya [Cognitive substrate of the semantic system of the English language and English linguistic thinking]: monografiya. Samara: Porto-print, 2021. 428 s.

19. Silant'yev I.V. Syuzhetologicheskiye issledovaniya [Story research]. M.: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2009. 224 s.
20. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnyye kontsepty i metakontsepty [Linguocultural concepts and metaconcepts]: Monografiya. Volgograd: Peremena, 2004. 340 s.
21. Stepanov YU.S. Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. M.: Shkola «YAzyki russkoy kul'tury», 1997. 824 s.
22. Sternin I.A. Opisaniye kontsepta v lingvokontseptologii [Description of the concept in linguoconceptology]// Lingvokontseptologiya. Vyp.1. / Nauch. red. I.A. Sternin. Voronezh: Istoki, 2008. S. 8-20.
23. Shmelev A.D. Russkaya yazykovaya model' mira: Materialy k slovaryu [Russian language model of the world: Materials for the dictionary]. M.: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 224 s.

Статья поступила в редакцию 09.05.2023
Статья одобрена после рецензирования 06.09.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

УДК 81-25

Жирова Ирина Григорьевна
Irina Zhirova

Английские лексические заимствования как «невыносимые слова» языковой моды в России

English Lexical Borrowings as "Unbearable Words" of Language Fashion in Russia

Аннотация. *Лексический фонд русского языка под влиянием в основном английского языка подвергается дестабилизации, обусловленной социальными экстралингвистическими факторами. Значительные изменения, происходящие в общественном сознании в глобальном мире, находят непосредственное отражение в лексико-семантической системе русского языка, который подвержен активному процессу адаптации заимствованных из других лингвокультур слов к русской языковой культуре. «Жизненный цикл» заимствований зависит от целого ряда факторов, представленных в статье. Объектом анализа является языковая мода, предметом – конкретные заимствованные единицы из иностранных языков, некоторые из которых представляют собой «невыносимые слова» для русского языкового сознания. Цель статьи состоит в комплексном анализе таких слов, а также оценке условий их пребывания и функционирования в русском языке. Заимствованные слова могут принадлежать группе «модных» слов, а могут представлять собой целый пласт «новых» слов, появившихся в результате экономических, политических и культурных потрясений в современном мире. Задача исследования заимствованных слов представляется нам актуальной, поскольку большинство из них характеризуется, как правило, расширенным (уточняющим), весьма информативным, содержательно-смысловым пространством. Диалектически заимствованное слово имеет черты, с одной стороны, элитарности и избранности, а с другой – массовости и частотности употребления. На необходимость заимствования того или иного слова оказывает влияние лингвокультурологический и социолингвистический факторы. Теоретическое значение исследования заимствований велико, поскольку ввод таких слов в русский язык обогащает и расширяет его словарный запас. Статья представляет собой и практическую ценность, поскольку материал, представленный в ней, может использоваться в практике вузовского преподаваний многих лингвистических дисциплин.*

Abstract. *The lexical fund of the Russian language under the influence of mainly English is subject to destabilization due to social extralinguistic factors. Russian Russian is subject to an active process of adaptation of words borrowed from other linguistic cultures to the Russian language culture. Significant changes taking place in the public consciousness in the global world are directly reflected in the lexico-semantic system of the Russian language. The "life cycle" of borrowings depends on a number of factors presented in the article. The object of the analysis is the language fashion, the subject is specific borrowed units from foreign languages, some of which are "unbearable words" for the Russian language consciousness. The purpose of the article is to provide a comprehensive analysis of such words, as well as to assess*

the conditions of their stay and functioning in the Russian language. Borrowed words may belong to a group of "fashionable" words, or they may represent a whole layer of "new" words that have appeared as a result of economic, political and cultural upheavals in the modern world. The task of studying borrowed words seems relevant to us, since most borrowed words are characterized, as a rule, by an expanded (clarifying), very informative, meaningful and semantic space. Dialectically borrowed word has features, on the one hand, elitism and izboannost, and on the other – mass and frequency of use. The need to borrow a word is influenced by linguoculturological and sociolinguistic factors. The theoretical significance of the study of borrowings is great, since the introduction of such words into the Russian language enriches its vocabulary. The article is also of practical value, since the material presented in it can be used in the practice of university teaching of many linguistic disciplines.

Ключевые слов: *заимствованные слова, языковая мода, лексический фонд, мировой глобализм, лексико-семантическая система, национальный язык*

Keywords*: borrowed words, linguistic fashion, lexical fund, world globalism, lexico-semantic system, national language*

Введение

Актуальность статьи обусловлена прежде всего тем, что лексический фонд русского языка активно пополняется словами, которые А. И. Солженицын определил как «невыносимые слова», засоряющие национальные языки и таким образом в той или иной мере дестабилизирующие языковые системы.

В то время как ***новизна*** статьи состоит в том, что обосновывается социолингвистический статус заимствованных слов, выявляются некоторые параметры заимствования русским языком иностраннных слов, а также доказывается влияние экстралингвистических факторов на процесс заимствования иностранных слов.

Теоретическая база статьи включает научные труды таких ученых, как Ю. Д. Апресян [Апресян, 1990], Н. С. Валгина [Валгина, 2001], А. Вежбицкая [Вежбицкая, 1997], Н. Т. Вепрева, Н. А. Купина [Вепрева, Купина, 2007], И.Г. Жирова [Жирова, 2012, 2021], Э. А. Китанина [Китанина, 2005] и др.

Методологически необходимость написания статьи продиктована широкомасштабными, социально и культурно обусловленными преобразованиями всей лексико-семантической системы русского языка под влиянием в первую очередь глобального английского. В связи с этим в статье использованы следующие ***методы***: описательный, интерпретативный, а также социолингвистический и частично лингвокультурологический анализ.

Теоретическая и ***практическая значимость*** статьи заключается в осмыслении того, как в языке протекает процесс заимствования, почему он столь необходим для постоянного развития любого языка, а также в возможности использования материала статьи в практике преподавания многих лингвистических дисциплин, например, таких, как социолингвистика, лексикология, лингвокультурология и пр.

Мировой глобализм затрагивает не только экономику и политику той или иной страны, но и ее культуру, в том числе языковую. Носители русского языка активно пользуются английскими словами, не замечая ничего противоестественного и предосудительного в этом, поскольку английский – это своего рода *lingua franca* в межкультурной и межъязыковой коммуникации. Во многом это объясняется тем, что огромное количество – если не большинство – престижных, всемирно известных отраслевых журналов, профессионально ориентированной, отраслевой, а также популярной художественной литературы выпускается на английском языке. Это приводит к тому, что более 90 % мировой информации, в частности – в науке и бизнесе, культуре и экономике, приводится на английском языке и, следовательно, формируется под непосредственным влиянием этого языка.

В некоторых случаях сама жизнь диктует необходимость заимствования английских слов (особенно в профессиональной, отраслевой сфере), поскольку упрощается и ускоряется межкультурная коммуникация на всех уровнях общения, в других – неоправданное употребление английского новояза свидетельствует об определенном языковом «беспределе». При этом речь идет об отрыве употребляющего такую лексику языковой личности от своей языковой культуры, тем самым вносящим языковую «смуту» чаще всего в бытовую социокультурную среду. Национальный язык под влиянием английского начинает терять свою идентичность, культурное своеобразие, приобретая черты «негативной» нейтральности.

По-видимому, современный английский язык динамично вторгается в национальные языки, разрушая их культурную идентичность и нарушая тем самым взаимопонимание в языковой общности нации, а также способствуя б***о***льшему

расслоению на социальные группы. С сожалением признаем, что присутствие английского языка в бытовом русском избыточно. Одним из важнейших качеств правильного русского языка должны быть упорядоченность и сознательная обработанность в первую очередь национального языкового материала. Следует учитывать высказывание М. Горького, отмечавшего, что «язык создается народом…. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый показал, как следует пользоваться материалом народа, как надобно обрабатывать его» [Цит. по: Костомаров, 2014: 9].

Однако значимая для России языковая реформа А. С. Пушкина, базой которой послужил народный язык, была во многом подготовлена Г. Р. Державиным. Заметим, что именно Г. Р. Державин придерживался свободной филологической морали: правильно все, что способствует самостоятельному выражению мысли и чувства. Будучи языковым «анархистом», он позволял себе вольность использования заимствованных из немецкого языка слов. Так, В. Ходасевич отмечает, что «в слове он (Г. Р. Державин) видел материал, принадлежащий ему всецело. Нетерпеливый, упрямый и порой грубый, он и со словом обращался так же: гнул его на колено. Не мудрено, что плоть русского языка в державинском нередко надломлена или вывихнута. Но дух дышит мощно и глубоко. Это язык первобытный, творческий. В нем абсолютная творческая свобода, удел дикарей и гениев» [Ходасевич, 1988: 199].

Работая над научной статьей об английских заимствованиях, представленных в русском языке, будем придерживаться нейтральной позиции стороннего наблюдателя, который призван констатировать факты, анализировать их и представлять научному сообществу, заинтересованному в исследовании этой проблемной тематической зоны. Согласимся с В. Г. Костомаровым, что «вмешательство человека в дела языка… – неправомерная и обреченная на неудачу попытка насильственно насаждать абстракции, искусственно получаемые из фактов реального употребления» [Костомаров, 2014: 13].

Основная часть

Социальная обусловленность языка очевидна, поскольку он представляет собой общественное явление, а его развитие

зависит от многих социально-политических, идеологических условий и обстоятельств. Вследствие этого любой национальный язык постоянно и методично подвергается политической, экономической и культурной обработке. Присутствие социального аспекта в науке о языке представляет собой необходимое условие его развития. Динамика изменений в лексико-семантических, грамматических и других языковых системах в настоящее время существенна, поскольку во всех сферах жизнедеятельности человека наблюдаются кардинальные перемены.

Социальное неравенство, наличие политической и экономической элиты (кастовости) провоцирует менее «значимых» людей подражать им с определенной целью: приблизиться к ним и стать «своим»: ложная идентификация себя как значимой для общественного сознания личности. Именно этому в какой-то мере способствует и отсутствие четко сформулированной национально ориентированной языковой политики.

Так, современная языковая политика в России носит чаще всего скрытый, имплицитный характер, демонстрирующий связь между как глобальным, так и национальным интеллектуальным прогрессом и переосмыслением многих, в том числе и языковых средств выражения. По-видимому, доминирующие мировые социальные идеи определяют становление идеологических институтов власти, координирующие в том числе и нормы языка, в котором в настоящее время главенствующая роль отводится эвфемистической функции (функции целенаправленной замены), направленной на то, чтобы спрятать и таким образом «нейтрализовать» истинные смыслы, сделать их не вполне ясными.

Роль многих заимствований заключается в формировании политической, экономической и культурной внешней корректности, устремленной к «затуманиванию мозгов». Именно это языковое явление позволяет манипулировать общественным сознанием, формируя ложное представление о национальной ценностной картине мира.

Так, в русском языке наблюдается переизбыток заимствованных из английского языка слов при наличии

равнозначных и равноценных русских. Во многих случаях языковое сообщество спонтанно пытается развести семантику синонимичных лексических единиц: национальных и заимствованных. Хотя стоит признать, что многие «обрусевшие» слова были заимствованы из других языков, однако со временем смогли достичь статуса «своих», «родных».

Рассмотрим те слова, которые достаточно давно были введены в состав русского нормативного языка, нашли свое широкое применение в его узусе, приобретя при этом и некоторый объем семантического национального своеобразия принимающего языка. Например, *терпимость* и *толерантность* (*tolerance*), *обобщение* и *генерализация* (*generalizing / generalization*), *господство* и *доминирование* (*domination*), *повторение* и *дублирование* (*doubling*) и др.

Так, ***терпимость*** в русском языке означает «способность мириться с кем-, чем-л., относиться снисходительно к кому-, чему-л., терпимое отношение» [СРЯ, т. 4, 1984: 359], в то время как лексическая единица ***толерантность*** в этом словаре отсутствует. В *Словаре иностранных слов* (СИС) эта лексема представлена как «1) терпимость, снисходительность к кому- или чему-л.; 2) *биол., мед*. Полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности, т.е. потеря (или снижение) организмом животного или человека способности к выработке антител в ответ на антигенное раздражение» [СИС, 1980: 510].

В английском словаре “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English” под редакцией A. S. Hornby лексема ***tolerance*** (оценка качества протекающего в общественном сознании процесса) означает «quality of tolerating opinions, beliefs, customs, behaviour etc. different from one's own: *religious/racial tolerance*» [OALDCE, V. 2, 1982: 406], при этом ***tolerating*** (процесс) – это “allow or endure without protest” [там же: 406].

Отметим, что именно в русском языке ***толерантность*** активно используется в биологической и медицинской практике как терминологическая единица. Однако для нас наибольший интерес представляет семантический сопоставительный анализ русской лексемы ***толерантность*** и английской ***tolerance*** не в качестве термина, а как полноценных единиц национальных

языков, поскольку понятийные (семантические) зоны этих лексем совпадают только частично.

Вообще, как правило, заимствующий язык, принимая в свою лексико-семантическую систему то или иное новое иностранное слово, подвергает его частичному, а иногда – в историческом времени – и полному семантическому обновлению. При этом этот процесс чаще всего протекает спонтанно, поскольку в основе его лежит не абстрактное, когнитивно (осознанный, аналитический подход) обоснованное сопоставление семантических зон слова, а интерпретация высказывания, принадлежащего к донорскому иностранному тексту, в котором это слово употреблено.

В связи с этим представляется значимой научная работа Р. А. Будагова, посвященная истории слов в истории общества, в которой он достаточно скрупулёзно представил историю появления некоторых заимствованных из европейских языков слов в русской языковой картине мира. Он весьма детально, опираясь на многочисленные научные источники, исследовал историческое развитие семантики значимых для русской языковой культуры заимствованных слов, исторически относящихся к античной культуре. Семантические границы заимствованных слов весьма подвижны, а «модернизация» иностранного слова иногда осуществляется на протяжении многих веков.

Так, в качестве примера, Р. А. Будагов проанализировал семантическую взаимозависимость таких лексем, как *персона, личность, индивидуальность, персонаж, гуманность*. Приведем лишь фрагмент из его работы. Он отмечает, что «античность по-своему сдерживала семантику *persona*. В значении «маска актера» слово могло развиваться и по направлению к более общему значению – «актер» вообще (через промежуточное звено «актер в маске» одновременно по совершенно другому руслу – «нечто условное, представляемое на сцене». Античный театр способствовал такому пониманию… Все это до известного времени сдерживало семантику самого слова *persona*, мешало ему развиваться in bonam partem (в положительном смысле)» [Будагов, 2004: 131]. Именно в средние века постепенно это слово начинает приобретать более абстрактное родовое значение

«человек», в том числе в итальянских текстах зафиксировано еще одно значение «жизнь человека», либо вообще «жизнь».

В то же время употребление этого слова в настоящее время весьма ограничена. Так, в разговорной практике ***персона*** относится либо к 1) негативно-оценочной лексике, либо 2) используется как слово с нейтральным значением, например, в ресторане при расчете обслуживания, либо 3) как терминологическая единица дипломатического дискурса (персона грата / нон грата.

По-видимому, семантическая ситуация того или иного заимствованного слова неоднозначна: в начале оно появляется либо как «необходимое» для языка слово, заполняющее «лакуну», (так, например, новая реалия) в его лексико-семантической системе, либо как «модное» в социолингвистическом (общественном) плане слово, а далее, эта лексема либо а) закрепляется в лексико-семантической системе, либо б) его значение подвергается влиянию других, уже закрепленных в языке лексем, и под их влиянием семантическое наполнение слова начинает трансформироваться.

Таким образом, заимствованное слово может закрепиться в нормативной лексико-семантической системе языка, а может на какое-то время оказаться в антинормативной базе этой системы и представлять собой инородный элемент («невыносимое слово»), с появлением которого нужно на какое-то время смириться. В мире, в котором постоянно происходят глобальные потрясения, в том числе и языковые, люди намного терпимее относятся ко многим языковым изменениям. Все виды общения (межличностное, межъязыковое и пр.) меняются качественно, «либерализуются» в связи с усилением роли Интернета в жизни человека.

Чаще всего заимствуется только та понятийная зона, в уточнении которой принимающий язык в той или иной степени заинтересован. При этом семантика заимствованного слова либо сужается, либо расширяется в зависимости от «требований» принимающего языка. В какой-то мере «модные» слова оптимизируют внутрикультурное общение, поскольку их «семантическое состояние» склонно учитывать языковые

предпочтения, а также чувства и эмоции говорящего здесь и сейчас.

Так, под влиянием некоторых когнитивно обусловленных языковых факторов произошло частичное размежевание понятийных зон лексем ***толерантность*** и ***tolerance***, ***генерализация*** и ***generalizing / generalization***, ***доминирование*** и ***domination***, дублирование и ***doubling*** в сопоставляемых языках. Расхождения в значениях можно проследить на материалах различных словарей: толковых и коммуникативно ориентированных («активаторах»). При этом предполагается сопоставительный анализ информации, представленной в столь различных лексикографических источниках.

Глобальная значимость английского языка существенно влияет на процесс лексического заимствования в русском языке. Языки чувствительны к иностранным словам, поскольку возможность культурного общения, расширение влияния англоязычной культуры через средства массовой информации предполагает в том числе и активное использование заимствованных слов. В конечном итоге это приводит к значительным нарушениям норм принимающего (целевого) языка. Однако целевой язык оказывает активное сопротивление лексико-семантическому «империализму» (термин введен Р. Филлипсоном) английского языка: частично либо значительно трансформируя смысл заимствованного слова. Таким образом, в целевом языке происходит расширение и обновление всей лексико-семантической системы.

Стоит обратить внимание и на то, что многие английские заимствования полностью оправдывают свое появление в русской языковой картине мира. В таком случае речь, как правило, идет о профессиональной деятельности человека (например, компьютер, сайт, монитор и пр.). В то же время есть лексические заимствования, которые «захламляют» русский язык, они не соответствуют нормам как звуковой (например, трудно произносимые лексемы *уик-энд, истеблишментский* и пр.), так и смысловой русской ментальности (*имидж, брифинг, стагнация, эмбарго* и пр.), внося определенную дисгармонию в русский язык.

Российская социокультурная среда негативно воспринимает «вторжение» многих иностранных слов, хотя со

временем некоторые из них, будучи востребованными для заполнения некоторого семантического вакуума, образовавшегося в результате глобальных процессов, протекающих в мировой экономике, политике и культуре, находят свое место в русской языковой картине мира. Однако стоит отметим, что такие лексемы на протяжении некоторого времени остаются семантически нестабильными, их информативная база постоянно уточняется: либо расширяется, либо сужается (например, *компетенция, секвестирование, транспарентный, преференция* и пр.).

Такая нестабильность связана в первую очередь с тем, что лексемы, заимствованные сравнительно недавно, характеризуются намеренным субъективизмом, поскольку языковая личность склонна порой творчески подходить к их использованию в общении, что и приводит подчас к смысловой дисгармонии. Авторская рефлексия приобретает особый смысл, когда речь заходит о заимствованных словах. В лингвокогнитологии признается, что именно понятие представляет собой реальную сущность в сознании людей. Однако сам процесс заимствования настолько субъективен, что сопоставление сущностей в сознании людей, принадлежащих разным лингвокультурам, представляется проблематичным. Алгоритм семантической идентификации заимствованного слова пока не разработан.

Язык имеет одну существенную функцию, на которую раньше обращали мало внимания: метаязыковая (сверхязыковая). Эта функция значима, поскольку определяется говорящим по поводу использования того или иного слова из целого синонимического списка. У. Чейф рассматривает понятия, закрепленные в слове как реальные сущности в сознании человека говорящего [Чейф, 2015: 89-93]. Каждый человек подвержен авторской рефлексии и под влиянием ближайшего социума начинает активно использовать то или иное заимствованное слово в своей речевой практике. Так, можно сказать: *парикмахер*, а можно – *стилист, динамичный – драйвовый, охрана – секьюрити* и пр. При этом очевидно, что ранее заимствованные слова из других языков (например, тот же *парикмахер*) начинают вытесняться уже другими

заимствованными словами. Таким образом, многие слова становятся актуальными (модными) в тот или иной период времени, поскольку обладают определенной степенью внешней звуковой новизны, которая всегда привлекает людей: *гламур, пиар, промоутер, кастинг, бизнесмен / бизнеследи, бойфренд, шоумен* и др. Все эти слова были заимствованы из английского языка, хотя некоторые из них не являются «чистокровно» английскими.

Роль языка вполне очевидна: помогать людям в общении, способствовать взаимопониманию, а также служить коммуникативному удобству человека. При этом лексическая система слов, взаимодействуя с системой понятий, а также с системой текстовых смыслов приобретает форму трехсторонней семантической системы. Таким образом, утверждение Ф. де Соссюра, что язык представляет собой систему отношений, наделенную определенными функциями, в настоящее время нуждается в некотором уточнении, поскольку речь идет о взаимодействии элементов, обладающих самостоятельностью, которая столь очевидна в заимствованной из других языков лексике. Речь идет о той лексике, появление которой в любом языке зависит от многих социо- и культурно обусловленных факторов.

Заключение

Язык принадлежит культуре и представляет собой «инструмент» для упорядочения окружающей действительности и тем самым способствующий ее постижению. Так, современная лингвистика ориентирована на функционирование языка в глобальном мире. При этом, очевидно, лексико-семантическая система наиболее чувствительна к многообразию социально ориентированной (культурной, экономической и политической) жизни человека. Речевое поведение языковой личности зависит от условий ее «обитания» в том социуме, которому она принадлежит. Язык детерминирован социальной, профессиональной и пр. жизнью человека.

Современная лингвистика активно обогащается лексикой, заимствованной из смежных гуманитарных дисциплин: социологии, культурологии, психологии и пр. Ментальные особенности окружающей картины мира отражены в этой

лексике и являются весьма информативными для языковой личности. Наличие заимствованных слов свидетельствует о том, что, во-первых, в определенной части социума популярна тенденция замены «классических», традиционных слов на новые, «модные» лексемы, которые некоторые люди воспринимают как «невыносимые слова». Во-вторых, научный и технологический прорыв во многих профессиональных сферах привел к появлению многочисленных новых слов, столь необходимых для эффективной коммуникации.

Отметим специфику заимствованной лексики: подчас носители родного языка ее понимают, но не всегда активно употребляют в повседневном общении, в котором преимущество отдается либо «классической» нормативной лексике, либо той заимствованной лексике, которая перешла в разряд общеупотребительной.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Филологические исследования. М.: Наука, 1990. С. 60-73.
2. Будагов Р.А. История слов в истории общества // 2-е изд. доп. М.: Добросвет-2000, 2004. 256 с.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001, 300 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
5. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб: «Златоуст», 2014. 220 с.
6. Вепрева Н.Т., Купина Н.А. Новое слово в социально-психологическом контексте современности // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина / Отв. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М.: Языки славянской культуры. 2007. С. 83-98.
7. Жирова И.Г. Экспансионизм современной лингвистики // Сб. Перевод и когнитология в XXI веке / Материалы V Международной научной теоретической конференции. М.: МГОУ, 2012. С. 84-88.
8. Жирова И.Г. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Сб. Дискурсивные практики в современном мире. / Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: МГОУ, 2021. С. 83-89.

9. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке. Ростов н/Дону, 2005. 316 с.
10. Словарь иностранных слов (СИС) / Словарь иностранных слов под ред. Ф.Н. Петрова. – 7-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1980. 624 с.
11. Словарь русского языка (СРЯ) // Словарь русского языка в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. 1984. 794 с.
12. Ходасевич В. Державин // Серия: Писатели о писателях. М.: Изд-во «Книга», 1988. 385 с.
13. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. 848 с.
14. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English (OALDCE) // Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English в 2-х томах под ред. Hornby A.S. Т. 2. 1982. 528 с.

References

1. Apresyan YU.D. Yazykovye anomalii: tipy i funkcii // Filologicheskie issledovaniya. M.: Nauka, 1990. pp. 60-73. (in Russian).
2. Budagov R.A. Istoriya slov v istorii obshchestva // 2-e izd. dop. M.: Dobrosvet-2000, 2004. 256 pp. (in Russian).
3. Valgina N.S. Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke. M.: Logos, 2001, 300 pp. (in Russian).
4. Vezhbickaya A. YAzyk. Kul'tura. Poznanie. M.: Russkie slovari, 1997. 411 pp. (in Russian).
5. Kostomarov V.G. YAzyk tekushchego momenta: ponyatie pravil'nosti. SPb: «Zlatoust», 2014. 220 pp. (in Russian).
6. Vepreva N.T., Kupina N.A. Novoe slovo v social'no-psihologicheskom kontekste sovremennosti // YAzyk v dvizhenii: K 70-letiyu L.P. Krysina / Otv. E.A. Zemskaya, M.L. Kalenchuk. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury. 2007. pp. 83-98. (in Russian).
7. Zhirova I.G. Ekspansionizm sovremennoj lingvistiki // Sb. Perevod i kognitologiya v XXI veke / Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj teoreticheskoj konferencii. M.: MGOU, 2012. P. 84-88. (in Russian).
8. Zhirova I.G. Lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie elementy semantiki teksta // Sb. Diskursivnye praktiki v sovremennom mire. / Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. M.: MGOU, 2021. P. 83-89. (in Russian).
9. Kitanina E.A. Pragmatika inoyazychnogo slova v russkom yazyke. Rostov n/Donu, 2005. 316 pp. (in Russian).

10. Slovar' inostrannyh slov (SIS) / Slovar' inostrannyh slov pod red. F.N. Petrova. – 7-e izd., pererab. M.: Russkij yazyk, 1980. 624 pp. (in Russian).
11. Slovar' russkogo yazyka (SRYA) // Slovar' russkogo yazyka v 4-h tomah pod red. A.P. Evgen'evoj. – 2-e izd., ispr. i dop. T. 4. 1984. 794 pp. (in Russian).
12. Hodasevich V. Derzhavin // Seriya: Pisateli o pisatelyah. M.: Izd-vo «Kniga», 1988. 385 pp. (in Russian).
13. CHejf U. Na puti k lingvistike, osnovannoj na myshlenii // YAzyk i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2015. 848 pp. (in Russian).
14. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English (OALDCE) // Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English v 2-h tomah pod red. Hornby A.S. T. 2. 1982. 528 pp.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023
Статья одобрена после рецензирования 28.08.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

УДК 81’374

Карпова Ольга Михайловна
Olga Karpova

Имена Шекспировских персонажей в контексте писательской лексикографии

Names of Shakespeare’s Characters in the Context of Author Lexicography

Аннотация. **Цель** данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть принципы построения новых типов печатных и онлайн шекспировских энциклопедий и словарей героев произведений в условиях цифровизации. Описываются новые типы справочников, регистрирующих и обрабатывающих имена персонажей из шекспировских произведений, которые имеют богатые традиции в английской писательской лексикографии. Особое внимание уделяется инновационным способам лексикографической разработки антропонимов в новых шекспировских толково-энциклопедических словарях и тематических ономастиконах печатного и цифрового формата. **Процедура и методы.** Для анализа выбраны авторитетные толково-энциклопедические словари и ономастиконы ко всему творчеству и отдельным произведениям Шекспира. Основным методом исследования является метод лексикографического анализа, который проводится по таким параметрам, как адресат, объем и формат словаря; полнота и дифференциальность словника и лексикографической обработки антропонимов. **Результаты.** Проведённый анализ показал, что рассмотренные в статье писательские энциклопедии включают новый экстралингвистический материал из современных исследований шекспироведов и применяют инновационные способы лексикографической разработки имен собственных. Словари героев произведений приобрели тематический характер, фиксируя и обрабатывая в словнике определенные группы антропонимов (имена детей, женщин, мужчин и т.д.). Новые печатные и онлайн ономастиконы нацелены на определнные группы пользователей и предлагают эффективные способы маршрутизации информационного поиска. Толково-энциклопедические словари Шекспира нового поколения всесторонне раскрывают лингвокультурный мир драматурга и служат надежным инструментом для изучения языка и культуры Елизаветинской эпохи. **Практическая значимость**. В заключение суммированы полученные выводы и сформулированы перспективы использования новых типов ономастических шекспировских словарей в исследованиях лингвокультурного наследия Англии.

Abstract. **Aim.** The aim of the paper is to describe the architecture of new types of printed and online dictionaries with special reference to Shakespeare encyclopedias and dictionaries of characters within digital lexicographic scene. New types of reference works, registering and describing names of Shakespeare characters, having rich historic roots, are analysed in the paper. Special attention is given to innovative ways of lexicographic treatment of antonyms in the new Shakespeare encyclopedic and thematic printed and digital dictionaries. **Procedures and Methods.** The analysis is carried out on the basis of Shakespeare encyclopedic and onomastic dictionaries to his complete and separate works. The author of the article uses method of lexicographic analysis based on the addressee, dictionary volume and format, and such parameters, as completeness of the macrostructure and lexicographic treatment of antonyms. **Results.** The analysis showed, that Shakespeare encyclopedic dictionaries described in the paper, began to include new extralinguistic material from modern Shakespeare scholarship and apply

innovative ways of antonyms lexicographic treatment. Dictionaries of characters became thematic ones, registering and describing in the macrostructure special groups of antonyms (children's, women's, men's names, etc.). New printed and online onomasticons are aimed at definite users' groups and offer them effective information search routs. Shakespeare new encyclopedic dictionaries significantly contribute to the playwright's linguocultural world discovery and serve a reliable tool for language and culture studies of Elizabethan era. **Research implications**. The paper conclusion summarizes obtained results and offers new perspectives for further usage of new onomastic Shakespeare dictionaries within English linguocultural heritage studies.

Ключевые слова: Шекспир, лексикография, толково-энциклопедический словарь, писательская энциклопедия, ономастикон, антропоним

Keywords: Shakespeare, lexicography, encyclopedic dictionary, author encyclopedia, onomasticon, antroponym

Введение

Шекспировская лексикография, которая зародилась в Англии в XVIII в., вплоть до настоящего времени продолжает пополнять богатый репертуар лингвистических и энциклопедических словарей новыми типами справочников различных форматов и объемов. Эти группы словарей объединяют полные и дифференциальные по словнику и лексикографической обработке конкордансы, глоссарии, толковые, частотные и иллюстративные словари, тезаурусы, общие и специальные энциклопедии, ономастиконы, словари цитат и пословиц Шекспира и многие другие традиционные и инновационные справочные ресурсы ко всему творчеству и отдельным произведениям драматурга.

Среди современных жанров писательских толково-энциклопедических словарей отметим:

- научные энциклопедии к произведениям Шекспира: *Shakespeare and Science* [Walker, Clark, 2021];
- культурологические словари, описывающие мир вещей и артефактов, действующих в художественном мире драматурга: *The Routledge Handbook of Shakespeare and Memory* [Hiscock, Perkins Wilder, 2018];
- тематические справочники, посвященные разработке определенных групп лексики, встречающейся у Шекспира: *The Cambridge Companion to Shakespeare and War* [Loewenstein, Stevens, 2021];
- терминологические словари, описывающие термины из различных предметных областей, в которых

драматург признан профессионалом: *Botanical Shakespeare* [Quaely, 2017] и другие печатные и онлайн лексикографические ресурсы [Karpova, 2020: 241-254].

В течение многих веков авторы словарей ко всему творчеству и отдельным произведениям великого драматурга включали в мега-, макро- и микроструктуру своих справочников различные языковые единицы, всесторонне отражающие лингвокультурный мир Шекспира. Постепенно они оформились в специальные группы, среди которых особо выделяются **ономастиконы**, включающие и обрабатывающие имена шекспировских персонажей и другие антропонимы. История их создания относится к началу XIX в., когда в английской писательской лексикографии начали появляться **словари героев произведений,** регистрирующие имена собственные из произведений Шекспира. С течением времени менялся их формат, объем, источники, адресат, принципы формирования словника и способы лексикографической обработки входных единиц.

Шекспировские энциклопедии

Следует отметить, что за всю историю создания шекспировских ономастиконов сложилось несколько групп справочников, фиксирующих различные типы имен собственных из произведений драматурга. Среди них отметим **писательские энциклопедии и путеводители** (*author encyclopedias, guides, handbooks, companions*), например, энциклопедию Л. Дэнтона-Даунера и А. Райдинг *Essential Shakespeare Handbook* [Danton-Dauner, Riding, 2014]; **словари героев произведений** (*name dictionaries, dictionaries of characters*): The Shakespeare Name Dictionary [Davis, Frankforter, 2004], *Exit, Pursued by a Bear: Shakespeare's Characters, Plays, Poems, History and Stagecraft* [McConnell, 2003], *A Theatergoer's Guide to Shakespeare's Characters* [Fallon, 2004]; **индексы «Кто есть кто у Шекспира»** (*Who is Who in Shakespeare*) [Stokes, 2007].

Рассмотрим наиболее авторитетные ономастические ресурсы, которые объединили в одном томе лучшие находки лексикографов и шекспироведов, став для современных читателей настоящими путеводителями в лингвокультурном пространстве драматурга. Среди писательских энциклопедий общепризнанным авторитетом в мире шекспироведения является

справочник, впервые опубликованный в 2004 г. и неоднократно переиздававшийся с дополнениями и изменениями. Это - *Essential Shakespeare Handbook*, составленный известными лексикографами Л. Дантом-Даунером и А. Райдингом [Danton-Dauner, Riding, 2014]. В отличие от многих других писательских энциклопедий ее авторы не только эффективно использовали достижения полиграфической семиотики, сделав справочник как можно более привлекательным для пользователя (студента, переводчика, филолога), но и значительно усовершенствовали маршрутизацию информационного поиска. Этому способствовала удачно разработанная авторами **мегаструктура**, которая построена по тематическому принципу, начиная с очерка, посвященного языку Шекспира, и подробного описания сюжета комедий, драм и трагедий Шекспира. Справочник имеет прерывный словник и включает различного рода экстралингвистическую информацию о творчестве великого драматурга. В приложении к энциклопедии приведен удобный алфавитный указатель входных единиц, позволяющий быстро находить запрашиваемую справку.

Дизайн справочника включает красочные графические иллюстрации, подбор удачных шрифтов для каждого раздела мега-, макро- и микроструктуры, а также цветовые маркеры, что выгодно отличает его от ранее изданных толково-энциклопедических шекспировских словарей. Печатный формат энциклопедии привлекает читателей, особо преданных печатному слову, хотя с течением времени авторы планируют создать и ее цифровой аналог с инновационными маршрутами информационного поиска. Удачное расположение материала, который распределен по жанрам произведений (от комедий до трагедий), стал полным собранием языковых и энциклопедических сведений о входных единицах и привлек внимание не только англичан, но и пользователей из других стран.

Как принято в английской писательской лексикографии, в авторских энциклопедиях всегда присутствует раздел, посвященный героям произведений, поскольку антропонимы играют важную роль и несут интересные культурологические сведения, являясь ценными маркерами культуры. Не является исключением и *Essential Shakespeare* Handbook Л. Данта-Даунера

и А. Райдинга. В данном справочнике лексикографическая разработка антропонимов имеет свои особенности. **Макроструктура** справочника включает имена всех персонажей из произведений драматурга, которые расположены по порядку следования актов и сцен пьесы. Все они богато иллюстрированы фотографиями героев из различных театральных постановок. **Микроструктура** писательской энциклопедии строится следующим образом. Так, например, в комедии А *Midsummers Night's Dream в* разделе статьи *Dramatis Personae* перечисляются все герои, участвующие в пьесе (*Theseus, Egrus, Eysander, Demetrius и др*.), с кратким описанием их роли в произведении. Иногда в словарных статьях встречаются цитаты из пьес, однако их включение в микроструктуру носит фрагментарный характер, поскольку для писательских энцклопедий (в отличие от словарей героев произведений) введение в текст словарной статьи цитат из шекспировского текста не является обязательным: Theseus**.** Duke of Athens, he upholds ancient Athenian law and tells Hermia: "To you your father should be as a god".

В **микроструктуре** данного справочника в специальном разделе *Who's Who box* сначала приводятся акты с описанием всех участвующих в них персонажей, а затем дается их характеристика или кратко описывается роль персонажей в данной пьесе: **Demetrius** has been chosen as a husband of **Hermia**, but she is in love with **Lysander**, who is made – by Puck's magic – to fall in love with **Helena**, who is in love with **Demetrius**, who is eventually bewitched into returning her love. Не случайно имена других героев произведений, которые встречаются в словарной статье, выделяется в микроструктуре черным цветом. Это делается для того, чтобы в дальнейшем пользователь мог получить информацию о всех упомянутых в статье персонажах.

Поскольку жанр толково-энциклопедического словаря предполагает включение в микроструктуру всесторонней экстралингвистической информации о той или иной пьесе, в разделе *On stage* можно встретить различные дополнительные сведения и об актерах, сыгравших те или иные роли на сценах различных стран мира, как, например, в статье, посвященной пьесе *The Merchant of Venice*: For John Caird's 1984 London production, actor Ian McDiarmud prepared his role in Jerusalem,

where the Yiddish of Mea Sh'arim jews inspired him to play Shylock with the Yiddish accent…

Есть и другие инновации, которые авторы справочника применили в микроструктуре, ранее не встречавшиеся в шекспировских энциклопедиях. Так, например, в статьях, посвященных описанию исторических пьес Шекспира в энциклопедию, ввели раздел *Historical Sources*, который содержит даты, связанные с определенным историческим периодом, действие которого раскрывается в пьесе: *Key Dates in the Plot*. Например, в пьесе *Antony and Cleopatra*, читаем: more than in any other tragedy, Shakespeare respects historical fact, but telescopes events. 51 BC Cleopatra is crowned Queen of Egypt. 48 BC Cleopatra seduces Julius Caesar. 46 Julius Causar becomes dictator of Rome….

В словаре также встречаются другие разделы, чаще связанные с историей написания пьес, например, *The Problem Plays* и *Plays History*. Однако они не содержат какой-либо информации о шекспировских персонажах. В целом, данный справочник является самым удачным примером современной шекспировской энциклопедии, которая учитывает новые исследования в международном шекспироведении и достижения английской писательской лексикографии, накопленные за всю ее историю.

Тематические шекспировские ономастиконы

Печатный формат

Шекспировские ономастиконы, относящиеся в группе словарей героев его произведений, которые появились в последнее время, представлены в печатном и онлайн формате, который все больше завоевывает признание у различных целевых групп пользователей. Более того, в настоящее время претерпел изменение и способ организации входных единиц в словнике, который от алфавитного перешел к тематическому [Карпова, 2022: 102-111]. Среди новых **печатных** тематических ономастиконов следует отметить словарь *Women in Shakespeare: A Dictionary* из серии *Arden Shakespeare Dictionary Series* [Findlay, 2014]. В макроструктуре зарегистрированы все типы имен собственных: исторические, мифологические, реальные, вымышленные и т.д.; антропонимы, обозначающие социальный

статус женщин: *queen, dutchess, countess, empress, hostess* и *их* семейное положение: *wife, mother, aunt, daughter*). Большинство женских имен описывается в словаре чрезвычайно подробно и нередко включает пересказ сюжета, происхождение имени, а также цитаты с указанием их адреса в шекспировском тексте [Карпова, 2019: 8-14].

Микроструктура ономастикона имеет заголовок, название произведения, толкование имени и иллюстративный пример с антропонимом, снабженную адресом цитаты в шекспировском тексте для быстрого нахождения в произведении, например:

Margery (a) the medieval vernacular form of **Margaret**. (b) 'Margery' is **associated** with working women in Shakespeare. It is the name of Lancelot Gobb's mother (*Mer*.2.284-6) who is referred to but does not appear; of 'Margery Jordan, the cunning witch' (*2HVI* 1.2.75), and in Stephano's song, one of the girls who keeps sailors company (*Temp* 2.1.48). Its associations with low-class gossip may be why Leontes mocks Pauline as 'Lady Margery, your midwife (*WT* 2.3.166).

Хорошим информационным средством данного тематического ономастикона является алфавитный индекс, который приводится в приложении к словнику, включающий все женские имена из словаря, что способствует быстрому нахождению запрашиваемой справки в макроструктуре справочника.

Интересно отметить, что в условиях повышенного внимания к расовой проблеме в мире в 2023 г. появился новый тематический ономастикон *White People in Shakespeare* по этническим, культурным и расовым проблемам Елизаветинской эпохи, затронутым в творчестве драматурга, который опубликован в известной серии *Arden Shakespeare* [Little, 2023]. Он строится по принятым в писательской лексикографии принципам и отличается лишь тематикой, которая ранее не затрагивалась в шекспировских лексикографических источниках.

Цифровой формат

Оставаясь образцом для создания новых печатных словарей героев произведений Шекспира, цифровая лексикография добавила в свой репертуар ряд **тематических онлайн словарей**. Это - два справочных ресурса, посвященных

именам детских персонажей из сочинений Шекспира: *Shakespeare Baby Names For Boys*[1] и *Shakespeare Baby Names For Girls*[2], которые организованы по гендерному признаку. Первый ресурс включает имена мальчиков и юношей, среди них: *Aaron* (Titus Andronicus), *Abram (*Romeo and Juliet), *Achilles* (Troilus and Cressida), *Adam* (As You Like It) *Adrian* (Coriolanus, The Tempest). Второй ресурс фиксирует имена молодых героинь из пьес Шекспира: *Adrian* (Coriolanus, The Tempest), *Adriana* (The Comedy of Errors), *Albany* (King Lear), *Alexas* (Antony and Cleopatra), *Alice* (Henry V), *Aliena* (As You Like It) и т. д. Справочники позволяют легко ориентироваться в текстах драматурга и по названию пьесы быстро находить необходимое имя, хотя здесь нет дефиниций и цитат, характерных для печатных тематических ономастиков, что несколько умаляет его информативную ценность.

Одновременно с этими цифровыми ономастиконами появились два новых более информативных онлайн справочника: Top *Shakespeare Villains*[3] и *Creatures created by Shakespeare*[4], авторы которых существенно усовершенствовали маршрутизацию поиска, добавив в статьи информацию о каждом персонаже, которая раскрывается в гипертексте. Так, автор тематического ресурса, в котором собраны все мифические и фантастические существа из пьес Шекспира, постарался учесть опыт составления упомянутых выше ономастических ресурсов и добавил к каждому антропониму фотографии и рисунки существ, описав их роль в пьесах и снабдив их цитатами из шекспировских текстов.

---

[1] Shakespeare Baby Names For Boys. [Электронный ресурс]. URL: https://nosweatshakespeare.com/blog/shakespeare-baby-names-boys/ (дата обращения: 6.05.2023).

[2] Shakespeare Baby Names For Girls. [Электронный ресурс]. URL: https://nosweatshakespeare.com/blog/shakespeare-baby-names-girls/ ((дата обращения: 6.05.2023).

[3] Top Shakespeare Villains. [Электронный ресурс]. URL: http://www.shakespeare-online.com/plays/shakespearevillains.html (дата обращения: 10.05.2023).

[4] Creatures created by Shakespeare. [Электронный ресурс]. URL: https://non-aliencreatures.fandom.com/wiki/Category:Creatures_Created_by_William_Shakespeare (дата обращения: 25.04.2023).

На главной странице представлены фотографии этих существ из различных театральных постановок. Нажав на любое фото, пользователь получает доступ к более подробной информации о данном имени:

Ariel (The Tempset). Ariel is a naturespirit and a shapeshifting air elemental who acted as a servant to the Algerian with **Sycorax** and later to the wizard **Prospero** when he got stranded on a magical uncharted island. While he's been referred to by male pronoun, Ariel's actual gender remains ambiguous and he's variously been portrayed as female, genderless or androgous.

Технические возможности цифрового ресурса также позволяют получить все цитаты с именем из шекспировского текста, а также дополнительную информацию о пьесе, где участвует тот или иной герой, и другие справки, характерные лишь для цифрового ресурса, которые невозможно получить из печатного ономастикона, где всегда необходимо соблюдать принцип экономии места.

По такому же принципу построен и цифровой ономастический ресурс *Shakespeare's Best and Worst Couples*[1]. Сначала автор перечислил все лучшие пары в шекспировском творчестве: Beatrice and Benedick, ***Much Ado About Nothing's*;** Hotspur and Lady Percy, Henry *IV, Part 1;* Viola and Orsino, Sebastian and Olivia, *Twelfth Night's* и др. Худшими парами у Шекспира создатель ресурса назвал: Macbeth and Lady Macbet, *Macbeth*; Richard III and Lady Anne, *Richard III*. Каждое имя снабжено толкованием, фотографией персонажа из театральной постановки и подробным описанием, которые получают читатели, нажав на соответствующие справочные иконки. Создание таких необычных тематических ономастических справочников в цифровом формате определяет цифровое будущее словарей культурного наследия, которые, несомненно, будут появляться и дальше.

[1] Shakespeare's Best and Worst Couples. [Электронный ресурс]. URL: https://www.folger.edu/blogs/shakespeare-and-beyond/shakespeare-best-worst-couples/ (дата обращения: 10.05.2023).

Выводы

Шекспировские герои и их богатейший культурный мир являются отражением языка, истории и культуры Англии. Изучение творчества великого драматурга во всех его аспектах, включая лексикографические источники, продолжается, не смотря на хронологическую удаленность Шекспира от современного читателя. Репертуар толково-энциклопедических словарей ко всему творчеству и отдельным произведениям драматурга, которые относятся к словарям культурного наследия, постоянно расширяется, сохраняя паритет печатных и цифровых справочников в современной английской лексикографии.

Культурологическая направленность новых энциклопедий и тематических ономастиконов к произведениям Шекспира, появление новых типов справочников, изменение их объема и формата, а также принципов формирования мега-, макро- и микроструктуры, совершенствование маршрутизации информационного поиска в условиях цифровизации, способствует появлению новых типов ономастических шекспировских словарей и повышению их информативности и культурной ценности.

Литература

1. Карпова О.М. Лингвокультурный мир Шекспира в лексикографическом отражении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. №4. С. 102-111. Doi: https://doi.org/10.18384/2310-712X-2022-4-102-111.
2. Карпова О.М. Шекспировские словари нового поколения (на материале специальных словарей) // Вестник Московского государственного областного университета». Серия: Лингвистика. 2019. №2. С. 8–14. Doi: 10.18384/2310-712X-2019-2-8-14.
3. Danton-Dauner L., Riding A. Essential Shakespeare Handbook. New York: DK Publishing, 2014. 480 p.
4. Davis J., Frankforter A. The Shakespeare Name Dictionary. London: Routledge, 2004. 552 p.
5. Fallon R. A Theatergoer's Guide to Shakespeare's Characters: An Invaluable Companion to the Enduring People of his Plays. Chicago: Ivan R. Dee Publisher, 2004. 320 p.

6. Findlay A. Women in Shakespeare: A Dictionary. Arden Shakespeare Dictionary Series. London and New York: Bloomsbury Arden, 2014. 546 p.
7. Hiscock A., Perkins Wilder L., eds. The Routledge Handbook of Shakespeare and Memory. London and New York: Routledge, 2018. 362 p.
8. Karpova O.M. A New Wave of Shakespeare Lexicography (with Special Reference to LSP Dictionaries) // Lexicographica. 36. 2020, pp. 241- 254.
9. Little A. Jr., ed. White People in Shakespeare. Essays on Race, Culture and the Elite. The Arden Shakespeare. London and New York: Bloomsbury Publishing. 2023. 320 p.
10. Loewenstein D., Stevens P. The Cambridge Companion to Shakespeare and War. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 320 p.
11. McConnell L. Exit, Pursued by a Bear: Shakespeare's Characters, Plays, Poems, History and Stagecraft. Bloomsbury Publishing PLC, 2003. 406 p.
12. Quaely G. Botanical Shakespeare. London: HarperCollins Publishers Ltd., 2017. 208 p.
13. Stokes F. Who is Who in Shakespeare. A Dictionary of Characters and Proper Names. New York: Dover Publications, 2007. 384 p.
14. Walker C., Clark S. Shakespeare and Science: A Dictionary. Arden Shakespeare Dictionaries. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2021. 320 p.

References

1. Karpova O.M. Lingvokul'turnyy mir Shekspira v leksikograficheskom otrazhenii [Shakespeare’s Linguocultural World as Viewed Lexicographically]// Vesnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series Linguistics]. 2022. №4. С. 12-111. Doi: https://doi.org/10.18384/2310-712X-2022-4-102-111.
2. Karpova O.M. Shekspirovskiye slovari novogo pokoleniya (na materiale spetsial'nykh slovarey) [Shakespeare Ditionaries of a New Generation (Study of Special Dictionaries)]// Vesnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series Linguistics]. 2019. №2. С. 8–14. Doi: 10.18384/2310-712X-2019-2-8-14.
3. Danton-Dauner L., Riding A. Essential Shakespeare Handbook. New York: DK Publishing, 2014. 480 p.
4. Davis J., Frankforter A. The Shakespeare Name Dictionary. London: Routledge, 2004. 552 p.

5. Fallon R. A Theatergoer's Guide to Shakespeare's Characters: An Invaluable Companion to the Enduring People of his Plays. Chicago: Ivan R. Dee Publisher, 2004. 320 p.
6. Findlay A. Women in Shakespeare: A Dictionary. Arden Shakespeare Dictionary Series. London and New York: Bloomsbury Arden, 2014. 546 p.
7. Hiscock A., Perkins Wilder L., eds. The Routledge Handbook of Shakespeare and Memory. London and New York: Routledge, 2018. 362 p.
8. Karpova O.M. A New Wave of Shakespeare Lexicography (with Special Reference to LSP Dictionaries). In: Lexicographica. 36. 2020, pp. 241-254.
9. Little A. Jr., ed. White People in Shakespeare. Essays on Race, Culture and the Elite. The Arden Shakespeare. London and New York: Bloomsbury Publishing. 2023. 320 p.
10. Loewenstein D., Stevens P. The Cambridge Companion to Shakespeare and War. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 320 p.
11. McConnell L. Exit, Pursued by a Bear: Shakespeare's Characters, Plays, Poems, History and Stagecraft. Bloomsbury Publishing PLC, 2003. 406 p.
12. Quaely G. Botanical Shakespeare. London: HarperCollins Publishers Ltd., 2017. 208 p.
13. Stokes F. Who is Who in Shakespeare. A Dictionary of Characters and Proper Names. New York: Dover Publications, 2007. 384 p.
14. Walker C., Clark S. Shakespeare and Science: A Dictionary. Arden Shakespeare Dictionaries. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2021. 320 p.

Статья поступила в редакцию 26.05.2023
Статья одобрена после рецензирования 30.09.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 821.112.2.01:82-32

Бойко Борис Леонидович
Boris Boyko

Прозаическая строфа в оригинале и переводе (на материале одного из коротких рассказов Генриха Бёлля)

Prose Stanza in Original and Translation (Based on One of Heinrich Böll's Short Stories)

Аннотация. *Предлагаемая научной общественности статья имеет своим содержанием размышления о том новом, что автор, возможно, в силу своей недостаточной начитанности в области теории художественного перевода, обнаружил, перечитывая рассказы Генриха Бёлля в оригинале и переводе на русский язык. В жанровом отношении короткий рассказ – всегда экзамен для переводчика. Мастера художественной прозы приходят к короткому рассказу в силу различных обстоятельств своей творческой биографии, например потому, что краткость диктуется социальным заказом – требованиями ежедневной многостраничной газеты или издания иной периодичности, как правило, литературно-художественного. С другой стороны автор, подчас, начинающий писатель, пробует, а затем и совершенствует свое литературное перо в процессе создания короткого текста с четкой фабулой: начало (зачин) – сущность события, которому писатель был свидетелем или участником – завершение (концовка). И конечно же, завершение рассказа в той тональности, какая вытекает из событийной логики повествования, к какой всем рассказом подготовлен читатель. Крайние случаи – счастливое или трагическое завершение описываемого события или череды событий. Перевод прозаической строфы, впрочем, как и любого другого фрагмента художественного текста требует от переводчика профессионализма и понимания того, что от него ожидается – не только сохранения фабулы, но и мастерства писателя, выраженного как в лексике, так и в синтаксисе оригинала. Анализируемый перевод одного из коротких рассказов Генриха Бёлля на русский язык свидетельствует о непонимании переводчиком неделимости прозаической строфы, в данном случае оформленной как одно синтаксическое целое, к которой прибегает писатель в заключительном фрагменте рассказа. О необходимости сохранения замысла писателя, в частности, особых стилистических свойств прозаической строфы в данном случае как неделимого целого и необходимости сохранения этого целого в переводе, речь пойдет ниже.*

Abstract. *This article is a reflection on the new things that the author, perhaps due to his insufficient reading in the field of the theory of fiction translation, discovered while rereading Heinrich Böll's short stories in the original and translated into Russian. In genre terms, the short story is always a test for the translator. Masters of fiction prose come to the short story due to various circumstances of their creative biography, for example, because brevity is dictated by social order - the requirements of a daily multi-page newspaper or other periodical, usually literary and artistic. On the other hand, the author, sometimes a novice writer, tries and then perfects his literary pen in the process of creating a short text with a clear plot: the beginning (the beginning) - the essence of the event, which the writer witnessed or participated in - the end (the ending). And of course, the ending of the story in the tone that follows from the event logic*

of the narrative, to which the reader is prepared by the whole story. Extreme cases - happy or tragic ending of the described event or series of events. Translation of a prose stanza, like any other fragment of a fiction text, requires professionalism and understanding of what is expected of the translator - not only preserving the plot, but also the writer's skill expressed in both the lexicon and syntax of the original. The analyzed translation of one of Heinrich Böll's short stories into Russian testifies to the translator's lack of understanding of the indivisibility of the prose stanza, in this case designed as one syntactic whole, which the writer resorts to in the final fragment of the story. The necessity of preserving the writer's intention, in particular, the special stylistic properties of the prose stanza in this case as an indivisible whole and the necessity of preserving this whole in translation will be discussed below.

Ключевые слова: *перевод, короткий рассказ, прозаическая строфа, стилистика, синтаксис и пунктуация*

Keywords: *translation, short story, prose stanza, stylistics, syntax and punctuation*

Введение

Действие рассказа Генриха Бёлля „Steh auf, steh doch auf“, в русском переводе «Вставай, ну вставай же!» [Böll, 1967; Бёлль, 1987] разворачивается на фоне сцен послевоенного разорения и неустройства Германии – бесприютные руины городских кварталов, опрокинутый трамвай на конечной остановке у кладбища, ржавая кладбищенская калитка, неухоженные недавние захоронения с просевшей глиной (гробы в те времена делались из плотного картона) и измоченными затяжными дождями остатками цветов и еловых веток.

Рассказ начинается с эпизода, когда одинокий посетитель кладбища, стоя у могилы любимой женщины, лежащей под тяжестью мокрой кладбищенской глины, мысленно обращается к ней с призывом «Вставай, ну вставай же!». Невероятно, но призыв его не остается без ответа. Всем своим существом он ощущает за своей спиной отозвавшийся на его призыв и вырвавшийся из небытия призрак; охваченный страхом посетитель устремляется к выходу. Вот и кладбищенская ограда за его спиной и опрокинутый на конечном круге трамвай со вздувшимся боком, по которому стучит дождь. Преследуемый почти бежит по направлению к лежащему в сумерках городу, к живым – там и сям видны дымки печей сохранившихся среди руин жилищ. Однако призрак не оставляет его. Выбиваясь из последних сил, он прибавляет шаг, но не выдерживает, падает замертво и в запредельном свете оказывается вместе с любимой, чей призрак только что преследовал его. Теперь свободен и он. Любящие объединились, они вновь и теперь уже навсегда вместе.

Таков сюжет короткого рассказа, читающегося на одном дыхании и повествующего о трагедии двух молодых людей, разлученных войной.

Рассказ не был включен в состав первого послевоенного сборника рассказов Генриха Бёлля, переведенных на русский язык и изданных в Советском Союзе в 1964 году [Бёлль, 1964]. Не стал он составной частью и других сборников, выходивших в последующие годы [Бёлль, 1987; 1988]. Причиной тому, возможно, мистическая составляющая сюжета. Первое издание этого рассказа на русский язык датируется 2012 годом [Бёлль, 2012]. Нас этот рассказ заинтересовал и неожиданностью темы, не свойственной немецкому писателю-реалисту, и своеобразной стилистикой текста. Рассказ, доступный российскому читателю в оригинале и переводе на русский язык привлекает возможностью анализа переводческих решений. В частности, перевод заключительного фрагмента рассказа, где внутреннее напряжение повествования достигает своего апогея и завершается своеобразным заключительным аккордом. Такой прием в терминах отечественной стилистики и риторики именуется прозаической строфой (иные термины – период, сложное синтаксическое целое). В работах отечественных авторов по немецкой стилистике термин «прозаическая строфа» не встречается.

Прозаическая строфа: теория

Прозаическая строфа, иное наименование – период, как составная часть художественного текста, позволяет писателю какой-то фрагмент повествования приподнять над общим текстом, выделить частное в целом, придав ему особую значимость. Период в риторике, по мнению М.Л. Гаспарова, представляет собой развернутое синтаксическое построение, отличающееся полнотой раскрытия мысли и законченностью интонации. Как правило, это *сложноподчиненное предложение*. Обычно синтаксическая конструкция, открывающаяся в начале периода, замыкается лишь в конце его, а придаточные предложения, всесторонне освещающие главные, вставляются в нее, как в рамку [Гаспаров, 2014: 687].

Прозаическая строфа – это и совокупность синтаксических средств, обеспечивающих единство предметной

наглядности и чувственной конкретики изображения. Прозаическая строфа обладает особой поэтичностью, сочетая в себе совокупность совершенно необходимых для создания единого образа и одновременно разных по синтаксической простоте и сложности предложений.

Объем каждого из абзацев, в терминологии Г.Я. Солганика – «прозаической строфы», колеблется в пределах в среднем от 5 до 7 строк [Солганик, 2002: 229-256]. Обобщающее определение понятия «прозаической строфы» Г.Я. Солганика находим в одноименной словарной статье в «Словаре по риторике, языкознанию и эффективному общению». Здесь прозаическая строфа определяется как группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающая более полное, по сравнению с отдельным предложением, развитие мысли; одна из основных единиц речи [Солганик, 2013]. Однако тот же автор в упомянутой выше «Стилистике текста» (4-е изд., 2002) на с. 214-215 приводит пример *периода* – читай прозаической строфы – открывающий рассказ Л.Н. Толстого «Два гусара», объемом более 20 строк.

Характеризуя тип короткого рассказа (Kurzgeschichte), распространенного в немецкой литературе XX века, Е.А. Гончарова и И.П. Шишкина, отмечают сжатость повествования, ограничения фабульного времени и места действия, выбора точных характерологических деталей описания. Каждое предложение должно содержать новое, важное высказывание, необходимое для создания целостной картины. Вместе с тем короткий рассказ не ограничен тематически и в способе изображения действительности. Рассказываемая история может быть реалистической или в чем-то фантастической, драматической или лирической. Многообразной и подвижной может быть художественная форма и языковая структура короткого рассказа: от экспрессивной образной речи до подчеркнуто сухой, деловой, от поэтической до снижено разговорной. Темп повествования варьируется от плавного, однако ритмизированного, до нестабильного, часто меняющегося. Г. Бёлль, признанный мастер короткого рассказа, в одном из интервью сказал об этом следующее: „Es gibt nicht die Kurzgeschichte. Jede hat ihre eigenen Gesetze, und diese Form, die

Kurzgeschichte, ist mir die liebste. Ich glaube, dass sie im eigenen Sinn des Wortes modern, das heißt gegenwärtig ist, intensiv, straff. Sie duldet nicht die geringste Nachlässigkeit, und sie bleibt für mich die reizvollste Prosaform, weil sie auch am wenigstens schablonisierbar ist“. – «Не существует короткого рассказа. Каждый написан по своим законам, и эта форма, короткий рассказ, мне больше всего нравится. Думаю, что в истинном значении слова, он современен, внутренне динамичен и сжат. Он не допускает ни малейшей небрежности и остается для меня самой привлекательным образцом прозы, потому что практически не может быть написан по шаблону» [Гончарова, 2005: 281].

Неторопливость, спокойствие повествования обеспечены его синтаксисом – развернутыми сложными предложениями (периодами), преимущественно однотипной структуры с последовательной связью между компонентами, равномерным замедленным ритмом. Объективность повествования поддерживается предметной наглядностью, чувственной конкретностью языкового изображения. Эпическое изложение иллюстративное, наглядно-образное. Объективность повествования поддерживается предметной наглядностью, чувственный конкретностью языкового изображения. Эпическое изложение иллюстративное, наглядно-образное [Гончарова, 2005: 283].

Стилистические проблемы профессионального перевода

Сопоставление текста художественного произведения в оригинале и переводе – это всякий раз попытка одновременно познать фрагмент картины мира исходного языка и тот же фрагмент на языке перевода, это и размышления о профессиональном мастерстве переводчика и робкая мысль становящегося переводчика, а я смог бы перевести так или даже лучше? От меня, как переводчика художественных текстов, ожидается глубокое проникновение в материал, несущий на себе следы творца, понимание эстетических основ его творчества и одновременно его гражданской позиции.

Естественно, мы ознакомились с профессиональным переводом этого короткого рассказа Генриха Бёлля на русский

язык, сделанного А.Л. Уткиным [Бёлль, 2012: 44-48]. В процессе нашего заинтересованного чтения мы не могли не заметить успехи и неудачи переводчика. Трудно состязаться с писателем – в переводе ты, в отличие от писателя, всегда вторичен; не будучи писателем, ты никогда не достигнешь мастерства художника слова, однако сохранить мастерство прозаика в переводе ты обязан, в ином случае тебе не нужно, образно говоря, браться за перо. Неудовлетворенные переводом писатели сами принимались за перевод, чему блестящий пример переводческого мастерства Владимира Набокова и Чингиза Айтматова.

Извечная проблема литературоведа, искусствоведа, преподавателя, который может и обязан проникнуть в суть творчества, состоит в умении рассказать о процессе и результатах творчества мастера, но никогда не стать вровень с мастером, в силу вторичности переводческого мастерства. И все же, если ты дерзнул воссоздать произведение мастера на языке перевода, тебе придется испытать те же муки творчества, пусть вторичного, начиная от поиска эквивалента отдельного слова или словосочетания и заканчивая поиском эквивалентных синтаксических структур на уровне отдельных простых или сложных предложений, их последовательности в границах абзаца и всего рассказа, передаваемую ими динамику описываемого события. Динамика анализируемого нами рассказа Генриха Бёлля «Вставай, ну вставай же!» в оригинале и переводе – это замедляющийся бег теряющего последние силы человека, его попытка избавиться от преследующей его тени из мира мертвых, спастись, добежав до мира живых. Не удалось, хотя и, как мы убеждаемся в следующей строке оригинала, к счастью любящих…

Одна из составляющих мастерства художественного перевода предполагает понимание текста оригинала, писательского замысла и его воплощения в слове, связи образа самого писателя с содержанием им написанного, его индивидуальным стилем, отбором лексических и синтаксических средств. Действительно, короткое предложение, завершающее начальный абзац рассказа Генриха Бёлля, одновременно противопоставлено синтаксическому целому абзаца, представляющего собой композицию из одного сложного и

одного короткого предложений, объединенных единым замыслом. В переводе на русский язык находим ту же синтаксическую композицию, заодно оцениваем эквивалентность оригинала и перевода на лексическом уровне; в целом найденные профессиональным переводчиком решения нас удовлетворяют. Анализ перевода фрагментов текста на уровне лексики и фразеологии – задача самостоятельного переводческого анализа, решение которой мы перед собой не ставили.

Ihr Name auf dem roh zusammengehauenen Kreuz war nicht mehr zu lesen; der Pappdeckel des Sarges war schon eigebrochen, und wo vor wenigen Wochen noch ein Hügel gewesen war, war nun eine Mulde, in der die schmutzigen verfaulten Blumen, verwaschene Schleifen, mit Tannennadeln und kahlen Ästen vermengt, einen grauenhaften Klumpen bildeten. Die Kerzenstummel mussten gestohlen worden sein. (S. 27)	*Имя ее уже было не прочесть на только что сколоченном кресте; картонная крышка гроба успела продавиться, и там, где еще пру недель назад был холмик, образовалось углубление, где сбились в мерзкий комок грязные, сгнившие цветы, выцветшие ленты, осыпавшиеся еловые иголки да голые ветки. Огарки свечей скорее всего растащили… (С. 44)*

В профессиональном переводе на русский язык находим ту же разбивку текста на фрагменты, характерные для синтаксиса прозаической строфы и состоящие из отдельных сложных и простых предложений, объединенных писателем в соответствии с его видением единств смыслового содержания. И в оригинале, и в переводе видим аналогичный способ объединения предложений с помощью запятой и точки с запятой.

К сожалению, переводчик, то ли не улавливает замысел писателя, то ли находится под влиянием одного из положений трансформационной теории перевода, в частности, модели членения предложений, позволяющей ему членить громоздкие фрагменты текста, состоящие из нескольких простых и сложных предложений, объединенных всякий раз при помощи точки запятой в единое целое, на отдельные, менее «громоздкие» предложения. Кажущаяся забота о читателе, оборачивается нарушением замысла писателя, осознанно прибегнувшего к прозаической строфе, позволяющей ему передать нарастающее

напряжение повествования перед его завершением. Вместо трех авторских предложений в составе прозаической строфы у Бёлля, в переводе мы находим пять (!) предложений и разрушенный замысел писателя, стремившегося передать нарастающее напряжение повествования, освобождение главного героя от непереносимой тяжести земного груза и встречу двух любящих сердец в светлом и бескрайнем мире:

(1) Nun erst spürte ich auch, dass der Schweiß in Strömen an meinem ganzen Körper herunterlief; mein Gang war mühsam geworden, schwer war die Last, die ich zu schleppen hatte, die Last der Welt. (2) Mit unsichtbaren Seilen war ich daran gebunden, sie an mich, und es zog nun und zerrte an mir, wie eine abgerutschte Last das ausgemergelte Maultier unweigerlich in den Abgrund zwingt. (3) Mit allen Kräften stemmte ich mich an gegen jene unsichtbare Schnüre, meine Schritte wurden kurz und unsicher, wie ein verzweifeltes Tier warf ich mich in die drosselnde Schnürung: meine Beine in der Erde zu versinken, während ich noch Kraft fand, meinen Oberkörper aufrecht zu erhalten; bis ich plötzlich spürte, dass ich nicht durchhalten könnte, dass ich auf der Stelle zu verhalten gezwungen war, die Last schon so wirksam, mich am Ort zu bannen; und schon glaubte ich zu spüren, dass ich den Halt verlor, ich tat einen Schrei und warf mich noch einmal in die gestaltlosen Zügel – ich viel vornüber aufs Gesicht, die Bindung war zerrissen, eine unsagbar köstliche Freiheit hinter mir, und vor meinen Augen eine helle Ebene, auf der nun sie stand, sie, die dort hinten in dem kümmerlichen	*(1) Только сейчас я почувствовал, как пот градом льется с меня; шаг мой замедлился, тяжким был груз, который я был вынужден тащить за собой, непомерно тяжким, словно я принял на себя все тяготы мира. (2) Я был приторочен к нему незримыми узами, а он ко мне, и он, раздирая меня, тянул и тянул назад, как съехавшая со спины поклажа неумолимо утаскивает в пропасть выбившееся из сил вьючное животное. (3) Изо всех сил я пытался перетянуть эти незримые канаты, шаги мои все укорачивались, ступал я все неувереннее, словно доведенный до отчаяния зверь бросался я в удавку шнуровки: ноги мои, казалось, увязали в земле, но я находил силы не сгибаться под бременем ноши, пока в конце концов не почувствовал, что не выдержу больше, что обречен остаться здесь, что груз мой намертво прикует меня к этому месту. (4) Мне уже казалось, что я вот-вот рухну замертво, исторгнув вопль, я еще раз рванул незримые поводья, повалился ничком и*

Grab unter schmutzigen Blumen gelegen hatte, und nun war sie es, die mit lächelndem Gesicht zu mir sagte: „Steh auf, steh doch auf…“, aber ich war schon aufgestanden und ihr entgegengegangen…

разорвал путы. (5) Позади была несказанно желанная свобода, а перед глазами светлая равнина, на которой стояла та, что прежде лежала в простецкой и жалкой могилке среди покрытых грязью цветов, а теперь была здесь, живая, и, улыбаясь, проговорила теперь уже мне; «Вставай, ну вставай же!» – и я встал и пошел к ней…

Непонимание замысла писателя, целенаправленно прибегающего к прозаической строфе в целях создания нарастающего напряжения и неразрывности повествования, находим и в тексте рассказа Генриха Бёлля на английском языке, где переводчица, видимо, стремясь облегчить читателю восприятие объемного периода, разделяет его на четыре отдельных предложения. На одно меньше, чем в русском переводе, однако столь же неуспешно с точки зрения несохранения в переводе прозаической строфы автора [Rise, my love Rise].

(1) Nun erst spürte ich auch, dass der Schweiß in Strömen an meinem ganzen Körper herunterlief; mein Gang war mühsam geworden, schwer war die Last, die ich zu schleppen hatte, die Last der Welt. (2) Mit unsichtbaren Seilen war ich daran gebunden, sie an mich, und es zog nun und zerrte an mir, wie eine abgerutschte Last das ausgemergelte Maultier unweigerlich in den Abgrund zwingt. (3) Mit allen Kräften stemmte ich mich an gegen jene unsichtbare Schnüre, meine Schritte wurden kurz und unsicher, wie ein verzweifeltes Tier warf ich mich in die drosselnde Schnürung: meine Beine in der Erde zu versinken,

(1) And now I realized that the sweat was pouring down my whole body; it was an effort to walk, the weight I was dragging, the weight of the world, was heavy. (2) Invisible ropes bound me to it, it to me, and now it was straining and tugging at me as a slipping load forces the exhausted mule inescapably into the abyss. (3) I summoned all my strength to resist those invisible cords, my steps became short and unsteady, like a desperate animal I hurled myself into the strangling harness: my legs seemed to sink into the ground but I still had strength enough to

während ich noch Kraft fand, meinen Oberkörper aufrecht zu erhalten; bis ich plötzlich spürte, dass ich nicht durchhalten könnte, dass ich auf der Stelle zu verhalten gezwungen war, die Last schon so wirksam, mich am Ort zu bannen; und schon glaubte ich zu spüren, dass ich den Halt verlor, ich tat einen Schrei und warf mich noch einmal in die gestaltlosen Zügel – ich viel vornüber aufs Gesicht, die Bindung war zerrissen, eine unsagbar köstliche Freiheit hinter mir, und vor meinen Augen eine helle Ebene, auf der nun sie stand, sie, die dort hinten in dem kümmerlichen Grab unter schmutzigen Blumen gelegen hatte, und nun war sie es, die mit lächelndem Gesicht zu mir sagte: „Steh auf, steh doch auf…“, aber ich war schon aufgestanden und ihr entgegengegangen…	*keep my body upright, until I suddenly felt I could hold out no longer, that I was compelled to stop where I was, that the weight had the power to root me to the spot; and the next moment I felt I was losing my footing. (4) I screamed and threw myself once more into the impalpable reins— I toppled forward onto my face, the bond was sundered, an unutterably exquisite freedom was behind me, and ahead was a shining expanse, and she was standing there, she who had been lying in that sordid grave under bedraggled flowers, and this time it was she who said to me, with a smile on her face: “Rise, my love, rise …” but I had already risen and was walking toward her….*

Прозаическая строфа исходного немецкого текста характеризуется смысловым единством ее составляющих частей, нарастающей интенсивностью описываемых событий или чувств человека и включает в качестве таковых три синтаксически самостоятельных предложения. Первые два служат зачином и характеризуются относительной простотой синтаксиса. Срединная часть строфы и ее концовка состоят из нескольких самостоятельных, однако в смысловом плане неразрывных предложений. В своей совокупности прозаическая строфа (период, сверхфразовое единство) передает нарастающее напряжение повествования, ее составные части, по сути, самостоятельные предложения, отделены одно от другого всякий раз точкой с запятой. В конце прозаической строфы, завершающей короткий рассказ, рефреном вновь звучит призыв «Вставай, ну вставай же!». Только теперь этот призыв произносит ставшая зримой любимая и любящая женщина, и обращен он к упавшему. В неземном свете преследуемый узнает

в преследовавшем его призраке свою любимую. Обоюдный взрыв эмоций и светлая радость единения!

Заключение

Подводя итоги, отметим – короткий рассказ Генриха Белля в жанровом отношении – особая страница творчества писателя. В коротких рассказах Бёлля зафиксирована память немца середины XX века, свидетеля неустроенности жизни людей, вовлеченных в войну. Динамичность повествования выражается в чередовании коротких и длинных предложений, образующих всякий раз смысловое целое в форме прозаической строфы (периода, сложного синтаксического целого). Прозаическая строфа у Бёлля располагается в пространстве рассказа, как было показано выше, в середине, чаще в конце повествования, используется для означивания всплеска эмоций или высшей точки напряжения эмоций лирического героя, зависит от конкретного замысла писателя и характеризует в целом авторскую стилистику короткого рассказа.

Литература

1. Белль, Г. Избранное: сборник: пер. с нем. – М.: Радуга, 1988. – 656 с.
2. Бёлль Г. Избранное: пер. с нем. / сост. Н.Н. Бунина; послесл. Т.Л. Мотылёвой. – М.: Правда, 1987. – 576 с.
3. Бёлль Г. Путник, когда придешь в Спа… / пер. с нем. А. Уткина. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 284 с.
4. Бёлль Г. Город привычных лиц (Рассказы) / пер. с нем. Л. Лунгиной. – М.: «Молодая гвардия», 1964. – 256 с.
5. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка. Учебник. – М.: Агар, 2000. – 416 с.
6. Гаспаров М.Л. Период в риторике // Большая Российская энциклопедия, т. 25. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2014. – С. 687.
7. Гончарова Е.А. Интерпретация текста. Немецкий язык: учеб. пособие / Е.А. Гончарова, И.П. Шишкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 368 с.
8. Гончарова Е.А. Теория и практика стилистического анализа = Theorie und Praxis der Stilanalyse: учеб. пособие для студ. филол. фак. высших учебных заведений / Е.А. Гончарова. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 352 с.

9. Наер Н.М. Стилистика немецкого языка: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 271 с.
10. Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений / 2-е изд. стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 304 с.
11. Солганик Г.Я. Прозаическая строфа. Словарь по риторике, языкознанию и эффективному общению. [Электронный ресурс]. URL: https://didacts.ru/termin/prozaicheskaja-strofa.html
12. Солганик Г.Я. Стилистика современного русского языка и культура речи: учеб. пособие / Г.Я. Солганик, Т.С. Дроняева. – 5-е изд. стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 256 с.
13. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 256 с.
14. Böll H. Wanderer kommst du nach Spa… Erzählungen. 1. Auflage September 1967. 12. Auflage Juni 1973. Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, München. – 160 S.

References

1. Bell' G. Izbrannoe: sbornik: per. s nem [Selected. Translation from German]. – M.: Raduga, 1988. – 656 pp. (in Russian).
2. Bell' G. Izbrannoe: per. s nem [Selected. Translation from German] / sost. N.N. Bunina; poslesl. T.L. Motylevoy. – M.: Pravda, 1987. – 576 pp. (in Russian).
3. Bell' G. Putnik, kogda pridesh' v Spa… [Stranger, Bear Word to the Spartans We...] / per. s nem. A. Utkina. – M.: AST: Astrel', 2011. – 284 pp. (in Russian).
4. Bell' G. Gorod privychnykh lits (Rasskazy) [The city of familiar faces. (Stories)] / per. s nem. L. Lunginoy. – M.: «Molodaya gvardiya», 1964. – 256 pp. (in Russian).
5. Valgina N.S. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. Uchebnik [Syntax of the Modern Russian Language. Textbook]. – M.: Agar, 2000. – 416 pp. (in Russian).
6. Gasparov M.L. Period v ritorike [Period in rhetoric] // Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, t. 25. – M.: Nauchnoe izdatel'stvo «Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya», 2014. – P. 687. (in Russian).
7. Goncharova E.A. Interpretatsiya teksta. Nemetskiy yazyk: ucheb. posobie [Interpretation of the text. German language. Study guide] / E.A. Goncharova, I.P. Shishkina. – M.: Vysshaya shkola, 2005. – 368 pp. (in Russian).
8. Goncharova E.A. Teoriya i praktika stilisticheskogo analiza: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vysshikh uchebnykh zavedeniy [Theory

and Practice of Stylistic Analysis: textbook for students of the Philological Factories of Higher Education. Philol. fact. of higher educational institutions] / E.A. Goncharova. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2008. – 352 pp. (in Russian).

9. Naer N.M. Stilistika nemetskogo yazyka: ucheb. Posobie [Stylistics of the German language: Study guide]. – M.: Vysshaya shkola, 2006. – 271 pp. (in Russian).
10. Solganik G.Ya. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka: ucheb. posobie dlya stud. filol. i zhur. fak. vyssh. ucheb. Zavedeniy [Practical stylistics of the Russian language: textbook for students of philological and journalistic faculties of higher educational institutions] / 2-e izd. ster. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2007. – 304 pp. (in Russian).
11. Solganik G.Ya. Prozaicheskaya strofa. Slovar' po ritorike, yazykoznaniyu i effektivnomu obshcheniyu [Prose stanza. Dictionary of rhetoric, linguistics and effective communication]. [Electronic source]. URL: https://didacts.ru/termin/prozaicheskaja-strofa.html. (in Russian).
12. Solganik G.Ya. Stilistika sovremennogo russkogo yazyka i kul'tura rechi: ucheb. Posobie [Stylistics of the modern Russian language and speech culture: a textbook for students of philological fact. and journalism fact. of higher educational institutions] / G.Ya. Solganik, T.S. Dronyaeva. – 5-e izd. ster. – M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2008. – 256 pp. (in Russian).
13. Solganik G.Ya. Stilistika teksta: Ucheb. Posobie [Text Stylistics: Textbook]. – 4-e izd. – M.: Flinta: Nauka, 2002. – 256 pp. (in Russian).
14. Böll, H. Wanderer kommst du nach Spa… Erzählungen [Stranger, Bear Word to the Spartans We... Stories]. 1. Auflage September 1967. Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, München. – 160 pp. (in German).

Статья поступила в редакцию 24.04.2023
Статья одобрена после рецензирования 15.09.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

УДК 81`25:654.197.001

Калинин Андрей Юрьевич
Andrei Kalinin

Интермодальные операции в переводе материалов аудиовизуальных СМИ

Intermodal Procedures in Audiovisual Media Translation

Аннотация. *Статья посвящена проблемам межъязыкового перевода материалов аудиовизуальных СМИ. Объект такого перевода, аудивизуальный текст, рассматривается не только как сложный полисемиотический конструкт, интегральный смысл которого порождается в процессе взаимодействия элементов разных знаковых систем, но и как бимодальный артефакт, содержание которого воспринимается реципиентами в двух ведущих сенсорных модальностях: зрительной и слуховой. Комплементарно-компенсаторный характер отношений между элементами текста, представленными в видеоряде и аудиодорожке медиатекста, с одной стороны, требует от переводчика учета вербальных и экстравербальных составляющих смысловой структуры, а с другой, позволяет передавать значимые смысловые компоненты, используя средства альтернативной модальности. На материале перевода телеочерков для закадрового озвучивания и синхронного перевода телетрансляций анализируются примеры интермодальных переводческих операций, обусловленных учетом особенностей восприятия произведений аудиовизуальных СМИ.*

Abstract. *The paper focuses on some issues of interlingual translation of audiovisual media content. The object of such translation, audiovisual text, is considered not only as a multifaceted polysemiotic construct, in which integral meaning is generated by interplay of different sign systems, but also as a bimodal artefact, since its content is perceived by users in two leading sensory modalities: visual and aural. The commplementary and compensatory nature of the interplay between elements represented in the video and audio track of an audiovisual media text, on the one hand, requires the translator to take into account verbal and non-verbal constituents of the semantic structure, and on the other hand, provides the other modality means that can be used to convey meaningful components. In this regard, some examples of intermodal translation procedures retreived from the practice of voice-over translation and simultaneous interpretation for TV are analysed.*

Ключевые слова: *аудиовизуальные СМИ, аудиовизуальный перевод, полимодальный текст, перевод для закадрового озвучивания, интерсемиотический перевод, интермодальный перевод*

Keywords: *audiovisual media, audiovisual translation, multimodality, voice-over translation, intersemiotic translation, intermodal translation*

Введение

В последнее тридцатилетие непрерывное развитие информационно-коммуникационных технологий способствует расширению и демократизации доступа к контенту СМИ

практически из любой точки мира, что в свою очередь приводит к постепенному формированию глобального информационного пространства, экспансии которого неспособны противостоять даже политически мотивированные ограничения на распространение информации под предлогом борьбы с антагонистической пропагандой. В условиях *глобализации* медиасферы неизбежно растут роль и значение межъязыкового перевода, призванного обеспечить «проницаемость информационных границ» [Cronin, 2000: 112], т.е. решить проблему лингвистической медиадоступности.

Другим следствием технологического прогресса в области объема и скорости передачи информации, является все более ощутимая *аудиовизуализация* медиапространства, т.е. прогредиентный переход от одномерных вербально-графических текстов печатной прессы к многоуровневым, а значит потенциально более инфоемким аудиовизуальным артефактам как основной форме медиакоммуникации. В этой связи Г.-М. Лейкен в статье 1990 г., посвященной вопросам межъязыковой адаптации аудиовизуального медиаконтента, писал почти исключительно о телевидении, выделяя среди его ключевых тенденций *интернационализацию* [Luyken, 1990]. Однако за прошедшее с тех пор время, благодаря бурному развитию цифровых технологий, не только выросли количество и географический охват эфирных, кабельных и спутниковых каналов телевизионного вещания, но и появилось принципиально новое и почти ничем не ограниченное пространство распространения аудиовизуальной информации – Интернет. При этом Всемирная сеть – это одновременно и сфера возникновения феномена *новых медиа,* и альтернативный канал трансляции телевизионного контента: подавляющее большинство телекомпаний ведут параллельное вещание на собственных интернет-сайтах и/или размещают свои программы на платформах видеохостингов.

В современных аудиовизуальных СМИ потребность в межъязыковом переводе растет пропорционально увеличению объемов вещания, поскольку в структуре телепроизводства информация, поступающая по международным каналам, играет все более значимую роль, однако особое место в этом отношении

занимают многоязычные телекомпании (*RT, Euronews, DW, CGTN* и др.), в которых аудиовизуальный перевод (АВП) используется не только во «внутриинституциональном» процессе подготовки телепрограмм, но и сопровождает на регулярной основе телепередачи, представленные в сетке вещания. Вместе с тем АВП как отдельная сфера переводческой деятельности имеет ряд психолингвистических, прагматических и технологических особенностей, обусловленных прежде всего природой объекта такого перевода.

Структурно-семиотическая и перцептивная специфика аудиовизуальных медиатекстов: поликодовость, многоканальность, полимодальность

Как известно, основной единицей передачи информации в аудиовизуальных СМИ является *аудиовизуальное произведение* или *аудиовизуальный текст* (АВТ). Эти два понятия для нас абсолютно синонимичны и в целом взаимозаменяемы. Целесообразность их параллельного использования объясняется исключительно тем фактом, что они позволяют охарактеризовать изучаемый феномен с разных углов зрения: первый термин уместен там, где речь идет о результате творческой и технологической деятельности по созданию аудиовизуального артефакта, тогда как второй предпочтителен, когда в центре нашего внимания находятся конституциональные элементы и структурные особенности исследуемого объекта.

Определяя АВТ как «…семиотический конструкт, объединяющий элементы нескольких знаковых систем, которые участвуют в порождении значения» [Chaume, 2004: 16] (здесь и далее перевод наш – А.К.), Ф. Чауме настаивает на целостности такого образования, принципиальной неотторжимости его вербальных и невербальных компонентов без потери смысла. Вместе с тем подобная дефиниция, хотя и указывает на одно из имманентных свойств АВТ – поликодовость, с успехом могла бы быть применена и к другим видам семиотически гетерогенных текстов, не обладающих признаками аудиовизуальности. По этой причине более точным нам представляется определение АВТ, предложенное П. Забальбеаскоа, каким бы простым оно ни казалось на первый взгляд: «коммуникативный акт, задействующий звуки и изображения» [Zabalbeascoa, 2008: 21].

Помимо указания на коммуникативную функцию АВТ, в данном определении акцент сделан на другом важнейшем онтологическом свойстве – полимодальности, точнее *бимодальности*, т.е. нацеленности на восприятие в двух сенсорных модальностях: зрительной и слуховой.

Информация, кодированная при помощи знаков той или иной семиосистемы и воспринимаемая в двух ведущих модальностях передается по нескольким каналам: речевому, музыкально-шумовому, иконо- и видеографическому. При этом важно понимать, что в структуре АВТ отношения между кодами, модальностями и каналами носят аниерархический и асимметричный характер. Так, информация, передающаяся по иконографическому и видеографическому каналам, строится на одних и тех же визуальных кодах (за исключением кинестетического), а содержание вербального канала может восприниматься как в аудиальной модальности (звучащая речь), так и в визуальной: надписи, указатели, титры, телетекст и т.п. [Калинин, 2023]. Гетерогенные семиотические коды АВТ, взаимодействовуют, взаимно дополняют и компенсируют друг друга в разных каналах и модальностях. Комплементарно-компенсаторный характер такого взаимодействия, с одной стороны не позволяет переводчику, работающему в сфере АВП в СМИ, игнорировать значимую информацию, в каком бы канале последняя ни передавалась, а, с другой, открывает перед ним возможности использования альтернативных каналов и перцептивных модальностей для обеспечения адекватности перевода.

Релевантность интермодальных операций в межъязыковом АВП

Как отмечает А. Бончковска, когда аудиовизуальное произведение предстает перед зрителем, не владеющим языком, на котором это произведение было создано, информация, транслируемая в большинстве каналов, воспринимается без особых проблем. Единственный канал, недоступный для адекватного понимания таким зрителем, – вербальный [Bączkowska, 2011: 49]. Казалось бы, задача переводчика, которому предстоит создать иноязычную версию аудиовизуального произведения, сводится к тому, чтобы

осуществить перевод транскрипта звучащего монологического или диалогического текста, представленного в аудиодорожке оригинала. Однако, как мы указывали выше, в АВТ практически отсутствует симметрия между перцептивными модальностями, информационными каналами и задействованными семиотическими кодами. Тем самым, вербальный канал оригинального АВТ может быть представлен не только в звуковой дорожке – наряду с музыкально-шумовым –, но и содержаться в видеоряде (*логовизуализация* [Леве, 2019]): титры, надписи, хронологические и геолокационные маркеры, а в медийном контексте, также и маркеры статусные. В случае, если в качестве технологии аудиовизуального перевода (АВП) выбрано субтитрирование, важные для понимания ситуации визуально-вербальные элементы обычно воспроизводятся в форме межъязыковых субтитров. В медиапереводе субтитрирование – не самая распространенная практика, особенно, если переводное произведение предназначается для демонстрации реципиентам в тех странах, которые, в силу сложившейся традиции, считаются «дублирующими» (например, Россия, Испания, Франция и т.д.) [Baños & Chaume, 2009]. Так, при локализации телеочерков и телерепортажей на каналах многоязычной группы Евроньюс единственной формой предъявления переводного контента зрительской аудитории является переозвучивание с полной заменой исходного аудиотрека для закадровых комментариев (*revoicing*) и наложением звучащего перевода в тех фрагментах, где говорящий находится в кадре (*voice-over*).

Диамезический перевод

При переводе в аудиовизуальных СМИ переводчик не имеет возможности каких бы то ни было манипуляций с изображением не столько в силу недоступности технических устройств для подобных операций, сколько из соображений сохранения аутентичности видеоматериала. В то же время не вызывает сомнения тот факт, что вербальные компоненты видеоряда могут иметь существенное значение для понимания содержания аудиовизуального сообщения. В таком случае, в целях обеспечения адекватного восприятия АВТ

логовизуализированная информация должна передаваться при переводе в звучащей форме.

Рис.1 иллюстрирует фрагмент телеочерка группы каналов Евроньюс, посвященного 99-ой сессии Исполнительного совета Всемирной туристской организации, проходившей в Самарканде в 2018 г. В кадре – говорящий, чье видеоизображение сопровождается подписью (статусным маркером) на английском языке: «*Taleb Rifai Secretary-General UN WTO*». В переводе на русский язык, предлагаемом в формате наложенной речевой аудиодорожки, помимо прямой речи говорящего фигурируют «слова автора»: *«…говорит Талеб Рифаи, генеральный секретарь Всемирной туристской организации»*

Рис. 1. Пример диамезического перевода при языковой локализации телеочерка

Таблица 1.

Видеоряд	Аудиодорожка	
	Оригинал (англ.)	Перевод (рус.)
Крупный план говорящего мужчины в деловом костюме и	*“Tourism is a very important sector, very important human activity in the life of people*	*«Туризм – это важный сектор экономики, и сегодня он играет важную роль в жизни и деятельности людей, –* ***говорит Талеб***

очках. [Подпись: Taleb Rifai Secretary-General UN WTO]	*today, we are underestimating what it is doing to the lives of people, how much it benefits, how much income, how many jobs it is creating…”*	***Рифаи, генеральный секретарь Всемирной туристской организации***. – *Мы недооцениваем его значение, ту выгоду, те доходы, которые он приносит, количество создаваемых рабочих мест…»*

(Таб. 1). По всей вероятности, в данном случае, с учетом ключевой роли протагониста в освещаемом мероприятии, переводчик счел необходимым озвучить перевод содержания статусной подписи. Еще одним фактором, который мог повлиять на выбор переводческого решения, очевидно, является латинская графика статусной подписи. В пользу такой интерпретации свидетельствует тот факт, что при переводе данного ролика, например, на французский язык подобное «озвучивание» не было выполнено, возможно, оттого, что переводчик допустил, что большинство франкоязычных (то есть пользующихся в повседневной жизни латинским алфавитом) зрителей в состоянии прочитать ее и, хотя бы приблизительно, понять ее содержание.

Здесь мы имеем дело с особым способом перевода информации, изначально предназначенной для восприятия в одной из 2-х ведущих модальностей, визуальной, в другую – аудиальную. Такую тактику перевода целесообразно, на наш взгляд, квалифицировать как **интермодальный перевод**, а его разновидность, при которой письменная форма речи передается в переводе средствами устной формы (и наоборот) – как **диамезический перевод**.

Наиболее привычный в массовом сознании вид диамезического перевода – субтитрирование фильмов, т.е. внутри- или межъязыковой трансфер звучащей речи персонажей в графическую форму, отображаемую на экране. Однако, как отмечалось выше, такая форма предъявления переводного контента адресатам нетипична для СМИ, по крайней мере, для языковой триады русский – английский – французский. С

таксономической точки зрения принципиально важным является то, что тактика диамезического трансфера не предполагает перехода в иной семиозис, поскольку и другой язык, и другая форма речи образуют вместе с исходными единую знаковую надсистему естественного человеческого языка [Калинин, *Op. cit.*]. Именно как интрасемиотические рассматривали в своих работах внутри- и межъязыковые преобразования Р. Якобсон [Jacobson, 1959] и Г. Тури [Toury, 1986/2010]. Аналогичным образом понимает их и современный семиолог Х. Готлиб, предложивший использовать применительно к таким типам перевода термин «изосемиотический» [Gottlieb, 2018: 51].

Интерсемиотический перевод (трансмутацию) Р. Якобсон, в своей ставшей классической статье, определяет как «…передачу содержания знаков естественного языка средствами невербальных знаковых систем» [Jacobson, 1959: 233]. Очевидно, что возможно и обратное: передача смысла, кодированного с помощью неязыковых знаков, с использованием единиц вербальной семиосистемы, т.е. вербализация. Строго говоря, интерсемиотический перевод совершенно не обязательно является интермодальным. Так, например, Л.В. Полубиченко, в поисках ответа на вопрос «…в чем состоит “технология” межсемиотического перевода…» [Полубиченко, 2021: 133], анализирует соотношение номинаций некоторых персонажей книг Л. Кэрролла об Алисе с их изображениями в иллюстрациях к разным изданиям данных литературных произведений. Иными словами, в указанном исследовании рассматривается переход от одной знаковой системы визуальной модальности к другой.

Интермодальная вербализация

В ситуации аудиовизуального медиаперевода интерсемиотический трансфер носит, как правило, и интермодальный характер. Такая тактика применяется тогда, когда переводчик прогнозирует возможные трудности соотнесения адресатами переводного сообщения невербальных элементов видеоряда оригинала с собственными фоновыми

знаниями (апперцепционной базой) или потенциальную неоднозначность интерпретации таких изображений.

Рис. 2. Пример интермодальной вербализации при межъязыковом переводе телеочерка

На Рис. 2 представлен скриншот одного из кадров телеочерка, рассказывающего об истории и современности Байкало-Амурской магистрали. В кадре – две пунктирные линии: одна статичная (черного цвета) соответствует картографическому контуру Транссибирской магистрали, другая (красного цвета), развертывающаяся с помощью анимации во времени и пространстве, схематично изображает маршрут БАМа. В аудиодорожке перевода на французский язык звучит уточнение, отсылающее к анимационной видеографике: *“ici en rouge” (фр. «показана здесь красным»)*, соответствия которому в исходном закадровом тексте на русском языке обнаружить не удается (Таб. 2). Мы можем предположить, что французский переводчик усомнился в способности адресатов его перевода, далеких от визуально-картографического представления о географии России, понять, какому объекту в анимации соответствует красная пунктирная линия, и, стремясь избежать недопонимания, ввел необходимое, на его взгдяд, пояснение в текст для переозвучивания.

Таблица 2.

Видеоряд	Аудиодорожка	
	Оригинал (рус.)	Перевод (фр.)
Крупный план: контурная карта, на ней 2 пунктирные кривые (статичная черная и движущаяся красная)	*Строительство БАМа началось в 1974-м: новая магистраль прошла параллельно Транссибу, подальше от тревожной границы с Китаем, и прямо через залежи неосвоенных месторождений угля, железа, меди, золота и алмазов.*	*Embranchement de la voie du Transsibérien, la Baïkal-Amour Magistrale,* ***ici en rouge****, s'éloigne de la frontière chinoise au sud qui fut un temps, une zone de troubles pour traverser de riches gisements inexploités de charbon, fer, cuivre, or et diamants.*

В некоторых случаях тактика интермодального интерсемиотического трансфера может быть использована с целью усиления эффекта сообщения или во избежание двусмысленной интерпретации отдельных видеографических событий. Рис. 3 представляет собой коллаж из двух кадров телетрансляции пресс-конференции Президента РФ В.В. Путина по итогам саммита стран «Большой двадцатки» в Осаке в июле 2019 г. Отвечая на вопрос одного из журналистов о координации действий вооруженных сил РФ, США и Турции в Сирии, Президент завершил свою реплику словами, которые воспроизведены в Таб. 3. Скриншот кадра слева соответствует середине фразы *[…на пресс-конференции, но][ситуация под контролем]*

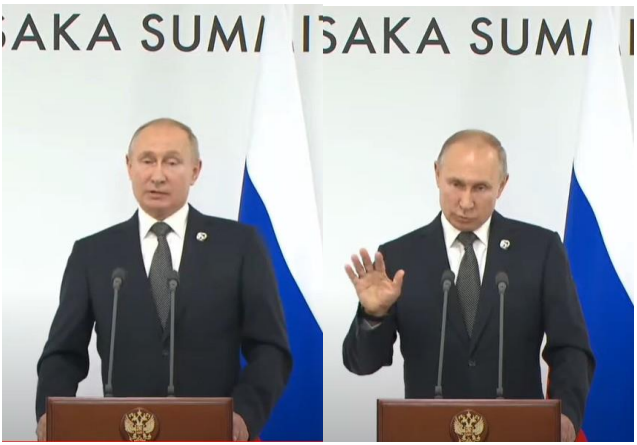

Рис. 3. Пример интермодальной вербализации при межъязыковом синхронном переводе телетрансляции пресс-конференции

Таблица 3.

Видеоряд	Аудиодорожка	
	Оригинал (рус.)	Перевод (англ.)
Крупный план: В.В. Путин стоит за трибуной перед микрофонами и отвечает на поставленный вопрос; следует кивок головой и жест открытой к аудитории ладонью сверху вниз.	*Мы обсуждали в том числе и эту проблему, но есть детали, о которых вряд ли нужно говорить сегодня на пресс-конференции, но… ситуация под контролем.*	*We discussed this issue, among others, but there are some details which probably should not be mentioned at this press conference, but the situation is well under control,* ***I can assure you.***

В.В. Путина: положение головы обычное, жестикуляция отсутствует. Окончание фразы (скриншот справа) сопровождается кивком и жестом ладонью, открытой в сторону зрителей, сверху вниз. Данная жестово-пантомимическая комбинация сопровождала финальную часть высказывания (*«ситуация под контролем»*), однако в синхронном переводе на английский язык она получила дополнительное вербальное

развитие: «*I can assure you*» (англ. *«уверяю вас»*). Здесь напрашиваются как минимум две гипотезы относительно причин, побудивших переводчика применить тактику интермодального трансфера. Во-первых, синхронный перевод телетрансляции иногда параллельно распространяется по каналам радиосвязи, т.е. АВТ из бимодального может превратиться в мономодальный (звучащий). Если переводчик предвидит, что его «продукт» может быть адресован не только зрителям, но и радиослушателям, лишенным возможности видеть изображение, подобные вербализующие действия представляются не только оправданными, но и оптимальными. Во-вторых, не секрет, что многие жесты имеют этнокультурную специфику и могут по-разному интерпретироваться представителями различных лингвокультур. Когда переводчик не уверен в том, что широкая и, очевидно, многонациональная аудитория зрителей, наблюдающая за телетрансляцией из разных уголков планеты, пользуясь переводом на английский язык, способна понимать данный жест как невербальный способ заверения, логичной представляется попытка вербализовать его функционально-ситуативное значение и, тем самым, достигнуть искомого коммуникативного эффекта.

Как бы то ни было, приведенные примеры интерсемиотического перевода позволяют квалифицировать данную тактику как **интермодальную вербализацию**, т.е. передачу в переводе знаками вербального языка, представленных в одной перцептивной модальности, смыслов, выраженных в оригинале элементами иных знаковых систем другой модальности. Следует также отметить, что при таком варианте интерсемиотического перевода может наблюдаться значительная ассиметрия знаковых систем «на входе» и «на выходе»: множественным кодам оригинала (графика, цвет, проксемика и т.п.) в переводе соответсвует лишь один код естественного языка. Таким образом, в терминах типологии семиотических преобразований Х. Готлиба, интермодальная вербализация может рассматриваться как разновидность *инфрасемиотического* перевода, в отличие от перевода *диасемиотического*, как например, в ситуации создания на

основе вербально-графического текста – черно-белой иллюстрации [Gottlieb, *Op. cit.*].

Заключение

Как показывают наблюдения, интермодальный перевод представляет собой относительно широко распространенную в аудиовизуальном медиапереводе тактику, принципиальная возможность и целесообразность использования которой обусловлены комплементарно-компенсаторным характером взаимодействия каналов кодирования и передачи информации, и интеракции семиотических систем, задействованных в создании интегрального смысла аудиовизуального произведения. Причем данная тактика может быть применена как в случае подготовленного перевода монтажных листов для последующего закадрового переозвучивания, так и в режиме симультанного порождения переводного высказывания, что имеет место в ситуациях синхронного перевода телетрансляций. Конечное решение о необходимости или желательности передачи содержания визуальных элементов исходного АВТ в звучащем переводе принимается переводчиком с учетом таких технологических и когнитивных параметров, как сохранение синхронизации речевого тракта с видеорядом, прогнозируемая неосложненность восприятия информации на слух и возможность адекватного понимания зрителями иконо- и видеогафических событий без перевода.

Литература

1. Калинин А. Ю. К вопросу об онтологических свойствах аудиовизуального текста / А. Ю. Калинин // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 1. – С. 70-84. – DOI 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-1-6. – EDN SMXQHQ.
2. Леве И. Логовизуализация - письменная разновидность слова в телевизионном дискурсе / И. Леве // Медиалингвистика. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 19-34. – EDN LVQEXW.
3. Полубиченко Л. В. Межсемиотический перевод в семиотически гетерогенных текстах / Л. В. Полубиченко // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 4. – С. 130-145. – EDN AZYZGQ.

4. Bączkowska A. Some Remarks on a Multimodal Approach to Subtitles // Linguistics Applied. 2011.Vol. 4. Pp. 47-65.
5. Baños R., Chaume F. Prefabricated Orality: A Challenge in Audiovisual Translation // inTRAlinea. 2009. Электронный ресурс. URL: http://www.intralinea.org/ specials/article/1714.
6. Chaume F. Film studies and translation studies: two disciplines at stake in audiovisual translation. Meta. 2004. №49(1). Pp.12–24.
7. Cronin M. Across the Lines. Travel, Language, Translation. Cork: Cork University Press, 2000.
8. Gottlieb H. Semiotics and Translation. // The Routledge Handbook of Translation Studies and Linguistics. Abingdon: Routledge, 2018. Pp. 45–63.
9. Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation // On Translation. Cambridge, 1959. Pp. 232–239.
10. Luyken G.-M. Language Conversion in the Audiovisual Media: A Growth Area with New Technical Applications and Professional Qualifications // Translating and the Computer 10. London: Aslib, 1990. Pp. 136–147.
11. Toury G. Translation, a Cultural-Semiotic Perspective // Encyclopedic Dictionary of Semiotics. 3rd revised and updateded. Berlin: MoutondeGruyter, 1986/2010.
12. Zabalbeascoa P. The Nature of the Audiovisual Text and its Parameters // The Didactics of Audiovisual Translation. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. Pp. 21–39.

References

1. Kalinin A.YU. K voprosu ob ontologicheskih svojstvah audiovizual'nogo teksta [On the ontological properties of audiovisual texts]// Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2023. № 1. Pp. 75–89.
2. Leve I. Logovizualizaciya — pis'mennaya raznovidnost' slova v televizionnom diskurse [Logovisuality, or the written word in the television discourse]// Medialingvistika. 2019. № 6 (1). Pp. 19–34.
3. Polubichenko L. V. Mezhsemioticheskij perevod v semioticheski geterogennyh tekstah [Intersemiotic translation in semiotically heterogeneous texts]// Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya, 2021. № 4. Pp. 130–145.
4. Bączkowska A. Some Remarks on a Multimodal Approach to Subtitles // Linguistics Applied. 2011.Vol. 4. Pp. 47-65.

5. Baños R., Chaume F. Prefabricated Orality: A Challenge in Audiovisual Translation // inTRAlinea. 2009. Электронный ресурс. URL: http://www.intralinea.org/ specials/article/1714.
6. Chaume F. Film studies and translation studies: two disciplines at stake in audiovisual translation. Meta. 2004. №49(1). Pp.12–24.
7. Cronin M. Across the Lines. Travel, Language, Translation. Cork: Cork University Press, 2000.
8. Gottlieb H. Semiotics and Translation. // The Routledge Handbook of Translation Studies and Linguistics. Abingdon: Routledge, 2018. Pp. 45–63.
9. Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation // On Translation. Cambridge, 1959. Pp. 232–239.
10. Luyken G.-M. Language Conversion in the Audiovisual Media: A Growth Area with New Technical Applications and Professional Qualifications // Translating and the Computer 10. London: Aslib, 1990. Pp. 136–147.
11. Toury G. Translation, a Cultural-Semiotic Perspective // Encyclopedic Dictionary of Semiotics. 3rd revised and updateded. Berlin: MoutondeGruyter, 1986/2010.
12. Zabalbeascoa P. The Nature of the Audiovisual Text and its Parameters // The Didactics of Audiovisual Translation. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. Pp. 21–39.

Статья поступила в редакцию 03.07.2023
Статья одобрена после рецензирования 10.08.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

УДК 81’33

Иванов Николай Викторович
Nikolay Ivanov
Калинин Олег Игоревич
Oleg Kalinin

Информационное воздействие в политическом медиа дискурсе

Information Impact in the Political Media Discourse

Аннотация. *Данная работа посвящена теоретическому осмыслению феномена информационного воздействия в рамках коммуникативной динамики политического дискрса. Несмотря на очевидное повышение роли информации в формировании мировоззренческих установок и ценностных ориентиров проблема идентификации предметно-содержательных границ, форм и уровней информационного воздействия в современной политической коммуникации остается открытой. Задачи проводимого исследования состоят в выявлении сущностных характеристик информационного воздействия как речевого и коммуникативного феномена, отражающего смысловую динамику политического дискурса, установление критериев системного анализа феномена информационного воздействия, а также используемых текстовых приемов и языковых средств информационного воздействия (аттракция, фасцинация, суггестивность и персуазивность). Научная новизна работы заключается в том, что проведен системный анализ уровней информационного воздействия в их взаимосвязи с конкретными его формами. Кроме того, информационное воздействие впервые рассмотрено как когнитивно-прагматическое явление, опосредованное коммуникативной динамикой дискурса массовой политической коммуникации. В результате было предложено рассмотрение информационного воздействия как одного из основных факторов информационной коммуникации, реализуемого на 4-х уровнях: инструментальном (уровень текста, воздействие на эмоции, формирование мнения), тактическом (уровень тематической группы текстов, воздействие на эмоции и на логику, формирование представления), оперативный (уровень тематического дискурса, воздействие на логику и рациональное осмысление, формирование идеологии) и стратегический (уровень макродискурса, воздействие на сознание, формирование мировоззрения).*

Abstract. *The paper studies the phenomenon of informational impact within the framework of the political discourse communicative dynamics. Despite the obvious increase in the role of information in the formation of ideological attitudes and value orientations, it still seems important to identify subject-content boundaries, forms and levels of information impact in modern political communication. The paper aims at studying the essential characteristics of information impact as a speech and communicative phenomenon reflecting the semantic dynamics of political discourse, and establishing criteria for a systematic analysis of the information impact, as well as its text techniques and linguistic means (attraction, fascination, suggestion and persuasion). The scientific novelty of the work lies in the fact that a systematic analysis of the information impact levels in their relationship with its specific forms has been*

carried out. In addition, information impact is considered for the first time as a cognitive-pragmatic phenomenon mediated by the communicative dynamics of the political communication discourse. As a result, it was proposed to consider the information impact as one of the main factors of information communication, implemented at 4 levels: instrumental (the level of the text, the impact on emotions, the formation of opinion), tactical (the level of the thematic group of texts, the impact on emotions and logic, the formation of representation), operational (the level of thematic discourse, the impact logic and rationality, the formation of ideology) and strategic (the level of macrodiscourse, the impact on consciousness, the formation of a worldview).

Ключевые слова: *информационное воздействие, оценка, аттрактивность, фасцинация, персуазивность, суггестивность, политический медиа дискурс*

Keyords: *information impact, evaluation, attractiveness, fascination, persuasion, suggestion, political media discourse*

Введение

Роль информации трудно переоценить в современном глобальном мире, где первейшим вопросом становится не получение информации или доступ к ней, а возможность грамотного отбора информационных потоков, их фильтрация. «Информация перестает быть просто формой сохранения и передачи знания, а процесс массовой коммуникации в области медиа, как традиционных, так и новых, превратился в перманентно осуществляемое речевое воздействие» [Калинин, Князева, 2023: 441]. На смену тезиса о «владении информацией» приходит дискурсивная установка «управления информацией», где понятие «управление» все больше приобретает манипулятивный смысл. Объективное знание уступает место субъективному мнению, которое все больше подчиняет себе фактологию событий. Наблюдаемый объективный феномен находится во власти существующей или навязываемой парадигмы его идеологической интерпретации. В основе небывалого разнообразия сфер, форм, видов и каналов современной коммуникации лежит *информационное воздействие*.

Целью статьи является теоретическое осмысление феномена информационного воздействия на материале политической коммуникации. В рамках заявленной цели автором ставился и решался ряд исследовательских задач, к которым, в частности, относятся: определение предметно-содержательных границ, форм и уровней информационного воздействия в современной политической коммуникации, выявление его

сущностных характеристик как речевого и коммуникативного феномена, отражающего смысловую динамику политического дискурса, установление критериев системного анализа феномена информационного воздействия в части, дифференциации фактора адресата, определяющего его коммуникативную направленность в политическом дискурсе (на массовую аудиторию и на политического оппонента), используемых текстовых приемов и языковых средств информационного воздействия (аттракция, фасцинация, суггестивность и персуазивность) в рамках реализуемых коммуникативных стратегий, характерных видов смысловых корреляций и асимметрий в его содержательной структуре.

Понятие информации в ракурсах научного рассмотрения

Феномен информационного воздействия наиболее полно раскрывается в медийном пространстве. В известном смысле его можно отождествить с медиавоздействием, которое уже давно и всесторонне изучается в современной отечественной лингвистике [Муравлева, 2019; Касюк, 2020; Кобякова, Сунцова, Яковлева, 2020; Калинин, Приходько, 2023]. Мы используем термин «информация», чтобы с наибольшей последовательностью сосредоточиться на языковом аспекте этого процесса. Однако содержательная широта самого термина «информация» и разница к подходам в идентификации «воздействия средствами языка», предполагает определенный разброс в научном определении понятия информационного воздействия, что подтверждает необходимость его системного анализа и выработки унифицированного подхода к его понятийному содержательному наполнению с позиций современных лингвистических парадигм.

Феномен и само понятие информации можно трактовать в узком и в широком смысле. Узкая трактовка предполагает его ограниченное понимание как информированности человека о внешних событиях, которые имели место в прошлом, происходят в настоящем или могут произойти в будущем. Это – чисто референциальное восприятие и понимание фактов, без какой-либо их оценки или иного концептуального (напр., образного или социокультурного) осмысления. Широкое понимание

предполагает подключение к предметно-семантическому компоненту содержания различного рода коннотаций, посредством которых воспринимаемый факт получает оценку и концептуализируется в социокультурном контексте. Узкое и широкое понимание ориентируют нас на соответствующее восприятие информации как феномена. Информация феноменологична по своей природе, она есть постоянный процесс сопряжения старого (фонового) и нового привходящего знания. Имея в виду актуальную динамику информационного воздействия, в политическом дискурсе, мы должны брать феномен воздействия во всей его полноте с учетом его объективной предметно-семантической, аксиологической и концептуальной социокультурной составляющих. Коннотативные факторы здесь играют не случайную и пассивную, а активную регулятивную роль, поскольку именно они составляют существо и значение прагматического целеполагания в условиях политической коммуникации, определяя речевую динамику и содержательную сторону общения.

Информационное воздействие как форма речевого воздействия

Рассматривая информационное воздействие с позиций лингвистического подхода, мы должны соотнести содержательные рамки информационного воздействия с рамками речевого воздействия, т.е. понять информационное воздействие как речевой феномен. Вопрос стоит о природе и широте каждого из понятий, об их родовидовой взаимосвязи: является информационное воздействие видом речевого воздействия или наоборот.

Речевое воздействие уже давно является объектом лингвистического изучения. Под речевым воздействием мы вслед за Е.Ф. Тарасовым понимаем «любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, это речевое общение, описанное с позиции одного из коммуникантов, когда он рассматривает себя как субъект воздействия, а своего собеседника — как объект» [Тарасов, 1990: 5]. Данное определение предполагает, что речевое воздействие реализуется в акте речевой коммуникации,

имея в качестве своих функциональных составляющих цель, субъект и объект.

Когнитивно-прагматической трактовки понятия «речевое воздействие» придерживается Г.Г. Почепцов, который, имея в виду эффект, который может оказать речевое сообщение на адресата, выделял следующие его аспекты:

- «изменение отношения субъекта к объекту, то есть коннотативного значения объекта для субъекта;
- формирование общего эмоционального настроя;
- перестройка категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий» [Почепцов, 1987: 91].

На повестке дня современного лингвистического изучения коммуникации стоит вопрос о ее связи с совокупным культурно-выразительным опытом языка, т.е. с социокультурными условиями дискурса. В свою очередь, современным дискурсивным штудиям, ориентированным на изучение и характеристику исторического и социокультурного опыта языка, не хватает связи с коммуникацией. На это обращают внимание исследователи [Федулова, 2019]. Коммуникация должна изучаться через призму дискурса, как дискурсивный феномен. Дискурс должен изучаться как коммуникативный феномен, т.е. с учетом его коммуникативной динамики. Именно в этом контексте важное значение имеет разграничение информационного и речевого уровней воздействия в акте коммуникации.

Разграничение речевого и информационного в акте коммуникации проводит Р.И. Зарипов, называя информационное воздействие информационно-психологическим. Он, в частности, приходит к выводу о том, что «в контексте массовой коммуникации первое является частью второго» [Зарипов, 2023: 59]. Автор опирается на представление об относительном разделении коммуникации на лингвистическую, паралингвистическую и экстралингвистическую, выделяя соответствующие им вербальные (речевые), невербальные речевые и невербальные неречевые аспекты и формы воздействия. При этом он соглашается с тем, что «речевое воздействие по-прежнему занимает ведущее положение,

обеспечивая передачу бесконечных объёмов информации в её самой существенной части – языковой» [Зарипов, 2023: 59].

Мы также признаем существование паралингвистического и экстралингвистического аспектов коммуникации и соответствующих этим аспектам форм воздействия, и также полагаем, что в общем комплексе информационного воздействия речевое является центральным, определяющим. Внеязыковые аспекты или формы воздействия могут дополнить эффект, оказываемый посредством знаков языка. Любая экстралингвистическая информация или паралингвистические средства общения, тембр голоса или форма шрифта, представляются нам сопутствующими факторами, усиливающими или снижающими эффект речевого воздействия.

Так, если обратиться к определению паралингвистики как «разделу языкознания, изучающему невербальные (неязыковые) средства, включённые в речевое сообщение и передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию» [Николаева, Успенский, 1966: 17], то мы обращаем внимание на то, что паралингвистические средства функционально включены в речевое сообщение, и потому не могут рассматриваться отдельно от них. Также экстралингвистические показатели, понимание которых в лингвистике с содержательной точки зрения часто пересекается с паралингвистическими, не могут быть применены в отрыве от процесса речевой коммуникации. Отдельный жест или элемент мимики, использованный в коммуникации, доступен пониманию только потому, что он опосредован речевыми знаками и, имея их в качестве предметной опоры, несет значимостную функцию. И социальный контекст значим только потому, что вполне объяснен и актуализирован языковым знаком в речевой коммуникации. В целом, мы полагаем, что в контексте первичной роли языка как средства порождения, сохранения, интерпретации и передачи знания, именно воздействие языковыми средствами играет сущностную роль, а экстралингвистические и паралингвистические факторы коммуникации являются дополняющими его частями, усиливающими или ослабляющими эффект воздействия.

Информационное воздействие само по себе не несет смысловой направленности, и эту направленность ему придает

собственно речевой компонент, который с этой точки зрения является определяющим. Его можно назвать ядром информационного воздействия. Со своей стороны, речевое воздействие всю полноту своей феноменологии получает лишь во взаимосвязи с тем информационным полем, в контексте которого оно (речевое) реализуется, в силу чего речевое воздействие в полной мере может быть названо информационным. Поэтому, если понимать речь как процесс обмена информацией, то речевое и информационное воздействие могут восприниматься как неразрывно связанные и в своей актуальной коммуникативной динамике совпадающие понятия. Информационное в нашем подходе характеризует всю полноту феноменологии речевого акта с учетом его социокультурной, прагматической и собственно знаковой предметно-языковой составляющих.

Речевое, как таковое, в нашем подходе ограничено непосредственной прагматикой общения. Информационное воздействие характеризуется более широкими параметрами, выходящими за рамки непосредственной прагматики и выразительной техники общения. Функциональная характеризация феномена воздействия расширяется до масштаба дискурса, в котором действуют не только эмоционально-психологические, но и социокультурные мотивационные факторы. С этих позиций речевое воздействие характеризуется как межличностное, где личность трактуется не только как психологическая, но и как социальная категория. Имея в виду тотальную дискурсивную обусловленность речи, в духе известного тезиса Р.М. Блакара, что «выразиться нейтрально невозможно» [Блакар, 1987: 95], мы полагаем, что речевое воздействие в широком смысле должно рассматриваться как дискурсивный феномен в рамках дискурсивной коммуникации с учетом его непосредственной целевой обусловленности.

Указанную выше взаимосвязь непосредственно речевого и широкого информационного в полной мере реализует в своей коммуникативной динамике политический медиадискурс, в котором личностная обращенность текста к человеку сочетается с его (текста) социокультурной обусловленностью.

Фактор оценки и фактор адресата в политическом дискурсе. Смысловые асимметрии как инструмент информационного воздействия

Информационное воздействие в политическом медиадискурсе, коммуникативной динамикой которого управляет прагматика речевого воздействия (назовем это прагматикой «политического момента»), это комплексный многоуровневый содержательный феномен. Для анализа феномена информационного воздействия с точки зрения его выразительной техники и содержательной динамики важны два фактора: фактор оценки и фактор адресата.

Оценка – основная функция и центральный содержательный компонент политического дискурса [Белых, 2019]. Политический дискурс в целом в каждом моменте своей коммуникативной динамики нацелен на оценку, на достижение оценки, как высшего критерия отражаемой в нем социальной реальности. Оценка – интерпретационный компонент дискурса [Федулова, 2019], она управляет коммуникативной динамикой дискурса. И в то же время, несмотря на свой доминантный функциональный статус, оценка – это самый подвижный, несамостоятельный и неустойчивый компонент политического дискурса. Чтобы оправдать свой статус, оценке нужна, с одной стороны, фактическая предметная опора, связанная с референцией знака к объекту (фактическим статусом обладает не оценка как таковая, а предмет оценки), и с другой стороны, ей нужно высшее концептуальное нравственное (аксиологическое) оправдание, которое как критерий санкционирует применение оценки к обозначаемому объекту. Оценка в ее феноменологическом статусе находится «между двух огней», для нее характерна функциональная двойственность: с одной стороны, ей требуется фактическое обоснование (т.е. что ее применение отвечает отображаемой фактической реальности), с другой стороны, ей нужна нравственная санкция со стороны концептуальной установки дискурса (т.е. что ее применение отвечает культурно-исторической традиции, принятой общественной норме). В первом случае, в части отнесенности к объекту, мы имеем эксплицитную сторону оценки: оценка показывает себя в выражении. Во втором случае, в части

апелляции к нравственному принципу, мы имеем имплицитную сторону оценки: оценка подразумевает согласие адресата с общими нравственными предпосылками, она имплицитно навязывает общую нравственную позицию адресату. Заметим, мы говорим не о совокупности оценочных предикатов, в огромном количестве присутствующих в каждом языке, а об их функциональном применении в акте коммуникации. О референциально-концептуальной двойственности оценки, как важнейшей части ее функциональной природы говорят Е.М. Вольф и Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988]. Двойственность оценки говорит о ее необычайной функциональной гибкости в опыте речевого применения. Оценка мотивирует эмоцию, становится смысловым основанием речевой экспрессии.

Вторым фактором, определяющим коммуникативную динамику политического дискурса, является фактор адресата. Здесь также политический дискурс обнаруживает свою двойственность. Мы говорим о двойственности адресата политического дискурса, которая определяет коммуникативную направленность составляющих дискурс речевых актов в их оценочном смысловом статусе. Каждый речевой акт политического дискурса, прямо или косвенно, ориентирован на двух адресатов: с одной стороны, это – массовая аудитория, избиратель, народ, с другой стороны, это – политический оппонент. Высшая задача политического актора, «автора политического высказывания, состоит в том, чтобы вызвать солидарную оценку массового адресата» [Погорецкая, 2021: 15]. Массовая поддержка будет высшим доказательством правильности всего, что говорит и делает политик. С другой стороны, «посредством оценки политик, противопоставляет себя, свою политическую позицию своему политическому противнику» [Погорецкая, 2021: 17]. В этом поле политик должен победить своего противника. Можно говорить о положительной (в части направленности на массового адресата) и об отрицательной (в части направленности на политического оппонента) сторонах оценки в политическом дискурсе.

Оценка – основное поле политической борьбы, идеологического противостояния. В аспекте фактического применения (референции к объекту) оценка проявляет свою силу,

мы связываем с ней речевую экспрессию: мы можем с большей или меньшей экспрессивной силой оценить обозначаемый объект. В другом своем аспекте оценка подчинена концептуальной установке дискурса, здесь она питается принятыми идеологическими абстракциями, образами, архетипами, которые усиливают ее интерпретационную функцию в практическом применении.

Концептуально-референциальная двусторонность оценки создает внутренний потенциал смысловых экспрессивных асимметрий речевого знака в политическом дискурсе. Смысловая асимметрия – не случайный результат содержательной динамики речевого знака в дискурсе, а инструмент целенаправленного речевого воздействия на аудиторию [Федулова, 2019]. Политические игроки преднамеренно искажают истинностный статус оценки, необоснованно повышают или понижают интерпретационную силу оценки в ее применении к обозначаемому объекту с целью достижения требуемого коммуникативного результата. Обычной практикой является ложное использование оценки путем ее эвфемизации или дисфемизации. Оценка становится инструментом политических манипуляций.

Вместе с оценкой информационное воздействие, которое оказывает речевой знак в политической коммуникации, открывается в двух пространствах. Одно из них может быть названо эксплицитным. Это – непосредственная аксиологическая интерпретационная прагматика знака, где он обнаруживает свою коммуникативную регулятивную направленность на адресата, свою экспрессивную силу. Другое смысловое пространство, по большей части, остается в импликации. Это – аспект соответствия знака принимаемым идеологическим, а также социокультурным, историческим, нравственным ценностям и стереотипам, которые по умолчанию мыслятся как дающие политику право на применение оценки к обозначаемому объекту.

Приемы и стратегии речевого воздействия

Двойственность оценки в политическом дискурсе становится смысловым основанием различного рода речевых приемов и стратегий, которые используются участниками дискурса с целью эффективного воздействия на адресата

(непосредственно – на массового адресата, косвенно – на политического оппонента).

М.Р. Желтухина, которая исследовала специфику речевого воздействия тропов в языке СМИ [Желтухина, 2004], обращает внимание на содержательную и выразительную технику речевого воздействия. В частности, она указывает, что в системе реализации речевого воздействия «воздействующая функция представлена аттрактивной, персуазивной и суггестивной функциями» [Желтухина, 2004: 50-51]. Все эти функции могут быть названы признаками, которые несет речевой знак в условиях коммуникации. Любой из признаков может быть выдвинут на первый план, становиться доминирующим в плане воздействия или, наоборот, отодвигаться на второй план, выполнять сопутствующую функцию.

Помимо *аттрактивности, суггестивности и персуазивности*, к базовым понятиям речевого воздействия мы также относим *фасцинацию*. Рассмотрим все эти понятия подробнее.

Аттракция имеет ряд толкований, например, ее можно рассматривать как показатель «смыслового притяжения и формального выравнивания элементов речи, которое используется для создания связности и целостности речи, проявляясь в процессе функционирования системы языка на всех ее уровнях» [Максименко, Подрядова, 2013: 68] и как «свойство лингвистического объекта обращать на себя повышенное внимание аудитории, на которую направлено содержащееся в нем сообщение» [Подрядова, 2012: 39]. Аттракция нацелена на управление чувственной стороной восприятия и внимания реципиента речевого сообщения, она связана с усилением речевой «привлекательности» текста. Большую роль здесь играет риторика.

Аттракция провоцирует доверие к речевому сообщению за счет его эстетической формы. Аттракция связана с жанровыми и стилистическими особенностями выражения. Стиль – это форма обращения текста к адресату и, следовательно, «передовой рубеж» коммуникативного воздействия, который может быть назван иррациональным, т.е. который предшествует рациональному восприятию. В построении высказывания автор

всегда исходит из «гипотезы восприятия», где форма стоит на первом месте (Сидоров; Князева). В использовании средств выражения значимым может оказаться как соблюдение стилистической нормы, так и ее нарушение, но где культурный критерий в любом случае стоит на первом месте. Таким образом, аттрактивность – это такое свойство текста, которое проявляется в использовании средств выразительности и композиционной организации текста с опорой на принятые жанровые и стилистические стандарты для повышения смыслового и выразительного притяжения текста.

Суггестивность чаще всего соотносят с понятием «внушение». Выдающийся русский психолог В.М. Бехтерев указывал, что «...внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому; прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания» [Бехтерев, 2001: 20]. В настоящее время выделилось отдельное направление в языкознании – суггестивная лингвистика, описываемая как «качественная лингвистическая теория, объясняющая воздействие языка на подсознание» [Черепанова, 1996: 8]. В.Е. Чернявская, изучающая роль суггестии в дискурсе, указывает, что «суггестивность – это воздействие, основанное на скрытом внушении» [Чернявская, 2014: 37].

Мы также полагаем, что суггестия относится к имплицитной стороне информационного воздействия в политической коммуникации. Суггестия основана на имплицитной антиципации согласия адресата в концептуальной сфере, т.е. в сфере социокультурных ценностей, идеологических установок, исторических оценок, которые носят общий характер и являются исходной смысловой основой сопряжения коммуникативных деятельностей адресанта и адресата. Адресат может не соглашаться или не во всем соглашаться в частном применении оценки или других смысловых интерпретаций, но он не может не быть согласным в том, что касается общепризнанных социальных ценностей, высоких идейных абстракций. На эту сторону и нацелен в своей коммуникативной прагматике автор политического высказывания. Суггестия часто используется в

манипулятивных целях, имея в виду изменение идеологической или социальной установки массового адресата. Суггестия влияет на формирование концептов и определенных моделей поведения в общественном сознании, воздействует на различные способы видения общественно значимых проблем и структурирует общественное знание. Основным качеством суггестивности представляется ее имплицитный характер, и суггестивное речевое воздействие можно определить как использование языковых средств репрезентации концептов, направленных на их имплицитное переструктурирование или изменение понятийного, ценностного или образного компонентов, скрытое воздействие на концептуальные структуры посредством языка.

Персуазивность является наиболее частотным термином современной теории речевого воздействия, который часто замещает само понятие «воздействие» как таковое. Персуазивность относится к рациональному уровню воздействия. А.В. Голоднов понимает персуазивность широко, описывая ее как «способ воздействия адресанта на ментальную сферу реципиента (его мнения и оценки) с целью регулирования поведения реципиента в интересах адресанта» [Голоднов, 2011: 8]. Согласно В.Е. Чернявской, «персуазивность – это воздействие путем убеждения или переубеждения» [Чернявская, 2014: 37], а М.Р. Желтухина отмечает, что «убеждение проявляется в сочетании усиленной выразительности с усиленной изобразительностью, что способствуют созданию эффекта воздействия, убеждения, особой доказательности» [Желтухина, 2004: 50].

Мы полагаем, в целях более четкого выделения этого понятия во взаимосвязи с уже вышеперечисленными, что персуазивность можно идентифицировать как воздействие на адресанта с опорой на рациональное обоснование, аргументативное убеждение, что зачастую выражено эксплицитно посредством риторических приемов речи: призывов, побуждений, риторических вопросов, прямой апелляции к аудитории.

Стоит выделить также фасцинацию как аспект речевого воздействия. Некоторые авторы под фасцинацией понимают «способность внешней формы, демонстрационного

коммуникативного сигнала приковывать внимание, вызывать волнующий интерес, удивление, радость, восхищение, восторг, очарование, экстаз, шок, испуг, ужас» [Соковнин, 2005: 13]. Фасцинация «помогает преодолеть барьеры и фильтры, делает сообщение привлекательным, заставляет обращаться к нему снова и снова» [Шрейдер, 2010: 60]. Следовательно, под фасцинативностью текста можно понимать «совокупность характеристик текста, превращающих этот текст в объект притяжения для адресата» [Карасик, 2009: 326].

Как видно из предложенных выше определений, фасцинативность трудно отделить от аттрактивности. Мы полагаем, что при всей смежности двух терминов, следует все же провести определенную границу между ними. На наш взгляд, в контексте речевого воздействия нужно отойти от понимания фасцинативности как голой привлекательности текста и понимать ее как содержательную категорию, повышающую перлокутивную способность языковой единицы вызывать яркий эмоциональный отклик. Так, Н.В. Иванов и О.А. Погорецкая анализируют фасцинацию как смысловой феномен, видя в нем подмену частной ценности (оценки) общей ценностью: “…verbal fascination is ‘a substitution of the pragmatic evaluative predicate by the deontic value predicate” [Ivanov, Pogoretskaya, 2021 : 17]. Добавим, что фасцинация, как правило, основана на том ли ином виде смыслового эпатажа, смысловая подача должна иметь черты новизны, неожиданности. Как указывает В.И. Карасик, фасцинативность позволяет превратить «текст в объект притяжения», и это притяжение может вызывать самые разные эмоциональные и социальные реакции [Карасик, 2009: 326]. Итак, фасцинативное речевое воздействие – это использование средств языка, нацеленное на то, чтобы вызвать яркий эмоциональный отклик со стороны адресата, за которым могут стоять как позитивные, так и негативные реакции, например, интерес, удивление, шок, испуг, гнев, злость, восхищение и прочие. Мы считаем, что аттракция ориентирована на чисто внешний эффект, в то время как фасцинативность ориентирована на внутреннюю содержательную сторону воздействия, провоцируя активную эмоциональную реакцию адресата.

Очевидно, что описанные выше формы речевого воздействия являются во многом взаимоперсекающимися понятиями, что подтверждает опыт их теоретического осмысления в современной лингвистике. Часто эти формы воздействия изучаются без какой-либо внутренней взаимосвязи. Мы полагаем важным при исследовании воздействующего потенциала текста или дискурса учитывать все возможные эффекты.

Рис. 1. Классификация форм речевого воздействия

В порядке обобщения скажем, что идентифицированные нами формы речевого воздействия, характеризующие коммуникативную динамику текста в его дискурсивных проекциях, а именно: аттрактивность, фасцинативность, суггестивность и персуазивность, в теоретическом плане коррелируют с исходным разграничением аспектов речевого воздействия на эмоционально-чувственное и рационально-логическое. Аттрактивность как свойство текста, определяющее формальную привлекательность текста для адресата, и фасцинативность, связанная с воздействием на эмоциональное восприятие адресата на смысловом уровне, относятся больше к эмоционально-чувственному речевому воздействию, тогда как суггестивность, как свойство воздействовать посредством внушения, и персуазивность, как характеристика воздействия через убеждение, представляются скорее формами рационально-логического воздействия. Если рассмотреть описанные формы

речевого воздействия с точки зрения явного и скрытого в них, то можно заключить, что аттрактивность и суггестивность относятся к уровню скрытого воздействия, а фасцинативность и суггестивность – к средствам прямого, эксплицитного речевого воздействия. Представим указанные классификации для наглядности в формате схемы (Рис. 1).

Важно также отметить перлокутивную диалогическую проекцию каждой из форм воздействия. Имеется в виду: какую акцептацию со стороны адресата ожидает автор речевого сообщения: аттракция и суггестия рассчитаны на пассивную акцептацию высказывания со стороны адресата (т.е. на молчаливое согласие с его стороны – как в аспекте внешней формы, так и в аспекте содержания), фасцинация и персуазия, напротив, рассчитаны на активную коммуникативную акцептацию высказывания со стороны адресата, т.е. на его эксплицитную интерпретационную реакцию и, значит, на смысловое развитие диалога.

За каждым из аспектов речевого воздействия стоит содержательная динамика знака, в основе которой лежит переход от одного уровня содержания к другому: от предметного компонента к оценке, от оценки к предметному компоненту, от оценки к концепту (к общезначимым ценностям) или от концепта к оценке. Мы как бы подменяем один компонент содержания другим, создавая тем самым содержательную асимметрию в знаке и управляя смысловым восприятием адресата. Подмена оценки предметным компонентом (референцией) лежит в основе персуазии, импликация высшей ценности через оценку порождает суггестию, подмена оценки высшим культурно-ценностным архетипом лежит в основе фасцинации, выдвижение на первый план внешней формы, стиля усиливает аттрактивность (навязывает точку зрения через внешний эффект). Подмена фактов оценкой лежит в основе манипуляции. Смысловые асимметрии в знаке становятся пространством различного рода коммуникативных манипуляций, которые весьма активно применяются в политическом медиадискурсе.

Обращает на себя внимание то, что во всех типах асимметрий центральным фактором воздействия является оценка, которая ищет для себя фактического обоснования в аспекте

референциального применения и высшего нравственного оправдания в концептуальном аспекте (в концептуальных основаниях дискурса).

В том, что касается техники речевого исполнения, мы выделяем эксплицитную и имплицитную стороны воздействия, которые находятся в тесной взаимосвязи. Эксплицитное воздействие осуществляется за счет использования эмоционально-окрашенной лексики, экспрессивных синтаксических конструкций, особого построения текста. Имплицитное воздействие основано на специфических смысловых асимметриях в организации содержания на основе манипулятивной взаимосвязи референциальной и концептуальной сторон оценки, которая раскрывается через сочетаемостный отбор, через суггестию, выразительную аттракцию, приемы убеждения и фасцинации.

Таблица 1. Классификация форм речевого воздействия

Форма речевого воздействия	**Уровень воздействия**		**Цель воздействия**	
	имплицитный	**эксплицитный**	**рациональное**	**эмоциональное**
Аттрактивность	✓			✓
Фасцинативность		✓		✓
Суггестивность	✓		✓	
Пресуазивность		✓	✓	

По когнитивно-прагматическому критерию разграничиваются: рационально-логическое воздействие, которое ориентировано на рассудочное восприятие, апеллирует к сознанию адресата и осуществляется в формах убеждения, аргументации, обоснования, и эмоционально-чувственное воздействие, нацеленное на подсознательную сторону восприятия, связанную с фоновыми личностными и социокультурными ассоциациями, на возбуждение эмоций, переживаний, где основными приемами будут использование эмоционально-окрашенной лексики, образов, эпитетов,

риторических обращений в форме вопросов и восклицаний. Конкретные формы речевого воздействия могут быть классифицированы по уровням и целям воздействия (Таблица 1).

Отдельно отметим, что соотнесение конкретных речевых форм с уровнями и целями воздействия носит все же несколько условный характер, поскольку каждый элемент речевого высказывания в его эксплицитном применении несет в себе тот или иной груз импликации. Тем не менее, подобное разделение открывает путь к стандартизации подходов, сохраняя право исследователя интерпретировать частные примеры речевого воздействия в соответствии с избранной парадигмой. Мы полагаем, что подобная классификация позволяет системно подходить к анализу конкретных примеров речевого воздействия с точки зрения их внутренней содержательной структурации, иерархии смысловых уровней.

Уровневая организация информационного воздействия в политическом медиа дискурсе

Итак, исходя из высказанных выше положений, мы можем трактовать информационное воздействие как речевое воздействие, соотнесенное с информационной средой. Наиболее полно и дифференцированно информационное воздействие раскрывает себя в политическом медиадискурсе в системе смысловых и коммуникативный оппозиций, обусловливающих работу речевого знака, к которым мы, в первую очередь, относим двойственность функции адресата и концептуально-референциальную двойственность оценки как основного мотивирующего политическую коммуникацию прагматического смыслового фактора. Согласно положениям медиалингвистики средства массовой информации одновременно реализуют две основных функции, информационную и воздействующую, их соотношение может отличаться в разных по жанру новостных сообщениях, однако воздействие есть в каждом из них.

Мы полагаем, что к разрабатываемой концепции информационного воздействия на материале политического дискурса можно применить уровневый подход, который был описан М.В. Приходько в его трудах, посвященных информационной войне [Приходько, 2023]. Проводя параллели с уровнями военного искусства, автор выделяет четыре уровня

ведения информационной войны: инструментальный (текст), тактический (тематически и темпорально объединенная группа текстов), оперативный (тематически единый дискурс), стратегический (информационная коммуникация, объединенная одним «макро автором», то есть новостным агентством или государством). Предполагается, что информационная война нацелена на изменение базовых концептуальных представлений объекта воздействия (стратегический уровень), что достигается посредством влияния на культурные константы и идеологемы (оперативный уровень) через тематически и темпорально объединенные информационные кампании (тактический уровень), реализованные в отдельных актах речевой коммуникации [Приходько, 2023: 63-64].

Уровневая концепция информационной войны может быть расширена и применена к формам информационного воздействия в политической коммуникации вообще. Ее применимость к более широкой области коммуникации обусловлена сущностными характеристиками и особенностями организации деятельности современных масс медиа, которые, с одной стороны, соответствуют веяниям глобализации, что повышает включенность аудитории во все мировые политические, социальные и экономические процессы, а с другой стороны, обслуживают более частные интересы отдельных государств и/или общественных элит. Усиливается разделение государственных и оппозиционных СМИ, за которым стоит идеологическое ценностное разделение на консервативные и либеральные СМИ, что существенно влияет на коммуникативную динамику политического дискурса в любом масштабе его рассмотрения. Любое информационное агентство или даже отдельный блоггер-журналист работают в рамках строго определенных идеологических рамок, подчиняясь определенной концептуальной дискурсивной установке, что предопределяет основное содержание ретранслируемой им информации. В этих условиях аудитория может получать диаметрально противоположные взгляды об одних и тех же событиях из разных источников. Это означает, что на стратегическом уровне каждый отдельный новостной текст, как единица дискурса, может быть соотнесен с особенной

концептуальной установкой, которая регулируется политикой руководства, что отражается на интерпретации событий на тематическом и аксиологическом уровнях, актуализируется в стилистических, синтаксических и лексико-грамматических характеристиках новостных и аналитических сообщений. Иными словами, идеология и мировоззрение, т.е. принимаемая частная дискурсивная установка, определяют аксиологию и стилистику новостей, что закономерно отражается в подборе новостных сюжетов, в построении стратегий информационного воздействия, в выборе речевых приемов и языковых средств их репрезентации.

Представим схематически общую картину относительной взаимосвязи масштабов, уровней когнитивной направленности, форм и целей информационного воздействия (Таблица 2). Схема отражает основные принципы реализации информационного воздействия в системе организации средств массовой коммуникации в политическом медиадискурсе.

Таблица 2. Уровневая организация информационного воздействия

Масштаб информационного воздействия	**Уровень когнитивной направленности информационного воздействия**	**Форма воздействия**	**Цель воздействия**
Стратегический / когнитивный	рациональный	суггестия	Мировоззрение, картина мира
Оперативный / культурно-идеологический	рациональный	преимущественно суггестия, персуазия	Идеологемы и культурные константы
Тактический / дискурсивный	эмоциональный, рациональный	преимущественно персуазия, суггестия, фасцинация	Представления об определенных субъектах общественно-политической деятельности
Инструментальный / текстовый	преимущественно эмоциональный, рациональный	преимущественно аттракция и фасцинация	Мнение об определенных событиях общественно-политической жизни

Рассмотрим, каким образом используются смысловые асимметрии в стратегиях массового воздействия в политическом медиадискурсе. Новость с официального сайта CNN: ***Disturbing video*** *shows* ***hundreds of blindfolded prisoners*** *in* ***Xinjiang***

(Шокирующее видео: сотни заключенных с завязанными глазами в Синьцзяне)[1]. В примере три ключевых элемента выделены полужирным шрифтом. Посредством этих элементов реализуются стратегии суггестии, персуазии, манипуляции. *Disturbing video* – яркая оценка предъявляемого события, далее следует само оцениваемое событие: *hundreds of blindfolded prisoners*. Оценка предваряет само событие. Мы видим в этом манипулятивно-персуазивную связь оценки и характеризуемого с ее помощью события. В целом заголовок направлен на то, чтобы под определенным углом зрения подать ситуацию в китайской провинции Синьцзянь, привнести суггестию в восприятие этого географического названия. Само название *Синьцзянь* должно восприниматься с негативной коннотацией по отношению к Китаю. Далее в подзаголовке следует интерпретация представленного события, усиливающая их негативную оценку: *A drone video appearing to show hundreds of blindfolded men being led from a train in China has raised* ***new concerns*** *over the ongoing* ***crackdown*** *on Muslim Uyghurs in the far western region of Xinjiang* (Видео с дрона, на котором мы видим, как сотни мужчин с завязанными глазами выводят из поезда в Китае, вызвало новые опасения по поводу продолжающихся репрессий против уйгуров-мусульман в Синьцзяне). В подзаголовке экспрессивный эффект усиливается при помощи высоко оценочного предиката *crackdown* (облава).

Все эти негативные оценочные номинации выполняют непосредственную экспрессивную функцию. Однако, помимо этого, они включаются в общую дискурсивную стратегию критики Китая в связи событиями в провинции Синьцзянь. Само название Синьцзянь в масштабе дискурса превращается в своеобразный культурно-символический архетип устойчивой негативной оценки Китая, ассоциируемое с нарушением прав человека.

Стратегия негативной оценки Китая получает накопительный эффект в дискурсе, что подтверждается данными сайта CNN, на котором мы по запросу «Uyghurs» (уйгуры)

[1] https://edition.cnn.com/2019/10/06/asia/china-xinjiang-video-intl-hnk/index.html (дата обращения 08.07.2023)

находим еще 539 статей, что говорит о наличии определенного тематически объединенного дискурса об уйгурах. Большинство из них будут передавать сообщения о «притеснениях, гонениях» и проч., что формирует представление о: а) уйгурах как о «жертвах», б) событиях в Синьцзяне как «преступлении», в) КНР как о «преступнике». Этот тематически единый дискурс определяет оценку событий и акторов, на основании мнения об отдельном событии конституирует представления об участниках этих событий, и на данном этапе информационного воздействия важную роль начинает играть рационально-логическое воздействие, потому что «даже ложь, повторенная сто раз становится правдой».

Beijing has had a long and ***fractious history*** *with Xinjiang, a massive,* ***nominally autonomous*** *region in the far west of the country that is home to approximately 22 million of the about 1.4 billion people living in China* (*У Пекина долгая и* ***противоречивая история*** *с Синьцзяном, огромным,* ***формально автономным*** *регионом на крайнем западе страны, в котором проживает примерно 22 миллиона из примерно 1,4 миллиарда человек, проживающих в Китае*). В дальнейшем развертывании текста суггестия усиливается посредством элементов *fractious* (противоречивый) и *nominally autonomous* (формально автономный), которые не формируют оценки напрямую, но как бы подсказывают читателю нужный вывод; также совсем неважное с содержательной точки зрения приведение цифр населения Китая и численности уйгуров создает впечатление необходимости встать на сторону «слабого меньшинства».

Далее автор текста направляет внимание читателя на то, как должна решаться эта проблема: *China* ***needs to be challenged*** *for this behavior* (*Необходимо* ***бросить вызов*** *Китаю за такое поведение*). Негативная суггестия в отношении Китая усиливается. Подразумевается, что все должны занять позицию осуждения Китая.

В приведенных примерах мы видим в основном приемы рационального воздействия: суггестивные и персуазивные. Действенность этих приемов усиливается за счет их постоянного повторения на протяжении определенного времени.

Таким образом, тактика экспрессивного воздействия укладывается в дискурсивную стратегию, в ходе которой возникает своеобразный накопительный эффект воздействия: негативная оценка Китая по ситуации в Синьцзяне становится доминирующей и неоспоримой, превращается в своеобразную аксиологическую константу. Этим создается благоприятная почва для устойчивой аксиологической дискурсивной суггестии, когда любые другие возникающие на этом основании оценки мыслятся как принимаемые по умолчанию.

Относительно приведенного примера, мы можем также расширить поиск на сайте CNN по запросу China и найти 42137 новостных сообщения, которые можно, к примеру, тематически разделить на «торговую войну», «проблема Синьцзяна», «протесты в Гонконге», «политика Си Цзиньпина», «развитие НОАК», «Тайвань» и так далее. Все эти тематически объединенные дискурсы формируют представление об акторе-мишени: «проблема Синьцзяна», «протесты в Гонконге» как о «том, кто нарушает права человека», «торговую войну» - как о «том, что нарушает правила торговли», «развитие НОАК» - как о «том, кто формирует военную угрозу» и так далее. Все эти тематические дискурсы как бы объединяются какой-либо идеологемой в один через средства суггестивности, реализованные в каждом отдельно взятом тексте. Например, во взятом нами для примера тексте human rights (права человека) употребляется три раза и всегда в негативном по отношению к Китаю контексте. Например, «demonstrating the “long-term suppression of human rights and fundamental freedoms by the Chinese government» (демонстрируя длительное угнетение прав человека и ограничение свободы со стороны Правительства Китая). Так, во всех новостных сообщениях в тематическом дискурсе «проблема Синьцзяна» основной идеологемой-целью являются «права человека»/«свобода» и так далее. Также можно выделить идеологические мишени в других дискурсах, но они всегда имеют место быть.

На оперативном уровне мы имеем дело с формированием идеологических установок и культурных констант, которые через механизмы интертекстуальной взаимосвязи единиц дискурса, как предполагается, должны действовать *a priori*. Здесь

накапливается совокупный эффект относительно разных тематических дискурсов, которые объединены одним актором, событием или идеей. За счет средств персуазивности, а также многократно применяемых приемов суггестивного воздействия, встречающихся в тематически различных, но объединённых одной целевой установкой текстах, создается устойчивый позитивный или негативный образ того или иного события, актора или идеи. Концептуальное содержание базируется на определенных культурных и идеологических константах, которые являются высшей целью информационного воздействия.

Через оперативно-тактические приемы воздействия нам открывается стратегическая цель информационной политики некоторых средств массовой информации (в нашем случае – CNN), которые транслируют свой медиа контент глобально по всему миру. На стратегическом уровне информационного воздействия у аудитории посредством формирования определенных идеологических констант и культурных установок формируется мировоззрение, характерное для политики западного либерального общества с его манипулятивной прагматикой, что находит отражение в политическом медиа дискурсе. Под знаком либерализма в общественное сознание внедряются ложные представления о свободе, о социальной ответственности, разрушаются критерии традиционных нравственных ценностей.

Стратегической целью информационного воздействия уже является не информирование аудитории и даже не формирование определенных образов и мнений относительно отдельных событий и акторов, а конструирование мировоззренческих установок, создание картины мира, которая отвечает и соответствует генеральной линии редакционной политики. Мы полагаем, что высшей инстанцией информационного воздействия является его суггестивный эффект, который ориентирован на концептуальные основания выносимой политической оценки, имея своей целью формирование (реформирование) идеологической базы отношения человека (массового адресата) к происходящим событиям.

Иерархия масштабов информационного воздействия в политическом медиадискурсе предполагает переход от одного уровня воздействия к другому: «представление → мнение → идеология → мировоззрение». Все формы речевого воздействия в политическом медиадискурсе подчиняются этой логике коннотативного подчинения. Каждая форма становится носителем вышестоящей коннотации, мотивирующей ее применение.

Заключение

Передача информации на современном этапе развития общества является перманентным процессом, что создает реальность постоянной вовлеченности аудитории в информационную среду, которая становится основой для формирования мировоззренческих установок и определения базовых аксиологических констант картины мира человека.

Непосредственная коммуникативная прагматика речевого акта интегрирована в социокультурную среду, по отношению к которой она стоит в дискурсивном и коннотативном подчинении. Всякое речевое воздействие в контексте дискурса приобретает черты комплексного информационного воздействия. Каждый речевой акт мотивирован социокультурной средой его осуществления.

Функциональная динамика информационного воздействия в политическом медиадискурсе опирается на сложную механику содержательных взаимосвязей в речевом знаке. Опираясь на эти взаимосвязи, автор политического сообщения с целью воздействия создает необходимые смысловые асимметрии в содержании знака: между предметной семантикой и оценкой, между оценкой и ее концептуальным основанием (социокультурной установкой дискурса), усиливая один компонент содержания за счет другого. Центральным фактором воздействия в политическом дискурсе является оценка, которая в первую очередь направлена на массового адресата.

Смысловые асимметрии в речевом знаке становятся основанием развиваемых в политическом дискурсе речевых приемов, тактик и стратегий, к которым относятся персуазия, суггестия, факсцинация и аттракция, среди которых персуазия и суггестия относятся к рациональной стороне речевого

воздействия, а фасцинация и аттракция к иррациональной стороне речевого воздействия. Во всех случаях сила воздействия характеризуется объемом и масштабом импликации, носителем которой выступает речевой знак.

Основная цель речевого воздействия в политическом дискурсе – вызвать солидарную оценку того или иного политического или общественного события со стороны массового адресата.

Конечной целью воздействия является общая идеологическая установка аксиологического восприятия массовым адресатом обозначаемого события, т.е. создание устойчивого стереотипа ценностного восприятия реальности. Совокупность таких стереотипов в сознании носителя языка может быть названа аксиологической картиной мира.

Литература

1. Белых Е.Н. Прагматическое и концептуальное содержание оценки в политическом дискурсе: на материале турецкого языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Москва, 2019. - 21 с.
2. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб: Питер, 2001. 254 с.
3. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия: сборник статей. М: Прогресс, 1987. С. 88–125.
4. Голоднов А.В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации. СПб: Астерион, 2011. 343 с.
5. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва, 2005. 358 с.
6. Зарипов Р. И. О соотношении речевого и информационно-психологического воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 54-61.
7. Калинин О.И., Князева Е.Г. Информационная война с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-2(54). С. 441-446.
8. Калинин О.И., Приходько М.В. Информационная война: коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-

идеологический аспекты // Военно-филологический журнал. 2023. № 1. С. 23-36.
9. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
10. Касюк А. Я. Социально-политические детерминанты пропагандистского воздействия в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 4(841). С. 61-70.
11. Кобякова Т.И. Сунцова Н.Л., Яковлева А.Р. Лингвистическая манипулятивная модель как средство воздействия в информационной среде // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3(82). С. 350-351.
12. Максименко О.И. Подрядова В.В. Аттрактивность в теории // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 1(1). С. 66-73.
13. Муравлева В.Р. Прагмалингвистические средства информационного воздействия на индивидуальное и коллективное сознание // Вестник адъюнкта. 2019. № 4(6). С. 6.
14. Николаева Т. М., Успенский Б. А. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М.: Наука, 1966. 270 с.
15. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография. М.: Наука, 1990. С. 5-18
16. Погорецкая О.А. Речевая манипуляция в медиапространстве итальянского политического дискурса: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.05. Москва, 2021. - 26 с.
17. Подрядова В.В. Музыкальный поэтический дискурс: особенности лингвистической аттрактивности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. № 2. С. 38-43.
18. Почепцов Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики. Киев: Вища шк., 1987. 129 с.
19. Приходько М.В. Лингвистическая модель информационной войны: структурные элементы и уровни воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. № 3. С. 57-71.
20. Соковнин В. М. Фасцинология: пролегомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. 400 с.

21. Федулова М.Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях: на материале английских и русских текстов судебной риторики: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19. Москва, 2020. - 44 с.
22. Черепанова И. Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М.: КСП, 1996. 384 с.
23. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 540300 - Филологическое образование. М.: Директ-Медиа, 2014. 184 с.
24. Шрейдер Ю.А., Мусхелишвили Н.Л. Информация и фасцинация в прямой и непрямой коммуникации // Фасцинация. Коммуникация. Екатеринбург, 2010. С. 53–64
25. Ivanov, N. V. The phenomenon of fascination in political discourse (by Italian examples) // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5, No. 2. P. 9-21.

References

1. Belykh Ye.N. Pragmaticheskoye i kontseptual'noye soderzhaniye otsenki v politicheskom diskurse: na materiale turetskogo yazyka [Pragmatic and conceptual content of assessment in political discourse: based on the material of the Turkish language]: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19. Moskva, 2019. - 21 s.
2. Bekhterev V.M. Vnusheniye i yego rol' v obshchestvennoy zhizni [Suggestion and its role in public life]. – CPb: Piter, 2001. 254 s.
3. Blakar R. M. YAzyk kak instrument sotsial'noy vlasti [Language as an instrument of social power] // YAzyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzaimodeystviya: sbornik statey. M: Progress, 1987. S. 88–125.
4. Golodnov A.V. Ritoricheskiĭ metadiskurs: osnovaniya pragmalingvisticheskogo modelirovaniya i sotsiokul'turnoĭ realizatsii [Rhetorical metadiscourse: foundations of pragmalinguistic modeling and sociocultural implementation]. SPb: Asterion, 2011. 343 s.
5. Zheltukhina M.R. Spetsifika rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI [Specificity of the speech influence of tropes in the language of the media]: dis. … d-ra filol. nauk: 10.02.19. Moskva, 2005. 358 s.
6. Zaripov R. I. O sootnoshenii rechevogo i informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya [On the relationship between speech and information-psychological influence]// Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2023. № 2. S. 54-61.

7. Kalinin O.I., Knyazeva Ye.G. Informatsionnaya voyna s pozitsiy kognitivno-diskursivnogo podkhoda [Information war from the perspective of the cognitive-discursive approach]// Kognitivnyye issledovaniya yazyka. 2023. № 3-2(54). S. 441-446.
8. Kalinin O.I., Prikhod'ko M.V. Informatsionnaya voyna: kommunikativnyy, diskursivnyy, kognitivnyy i kul'turno-ideologicheskiy aspekty [Information war: communicative, discursive, cognitive and cultural-ideological aspects]// Voyenno-filologicheskiy zhurnal. 2023. № 1. S. 23-36.
9. Karasik V. I. Yazykovyye klyuchi [Language keys]. M.: Gnozis, 2009. 406 s.
10. Kasyuk A. YA. Sotsial'no-politicheskiye determinanty propagandistskogo vozdeystviya v informatsionnom protivoborstve [Socio-political determinants of propaganda influence in information warfare]// Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki. 2020. № 4(841). S. 61-70.
11. Kobyakova T.I. Suntsova N.L., Yakovleva A.R. Lingvisticheskaya manipulyativnaya model' kak sredstvo vozdeystviya v informatsionnoy srede [Linguistic manipulative model as a means of influence in the information environment]// Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 3(82). S. 350-351.
12. Maksimenko O.I. Podryadova V.V. Attraktivnost' v teorii [Attractiveness in theory]// Uchenyye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki. 2013. № 1(1). S. 66-73.
13. Muravleva V.R. Pragmalingvisticheskiye sredstva informatsionnogo vozdeystviya na individual'noye i kollektivnoye soznaniye [Pragmalinguistic means of information influence on individual and collective consciousness]// Vestnik ad"yunkta. 2019. № 4(6). S. 6.
14. Nikolayeva T. M., Uspenskiy B. A. YAzykoznaniye i paralingvistika [Linguistics and paralinguistics]// Lingvisticheskiye issledovaniya po obshchey i slavyanskoy tipologii. M.: Nauka, 1966. 270 s.
15. Tarasov Ye. F. Rechevoye vozdeystviye: metodologiya i teoriya [Speech influence: methodology and theory]// Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya: kollektivnaya monografiya. M.: Nauka, 1990. S. 5-18
16. Pogoretskaya O.A. Rechevaya manipulyatsiya v mediaprostranstve ital'yanskogo politicheskogo diskursa [Speech manipulation in the media space of Italian political discourse]: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.05. Moskva, 2021. - 26 s.
17. Podryadova V.V. Muzykal'nyy poeticheskiy diskurs: osobennosti lingvisticheskoy attraktivnosti [Musical poetic discourse: features of

linguistic attractiveness]// Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2012. № 2. S. 38-43.
18. Pocheptsov G. G. Kommunikativnyye aspekty semantiki [Communicative aspects of semantics]. Kiyev: Vishcha shk., 1987. 129 s.
19. Prikhod'ko M.V. Lingvisticheskaya model' informatsionnoy voyny: strukturnyye elementy i urovni vozdeystviya [Linguistic model of information warfare: structural elements and levels of impact]// Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2023. № 3. S. 57-71.
20. Sokovnin V. M. Fastsinologiya: prolegomeny k nauke o charuyushcheĭ, dominantnoĭ i ustrashayushcheĭ kommunikatsii zhivotnykh i cheloveka [Fascinology: prolegomena to the science of enchanting, dominant and terrifying communication between animals and humans]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2005. 400 s.
21. Fedulova M.N. Interpretatsionnaya priroda diskursa v sotsiokul'turnom i kommunikativnom izmereniyakh: na materiale angliyskikh i russkikh tekstov sudebnoy ritoriki [The interpretive nature of discourse in the sociocultural and communicative dimensions: based on the material of English and Russian texts of judicial rhetoric]: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19. Moskva, 2020. - 44 s.
22. Cherepanova I. YU. Dom koldun'i. Yazyk tvorcheskogo Bessoznatel'nogo [House of the Witch. The language of the creative Unconscious]. M.: KSP, 1996. 384 s.
23. Chernyavskaya V. Ye. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya [Discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence]: uchebnoye posobiye dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy, obuchayushchikhsya po napravleniyu 540300 - Filologicheskoye obrazovaniye. M.: Direkt-Media, 2014. 184 s.
24. Shreyder YU.A., Muskhelishvili N.L. Informatsiya i fastsinatsiya v pryamoy i nepryamoy kommunikatsii [Information and fascination in direct and indirect communication]// Fastsinatsiya. Kommunikatsiya. Yekaterinburg, 2010. S. 53–64
25. Ivanov, N. V. The phenomenon of fascination in political discourse (by Italian examples) // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5, No. 2. P. 9-21.

Статья поступила в редакцию 06.06.2023
Статья одобрена после рецензирования 10.09.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

УДК 811.11-112

Иванов Владимир Дмитриевич
Vladimir Ivanov
Жук Нина Васильевна
Nina Zhuk

Проблема понимания лексико-грамматических структур в современном английском языке

The Problem of Understanding Lexical and Grammatical Structures in Modern English

Аннотация. *В статье авторы рассматривают лексико-грамматические структуры современного английского языка – «живого организма», со своими новшествами и изменениями на примере текстов песен современных исполнителей. Авторы отмечают, что коммуникационная направленность в особенности текста песен формируется особой композиционной структурой, в которой наряду с лексико-семантическими и фонетическими особую роль играют грамматические языковые единицы.* ***Актуальность*** *темы данной статьи обусловлена постоянными изменениями в лексико-грамматическом составе языка под воздействием изменений в общественно-политической жизни.* ***Целью*** *работы является определение тенденций в развитии современного английского языка.* ***Задачи*** *авторов данной статьи заключаются в анализе текстов современных популярных англоязычных песен и в выявлении трендов современной английской грамматики.* ***Материалом исследования*** *послужили современные англоязычные песни популярных исполнителей.* ***Методы исследования*** *- метод сплошной выборки, метод компаративного анализа.*

Abstract*. In the article, the authors consider the lexical and grammatical structures of the modern English language - a "living organism", with its innovations and changes on the example of the lyrics of modern performers. The authors note that the communication orientation, especially of the lyrics, is formed by a special compositional structure in which, along with lexico - semantic and phonetic, grammatical language units play a special role.* ***The relevance*** *of the topic of this article is due to the constant changes in the lexical and grammatical composition of the language under the influence of changes in socio-political life.* ***The purpose of the work*** *is to identify trends in the development of modern English.* ***The tasks of the authors*** *of this article are to analyze the texts of modern popular English-language songs and to identify trends in modern English grammar.* ***The research material*** *was modern English-language songs by popular singers.* ***Research methods*** *- continuous sampling method, the method of comparative analysis.*

Ключевые слова: *форма отражения действительности, средство коммуникации, языковые структуры, психология грамматики*

Keywords*: form of reflection of reality, means of communication, language structures, psychology of grammar*

Introduction

Language in action, as a form of generalized reflection of reality and the existence of thinking, forms speech – the most universal

means of communication, since when conveying information, the meaning of the message is lost to the least extent compared to other means of transmitting information, and communication can perform the function of maintaining connections not only between individual individuals, but establishes strong peaceful relations in modern conditions of endlessly unleashed wars, raging natural elements and economic crisis situations breaking out against this background [Amirbekova, 2018: 94-96].

Perception and decoding of information is explained by a person's belonging to a certain type according to the way information is perceived. If it is served in an inconvenient form for a person, then its decoding and understanding will be extremely difficult. In this regard, the components of information are simplified at different levels in order to most effectively influence the recipient and the latter's perception. In the process of information perception, a person's past experience and previously acquired knowledge are actively involved. The effectiveness of communication is measured precisely by how successful the psychological impact on the partner was [Zhuk, 2020: 59].

Exploring the modern English language by the example of English- language songs, the article considers textual information, which is presented in the form of various symbols that, combined with each other, allow you to get words, phrases, sentences in any language. **The novelty** of the research lies in the fact that changes are constantly taking place in the language. **The theoretical and practical value** lies in the use of research data in teaching English.

From a linguistic point of view, the text can be described as a sequence of linguistic means, sign units [Sorokin,1985: 13], a somewhat organized form [Sakharny, 1986: 23], and as a system of semantic elements [Dridze, 1980: 34].

From a psychological point of view, the text can be presented as a phenomenon of human culture [Sorokin,1985: 37]; as an expression capable of performing a communicative function [Muskhelishvili, 1997: 85]; work, product, speech [Galperin, 2005: 123].

Perception and presentation of information are inextricably linked, but each recipient tries to choose exactly the data presentation

option that will provide the best understanding of them, and a simplified version of the grammatical aspect contributes to this.

Considering the grammatical aspect of the English language, one should take into account the psychology of grammar, since the peculiarities of perception and understanding of the text depend on its grammatical form [Zhabitskaya, 1975: 130-132].

The main part

The basis of the text is the meaning, the most common properties of which in the text are significance, value, universality, invariance. But, at the same time, we can also speak about its situational conditionality, fuzziness, variability, variability, subjectivity. It should be noted that the content is a projection of the text on consciousness, and the meaning is a reverse projection of consciousness on the text [Novikov, 2002: 69]. Understanding does not mean a narrow psychological process of "displaying" or "recognizing" information, but the process of transition from linguistic structures to cognitive ones. All linguistic units of the text, including grammatical ones, have their own functional significance. The human factor is also of great importance in the process of creating a text [Novikov, 2001: 143-144; 2002: 155].

The connectedness of the text is ensured not only by the communicative orientation, compositional structure, but also by the interconnectedness of interrelated factors – a special organization of linguistic means: phonetic, lexico - semantic and grammatical. Since an integral characteristic of the text is its informativeness, the presence of some message in it, the language of the text of a modern pop song aimed at communicating with a wide and diverse audience is simplified at all levels of the language.

This article examines the grammatical aspect of modern English by the example of modern English-language songs.

Lyrics of Adele's song “Hello”
Hello, it's me
I was wondering if after all these years (1)
You'd like to meet,
to go over everything
They say that time's supposed to heal ya (2)
But I ain't done much healing (3)
Hello, can you hear me?

I'm in California dreaming about who we used to be (4)
[…]
To tell you I'm sorry, for everything that I've done (5a)
But when I call you never seem to be home
Hello from the outside
At least I can say that I've tried to tell you
I'm sorry, for breaking your heart (5)
But it don't matter, it clearly doesn't tear you apart anymore (6)
Hello, how are you?
It's so typical of me to talk about myself
I'm sorry, I hope that you're well
Did you ever make it out of that town (7)
Where nothing ever happened?
It's no secret
That the both of us are running out of time (8)
So hello from the other side
I must've called a thousand times
To tell you I'm sorry, for everything that I've done
But when I call you never seem to be home (9)[1]

Analyzing the lyrics of the song, we can distinguish the following:

- in the line “I was wondering if after all these years” (1), the verb “wonder”, which is usually used in Simple Tense, in this context is used in the form of Continuous;

- in the line “They say that time's supposed to heal ya” (2), the construction is overloaded – the impersonal structure “They say and time's supposed” is used twice;

- in the line “But I ain't done much healing” (3), instead of the structure “have not”, the colloquial reduced form “ain't” is used;

- in the line “I'm in California dreaming about who we used to be” (4) omitted the preposition “with” after the verb “be”;

- in the line “I'm sorry, for breaking your heart” (5), the grammatical tense Perfect is not used, violating the logic and grammatical integrity of the associated text (in the line “To tell you I'm sorry, for everything that I've done” (5a) it is used);

[1] https://lyricstranslate.com/ru/adele-hello-lyrics.html (дата обращения 06.07.2023)

- in the line “But it doesn't matter, it clearly doesn't tear you apart anymore” (6), the grammatical rule of The Present Simple Tense is violated - according to the rules in the 3rd person singular, the semantic verb in the affirmative structure and the auxiliary verb in the interrogative and negative structures have the ending “s” (But it doesn't matter);

- in the line “Did you ever make it out of that town” (7) the Perfect grammatical tense is not used, violating the logic and grammatical integrity of the linked text;

- in the line “That the both of us are running out of time” (8), the rule of using the article is violated. In this case, the article “the” should be missing;

- in the line “But when I call you never seem to be home” (9), there is an omission of the preposition “at" (to be home).

Analyzing the lyrics of *Adele's song “Someone like you”*, we highlight the following grammatical points:

I heard that you're settled down,
that you found a girl and you're married now. (1)
I heard that your dreams came true. (1)
Guess she gave you things I didn’t give to you. (2)
Old friend, why are you so shy?
Ain’t like you to hold back or hide from the light. (3)
I hate to turn up out of the blue uninvited
but I couldn’t stay away, I couldn’t fight it.
I had hoped you'd see my face (4)
and that you'd be reminded that for me, it isn't over[1].

- in the line “I heard that you found a girl and you're married now” (1) in accordance with the rules of English grammar, a perfect tense is required to represent the result - “that you have found a girl”. A similar situation is presented in the line “I heard that your dreams came true”;

- in the line “Guess she gave you things I didn't give to you”. (2) subject “I” is omitted; - in the line “Ain't like you to hold back”. (3) instead of the structure “It isn't like you to hold back”, the reduced form “Ain't” is used and the subject “It” is omitted;

[1] https://lyricstranslate.com/ru/adele-someone-you-lyrics.html (дата обращения 06.07.2023)

- in the line “I had hope you'd see my face” (4), a violation of the use of grammatical tenses is presented (you do not need to use The Past Perfect Tense, and the auxiliary verb “did” is required to strengthen the phrase).

Analyzing the lyrics of the song *“The lazy song”* by *Bruno Mars*, we highlight the following grammatical points:

Today I don't feel like doing anything
I just wanna lay in my bed (1)
Don't feel like picking up my phone, (2)
So leave a message at the tone
Cus today I swear (3)
I'm not doing anything
I'm gonna kick my feet up (4)
And stare at the fan[1].

- in the line “I just wanna lay in my bed” (1), instead of the British version of “I want to lay in my bed”, the American version of the English “I just wanna lay” is used;

- the subject “I” is omitted in the line “Don't feel like picking up my phone” (2);

- the line “Cus today I swear” (3) presents a reduced form of the word because;

- in the line “I'm gonna kick my feet up” (4), instead of the British version of “I'm going to kick my feet up”, the American “I'm gonna kick” is used.

Analyzing the lyrics of *Ariana Grande's* song *“Breathe”*, we highlight the following grammatical points:

[…]
Don’t know what else to try, but you tell me every time ***(****1)*
Just keep breathin’ and breathin’ and breathin’ and breathin’ (2)
I know I gotta keep, keep on breathing (3)
Just keep breathin’ and breathin’ and breathin’ and breathin’
I know I gotta keep, keep on breathing
Sometimes it’s hard to find, find my way up into the clouds
Tune it out, they can be so loud
You remind me of a time (4)

[1] lyricstranslate.com›ru/Bruno-Mars-Lazy-Song… (дата обращения 06.07.2023)

when things weren't so complicated[1]

- in the line "Don't know what else to try, but you tell me every time" (1) the subject "I" is omitted;

- the line "Just keep breathing' and breathing'" (2) presents a reduced form from the Gerund "breathing";

- in the line "I know I gotta keep, keep on breathing" (3), the expression "I gotta keep" assumes the meaning of "I will", therefore, the structure "I am going" is suitable here instead of the British version of "I'm going", the American "I gotta" is used in the meaning of "I will";

- in the line "You remind me of a time" (4), the uncountable noun "time" with the concretizing definition "when things weren't so complicated" is preceded by the indefinite article "a"

Analyzing the lyrics of the *Aerosmith* song *"I'm going crazy"*, we highlight the following grammatical points:

Come 'ere baby
Seems like we're makin' up more (1)
than we're makin' love
And it always seems you got somn' (2)
on your mind other than me
Girl, you got to change your crazy ways (3)
You hear me? (4)
Say you're leavin' on a seven thirty train (5)
and that you're headin' out to (6)
Hollywood
Girl you've been givin' me that line so many times (7)
it kinda gets like feelin' (8)
bad looks good, yeah
That kinda lovin' (9)
[…]
You're packin' up your stuff and
talkin' like it's tough and tryin' to tell me (10)
that it's time to go, yeah
But I know you ain't wearin' nothin' (11)
underneath that overcoat
And it's all a show, yeah

[1] lyrsense.com›Sweetener›Breathin' (дата обращения 06.07.2023)

That kinda lovin'
Make me wanna pull (12)
Down the shade, yeah
That kinda lovin'
Yeah now I'm never, never, never, never (13)
gonna be the same (14)
I go crazy, crazy, baby, I go crazy
I feel like the color blue
I'm losin' my mind, girl (15)
'Cause I'm goin' crazy (16)[1]

- in the line “Seems like we're makin' up more” (1), a reduced form of Continuous from “making” is presented; A similar situation is observed in lines (5), (6), (7), (15);

- in the line “And it always seems you got somn' on your mind other than me” (2), the reduced form of the pronoun “something” and the omission of “Have” in the expression “have got” are presented;

- the line “Girl, you got to change your crazy ways” (3) contains the omission of “Have” in the modal expression “have got to”

- in the line “Do you hear me?” (4), the auxiliary verb “Do” is omitted in the interrogative structure of the sentence;

- in the line “it kinda gets like feelin'” (8) (see also in 9 and 10), in addition to the reduced form “feeling”, the preposition “kinda” is used instead of “kind of”;

- in the line “But I know you ain't wearin' nothin'” (11) there is a double negation, which contradicts the grammatical laws of the construction of the English sentence;

- in the line “That kinda lovin' Make me wanna pull” (12), instead of the British version of “Make me want to pull”, the American version of the English “Make me wanna pull” is used. In the same context, a violation of the grammatical rule of The Present Simple Tense is presented - according to the rules in the 3rd person singular, the semantic verb in the affirmative structure has the ending “s” (That kinda lovin' Makes me wanna pull);

- in the line “gonna be the same” (14), instead of the British version of “I'm going”, the American “I'm gonna” is used;

[1] amalgama-lab.comsongs/a/aerosmith/crazy.html (дата обращения 06.07.2023)

- the line “Cause I'm goin' crazy” (16) presents a reduced form of the word because. Kinda [ˈkaɪndə] predl “kinda” like (like); such, similar.

Analyzing the lyrics of the Arctic monkeys song “Do I wanna know?” we highlight the following grammatical points:

Do I Wanna Know? (1, 2)
Have you got colour in your cheeks?
[…]
Are there some aces up your sleeve? (3)
Have you no idea that you're in deep?
I dreamt about you nearly every night this week
[…]
Been wondering if your heart's still open (4)
And if so I wanna know what time it shuts (1, 2)[1]

- in the line “Do I Wanna Know?” (1,2) We note the omission of the particle “to”, and instead of the British version of the semantic verb “want”, the American version “wanna” is used.

- in the line “Are there some aces up your sleeve?” (3) instead of the pronoun “any”, the pronoun “some” is used in the interrogative structure;

- the line “Been wondering if your heart's still open” presents the use of the continuous form with verbs, which, as a rule, are not used in this tense.

Modern English is a constantly changing organism, which is influenced by changes in socio-political life and the American version of English - the language of another culture, a culture more liberated and dynamic, corresponding to the mores of modern youth. Modern English is characterized by simplification at all levels, conciseness and compactness.

Conclusion

In the course of the study, the following conclusions were formulated:

1) simplification of grammatical forms: not using the grammatical tense Perfect, violating the logic and grammatical integrity of the linked text, violation of the rules of using the article, omission of the verb “Have” in the expression “have got” and in the

[1] lyricstranslate.com›…arctic-monkeys-do…wanna-know… (дата обращения 06.07.2023)

modal expression “have got to”, violation of the construction of the interrogative structure - omission of the auxiliary verb “Do”;

2) usage in the form of Continuous verbs, which are usually used in Simple Tense;

3) violation of the grammatical rule of usage in The Present Simple Tense in the 3rd person singular in the semantic verb in the affirmative structure and in the auxiliary verb in the interrogative and negative structures of the ending “s”

4) usage of double negation, which contradicts the grammatical laws of the construction of the English sentence;

5) usage of the pronoun “some” instead of the pronoun “any” in the interrogative structure;

6) usage of the American version of the semantic verb instead of the British one;

7) omission of the subject, particles and prepositions;

8) reduction at the grammatical and morphological levels.

The analysis of popular modern English-language songs allows us to conclude that in modern English the tendency to simplify grammatical forms is expanding, but the neglect of grammar rules concerns only informal English, colloquial speech, which is dictated by the rhythm of modern life, its dynamism and redundancy of information.

References

1. Amirbekova A.B. The linguistic picture of the world of the people as a reflection of collective consciousness (cognitive aspect) / A.B. Amirbekova, G.S. Isaeva. — Text: direct // Young scientist. - 2018. - № 41 (227). - pp. 94-96.
2. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research / I.R. Galperin. - Ed. 3rd stereotype - M.: Editorial of the Ukrainian SSR, 2005. - 132 p.
3. Dridze T.M. Language and social psychology / T.M. Dridze. - M.: Book, 1980. - 189 p.
4. Zhabitskaya O.G. On the psycholinguistic approach to the study of the perception of fiction / O.G. Zhabitskaya. - M., 1975. - pp. 130-132.
5. Zhuk N.V., Akinina M.V. Poetry as a means of communication in the modern world p. 59 Promising scientific research and innovative technological developments: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference on

August 27, 2020 / Under the general ed. by E.P. Tkacheva. – Belgorod: Agency for Advanced Scientific Research (APNI) LLC, 2020. - 92 p.
6. Muskhelishvili N.L. The meaning of the text as an internal image / N.L. Muskhelishvili // Questions of psychology. - M. - No. 3. 1997 - pp. 79-91.
7. Novikov A.I. Problems of applied linguistics / A.I. Novikov // Collection of articles – M.: "Azbukovnik", 2001. - 155 c.
8. Novikov A.I. Dominance and transposition in the process of understanding the text / A.I. Novikov // Problems of applied linguistics. - M., 2002. - pp. 155-180.
9. Sakharny L.V. Derivation and semantics: word - sentence - text / L.V. Sakharny. - Perm: Luch, 1986. - 74 p.
10. Sorokin Yu.A. Psycholinguistic aspects of text study / Yu.A. Sorokin. - M.: Nauka, 1985. - 168 p.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023
Статья одобрена после рецензирования 10.08.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

УДК 801’731

Конурбаев Марклен Эрикович
Marklen Konurbaev

Три закона феноменологической динамики библейской притчи

Three Laws of Phenomenological Dynamics of the Biblical Parable

Аннотация. Цель. *Описание трех законов феноменологической динамики библейской притчи и определение их роли в формировании смысла текста.* ***Процедура и методы.*** *В статье осуществлен анализ текстов библейских притч, а также проведено их сравнительное изучение с другими жанрами библейской литературы. Используется метод компаративистики и феноменологического анализа. В работе также применялись такие методы исследования, как классификация, синтез и анализ, наблюдение, понятийное моделирование и сравнение.* ***Результаты.*** *Проведенный анализ показал, что библейская притча обладает особой спецификой, которая выражается в трех законах феноменологической динамики: законе равновесия, законе феноменологического воздействия и законе энтропии. Эти законы играют важную роль в формировании смысла текста и позволяют ему быть актуальным и для современного читателя.* ***Теоретическая и практическая значимость.*** *Сформулированы предложения по использованию выявленных законов в литературном анализе и интерпретации библейских притч и текстов в целом. Обобщен новый материал по исследуемой теме, который может быть использован в курсах лингвистики и литературоведения.*

Abstract. Aim. *To describe the three laws of phenomenological dynamics of the biblical parable and to determine their role in shaping the meaning of the text.* ***Methodology.*** *The article analyses texts of biblical parables and carries out their comparative study with other genres of biblical literature. The method of comparative and phenomenological analysis is used.* ***Results.*** *The conducted analysis has shown that the biblical parable has a special specificity, which is expressed through three laws of phenomenological dynamics: the law of equilibrium, the law of impact and the law of entropy. These laws play an important role in the formation of the meaning of the text and allow it to be relevant for the contemporary reader.* ***Research implications.*** *The article suggests using the described laws in literary analysis and interpretation of biblical parables and texts in general. The new material on the topic has been thoroughly generalized and can be used in the courses of linguistics and literary studies.*

Ключевые слова: *библейская притча, закон равновесия, речевой акт, энтропия, феноменологический анализ*

Keywords: *biblical parable, law of equilibrium, speech act, entropy, phenomenological analysis*

Введение

Современный мир активно стремится к расширению и наращиванию массивов информации, в особенности антропологической и лингвистической, и ее концентрации, что можно наблюдать «в обилии сокращений, аббревиатур,

акронимов во всех видах общения» [Максименко, 2016]. В глобальной сети постоянно возникают новые коммуникативные пространства, которые в равной степени способствуют как описанию лингвистического анализа, так и появлению его новых направлений [Ахренова, Милякова, 2022]. В этой связи феноменология становится одним из наиболее актуальных направлений филолгии, лингвистики и философской мысли. За свою основу она берет описание и анализ сознания и его объектов, которые рассматриваются в качестве феноменов. Наиболее важным направлением является феноменологическая динамика, которая изучает изменения феноменов во времени.

В данной статье мы представляем результаты исследования закономерностей феноменологической динамики на примере библейской притчи. Мы выявляем три закона, которые определяют особенности этого жанра и играют важную роль в формировании смысла текста: закон равновесия, закон феноменологического воздействия и закон феноменологической энтропии.

Библейская литература является одним из самых значимых источников культуры Запада. Она содержит множество жанров, среди которых особое место занимает библейская притча. Этот жанр имеет большое значение для понимания моральных и этических принципов, которые были актуальны в древности и остаются актуальными до сих пор.

Мы считаем, что результаты исследования могут быть полезны как для специалистов в области лингвистики и литературоведения, так и для широкого круга читателей, интересующихся библейской литературой и западной культурой в целом.

Одной из наиболее известных библейских притч является притча о сеятеле, которая стала объектом исследования для многих философов. Подобные произведения речи стали отправной точкой для описания законов феноменологической динамики, которые берут свое начало в работах таких известных философов и мыслителей, как Мартин Хайдеггер и Эдмунд Гуссерль.

В работе «Бытие и время» Хайдеггер представляет свою концепцию времени и динамики, которая основывается на его

представлении о "бытии". Он рассматривает время как процесс, в котором происходит изменение бытия, и это изменение является основным элементом феноменологической динамики [Хайдеггер, 1997].

Гуссерль, в свою очередь, развивает концепцию интенциональности, которая стала ключевым понятием феноменологии. Он рассматривает изменение феноменов как процесс изменения интенциональных актов сознания [Husserl, 2012].

Работы этих авторов являются важным вкладом в развитие феноменологической динамики и могут быть использованы для анализа различных феноменов. В данной статье мы рассмотрим, проанализируем и опишем три закона феноменологической динамики на материале библейских притч.

Нулевой закон: закон феноменологического равновесия

Живой речевой образ в процессе восприятия развернутого произведения речи регулируется тремя законами феноменологической динамики, которые отвечают за общее состояние достоверности и подлинности впечатления от «жизни» в сознании читателя.

Нулевой закон феноменологической динамики – закон феноменологического равновесия – касается онтологии «жизни» в речи и предполагает, что сфера «жизни» не может выйти за пределы данного текста в той мере, в какой элементы текста утратят свою феноменологическую способность в пределах этого самого текста [Барт, 2009]. Эту ограниченную область феноменологической интерпретации мы называем феноменологическим «царством», за пределами которого всякая интерпретация перестает быть феноменом речи, а должна опираться на системное представление о культуре, традициях, психологических предпосылках [Хайдеггер, 1997].

Нулевой закон гласит, что основа *феноменологического пробуждения* остается неизменной как во всем тексте или речи, так и в восприятии читателя/слушателя. Если с онтологической точки зрения элементы речи порождают феноменологическое впечатление жизни, то и в сознании читателя/слушателя оно будет иметь те же базовые характеристики [Шлейермахер, 2004].

Всякое серьезное искажение феноменологической емкости элемента текста путем чрезмерной интерпретации через элементы, выходящие за рамки используемых в данном тексте языковых единиц, неизбежно нарушит целостность всего текста, что приведет к полному искажению его общей феноменологической сущности.

Таким образом, любая попытка интерпретации речевого акта с привлечением информации, данных, фактов и других элементов, не имеющих прямого отношения к общему объему феноменологических сущностей в текущем речевом акте, должна рассматриваться как избыточная и нерелевантная для данного речевого акта, просто потому что нет никаких оснований для расширения объема текущего речевого события без неоправданного расширения текущего объема феноменологических сущностей за счет элементов, выходящих за его пределы.

Феноменологические сущности речи не являются безграничными, а связаны актом речи и его составными элементами [Husserl, 2012]. В повседневной жизни мы склонны приписывать словам и фразам, обращенным к нам, значения, выходящие далеко за рамки слов, использованных говорящим/пишущим, твердо веря, что эти значения коренятся в самом речевом событии [Ахманова, 2017]. Ошибочно путать феноменологию речи с феноменологией культуры, в которой составные элементы могут быть слабо связаны друг с другом, образуя модель мышления, действия, поведения [Хайдеггер, 2012].

Нередко, используя аллегории и аллюзии, говорящий намеревается создать видение, выходящее далеко за пределы самого акта речи [Bloom, 2011]. Желаемый эффект часто действительно достигается. В основном это происходит за счет силы и живости речевого феномена, порожденного силой феноменологических сущностей, возникающих в рамках текста или речевого акта. Но общий эффект «жизни», возникающий в сознании слушателя или «второго плана» после прочтения или слушания обращенной к нему речи, – это не феномен речи, а сущность культуры, психологических стереотипов и т. п.

Хорошей иллюстрацией могут послужить библейские притчи [Бахтин, 1975]. Проповедник обращается к публике в аллегорической форме:

«Выйдя же в день тот из дома, Иисус сел у моря. И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел; а весь народ стоял на берегу. И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит!»[1]

Феноменологические сущности в этой притче выстраиваются посредством слов и образов, которые ясны и могут быть мысленно восприняты и идентифицированы как узнаваемые: есть человек, чьим занятием является посев семян; есть семена, которые падают в разные места. Ставя акцент на разных словах, мы обращаем внимание на различные виды семян, которые падают в разных местах. Люди, которые слушают эту историю, хорошо знакомы с фигурой и личностью сеятеля и его заботами, и у них не возникает никаких вопросов по этому поводу. Пробудить этот образ в их сознании во всей его динамике не составило никакого труда. *Феноменологическое пробуждение* было полным и почти единодушно воспринималось как истина теми людьми, которые слушали речь, обращенную к ним и апеллирующую к их опыту и образу жизни. Но именно поэтому последняя фраза притчи осталась для них непонятной («Кто имеет уши, да слышит»), и они попросили объяснений:

«И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и

[1] Русские переводы Библии // Мф. 13:1–9: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_переводы Библии (дата обращения: 02.10.2023).

то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют…»[1]

Давая такое объяснение, Иисус Христос ссылается на опыт народа, который никогда не был описан ни в притче, ни в более широком контексте Библии. Каково же было намерение? На самом деле, оно сводилось, главным образом, к тому, чтобы вызвать мысли и эмоции, выходящие далеко за пределы обычных жизненных контекстов. Говоря терминами феноменологии, Иисус предлагает расширить рамки «заключенного в скобки» материала и начать воспринимать притчу в текущий момент говорения, глазами и ушами людей, которые внимают притче в текущем контексте времени, места и окружения. Желаемый феноменологический эффект – созерцание жизни и вытекающее из него поведение, которое в целом непредсказуемо, поскольку нигде не было четко обозначено в непосредственном контексте притчи.

Однако для того, чтобы быть признанными людьми как надежные, пути и слова пророков должны были опираться на предыдущие писания и традиции. Поэтому в контексте притчи о сеятеле Иисус не мог опираться исключительно на феноменологию культуры, или феноменологию духа, построенную на апелляции к опыту и нравственности людей. Феноменология речи не менее важна, чем две вышеназванные. Таким образом, неумышленно следуя нулевому закону феноменологической динамики, Иисус связывает аллегорию в притче о сеятеле с традицией и пророчествами, давно известными народу Израиля со времен Ветхого Завета:

«…и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их. Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что́ вы видите, и не видели, и

[1] Русские переводы Библии // Мф. 13:10–13: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_переводы Библии (дата обращения: 02.10.2023).

слышать, что́ вы слышите, и не слышали. Вы же выслушайте значение притчи о сеятеле…»[1]

Данная отсылка к Ветхому Завету и словам пророка Исайи в притче Христа очень важна, поскольку она ограничивает рамки интерпретации аллегории единственным источником – Писанием. Следовательно, все феноменологические сущности должны быть найдены исключительно в этом тексте, а не просто интерпретированы в более широком контексте древнееврейской культуры и вековой традиции. Более широкая интерпретация многих других притч в Новом Завете Библии, конечно, возможна, но никогда не выйдет за рамки одного текста, поскольку все они будут отсылать к понятию «Царствие Небесное», которое почти везде описывается через расширенную метафору.

Использование притч в широком контексте Писания является очень хорошим примером феномена речи, включающей в себя множество проявлений понятия, рассматриваемого под разными углами. В нашем случае это понятия «Царствия Небесного». Система отсылок в рамках одного текста очень важна для понимания и адекватной оценки феноменологических сущностей, поскольку в них мы видим указания на границы феноменологического царства [Husserl, 2012]. Пытаясь объяснить феноменологическую сущность, интерпретатор отдает предпочтение анализу внутри феноменологического царства. Только в том случае, если не удается определить основу феноменологической интерпретации в рамках феноменологического царства речи, открываются двери других феноменологических царств, уступая место более широкой системе отсылок, расположенных в областях культуры, истории, традиций, психологии и т. п. [Лотман, 1996].

Понятие «Царствие Небесное», по-разному интерпретируемое Иисусом в Новом Завете, не может быть адекватно воспринято, если не следовать первой же ссылке Христа на контекст, обосновывающий необходимость для пророка говорить притчами, а затем обратиться к указанному контексту и изучить его во всех тонкостях, чтобы стало

[1] Русские переводы Библии // Мф. 13:14–18: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_переводы Библии (дата обращения: 02.10.2023).

возможным более широкое видение феномена. Значение этого способа феноменологической интерпретации весьма велико, поскольку, как было сказано ранее, суть и природа феномена заключается не в статичном снимке сущности, а в способности сущности, существа, сохранять свою целостность в различных контекстах влияния, принимая и с пользой перерабатывая влияния других феноменологических сущностей. Другими словами, жить и возрождаться в многочисленных других контекстах.

В Ветхом Завете контекст, на который ссылается Иисус Христос после притчи о сеятеле, начинается с описания другого важного феномена – «Царя»:

«В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен»[1].

Далее в этом контексте Господь повелевает пророку скрывать священный смысл в своей речи до того момента, когда те, у кого «нечистые уста», изменятся и станут достойными созерцать Царя:

«И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня. И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи

[1] Русские переводы Библии // Ис. 6:1–7: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_переводы Библии (дата обращения: 02.10.2023).

свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. И сказал я: надолго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и домы без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет. И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле»[1].

Данный эпизод объясняет смысл каждой аллегорической отсылки, которую Иисус Христос делает в отношении «Царствия Небесного», где акцент делается не на качествах последнего, а на его восприятии людьми, которые стремятся туда попасть:

«…и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»[2].

«Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё»[3].

«Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает всё, что имеет, и покупает поле то»[4].

«Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его»[5].

Так, первое упоминание о Царствие Небесном у Исайи связано со способностью человека увидеть Господа, что возможно только в состоянии абсолютной чистоты, которая, в свою очередь, может быть тогда, когда человек научится вести себя и чувствовать соответствующим образом. И тогда тайный смысл слов, представленных ему в аллегорической форме, станет явным, и человек сможет увидеть не только основной смысл

---

[1] Русские переводы Библии // Ис. 6:8–12: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_переводы Библии (дата обращения: 02.10.2023).

[2] Русские переводы Библии // Мф. 18:3: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_переводы Библии (дата обращения: 02.10.2023).

[3] Русские переводы Библии // Мф. 13:33: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_переводы Библии (дата обращения: 02.10.2023).

[4] Русские переводы Библии // Мф. 13:44: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_переводы Библии (дата обращения: 02.10.2023).

[5] Русские переводы Библии // Мф. 13:31–32: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_переводы Библии (дата обращения: 02.10.2023).

метафор, использованных в развернутой аллегории, но даже всю картину феноменологической референции, представленную такой аллегорией [Halliday, 1976]; в конечном итоге достигается конечная цель всех усилий Пророка пригласить свою аудиторию к восприятию сакрального смысла аллегории. К слушавшим его людям обращен призыв оставаться в рамках феноменологического царства с очень незначительным отклонением за границы текста. Примечательно, что неспособность первосвященников Израиля правильно воспринять понятия «Царствия Небесного» и «храма» как феноменов речи в соответствии с законом феноменологического равновесия, и стремление интерпретировать эти понятия в более широком контексте культуры привели их к отрицанию Иисуса Христа, а также его слов и его миссии:

«На это Иудеи сказали: каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать? Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А Он говорил о храме тела Своего. Когда же воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус»[1].

Данный закон феноменологической динамики является первым необходимым основанием для адекватной интерпретации феноменологических сущностей речи без смешения их с более широким понятием феноменологии культуры, традиций, психологического типа и др. Данный закон устанавливает границы интерпретации, за которыми выявленные феномены могут приобрести непредсказуемые черты, часто вызывающие непредсказуемые последствия для тех, кто читает или слушает контексты и принимает на их основе решения.

Второй закон: значимость элементов речи в пределах феноменологического царства

Следующим важным шагом в процессе феноменологической интерпретации речи является установление

[1] Русские переводы Библии // Ин. 2:18–22: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русские_переводы Библии (дата обращения: 02.10.2023).

правила относительной значимости элементов речи в пределах феноменологического царства.

Таким образом, второй закон феноменологической динамики гласит, что никакая феноменологическая сущность не может появиться в речи, если элементы в пределах феноменологического царства, или его непосредственной периферии, не взаимодействуют друг с другом в соответствии с конкретным общим принципом феноменологического воздействия. Этот закон устанавливает порядок, согласно которому объект приобретает характеристики феноменологической сущности только через взаимодействие с другими объектами в том же феноменологическом царстве или связанной с ним периферией (однако, лишь в очень малой степени, достаточной для *феноменологического пробуждения* в сознании субъекта коммуникации). Феноменология речи касается только тесной системы коммуникации и исключает какую-либо абсолютную феноменологическую ценность отдельной языковой единицы или понятия, используемого в том или ином тексте.

Феноменологическое воздействие лежит в основе идеи феноменологической динамики. Никакое представление жизни не может возникнуть в сознании участника коммуникации, если не созданы условия для обмена смысловыми и экспрессивными импликациями между элементами речи в границах феноменологического царства [Хайдеггер, 1997]. Всякое пробуждение подобия жизни в сознании субъекта коммуникации так или иначе связано с потенциалом элементов речи вызывать различные прямые или косвенные ассоциации друг с другом или с предыдущим опытом субъекта коммуникации. Стремясь разграничить феноменологические сущности, укорененные в речи**,** с одной стороны, и порожденные более широким контекстом культуры, традиций и других факторов, с другой, мы ограничиваем сферу действия таких сущностей только элементами языка, а затем, очень осторожно, непосредственной фоновой периферией речи.

Перечитав известный эпизод из шекспировского «Гамлета», мы обнаруживаем референциальные схемы,

способные создать целый ряд феноменологических сущностей, выходящих далеко за пределы непосредственно речевого акта:

«О рать небес! Земля! И что еще
Прибавить? Ад? – Тьфу, нет! – Стой, сердце, стой.
И не дряхлейте, мышцы, но меня
Несите твердо. – Помнить о тебе?
Да, бедный дух, пока гнездится память
В несчастном этом *шаре*. О тебе?
Ах, я с *таблицы памяти моей*
Все суетные записи сотру,
Все книжные слова, все отпечатки,
Что молодость и опыт сберегли;
И *в книге мозга моего* пребудет
Лишь *твой завет*, не смешанный ни с чем,
Что низменнее…»[1]

Помимо довольно очевидных синтаксических отношений между единицами каждого предложения в этом отрывке, есть несколько случаев вертикальных отношений, которые могут иметь или не иметь феноменологический потенциал, при условии, что субъект коммуникации распознает их и приложит умственные усилия для создания феноменологической сущности в речи путем мысленной обработки подобного рода наблюдаемых и связанных предметов.

Одним из наиболее интересных слов в этом монологе, несомненно, является слово «шар», которое в данном контексте может иметь либо только одно, либо одновременно три возможных значения. Каждое из них может быть вполне оправданным, исходя из широкой семантики этого существительного [Винокур, 2000]. Итак, «шар» может означать голову говорящего, земной шар, а также быть аллюзией на театр «Глобус» (в оригинале *globe*). Тогда феноменологическое пробуждение будет зависеть от эрудиции аудитории и ее способности идентифицировать эти смыслы одновременно, что вполне оправдано именно в данном контексте.

---

[1] Шекспир У. Трагедия о Гамлете, принце Датском, акт 1, сцена 5. Перевод М. Л. Лозинского // Шекспир В. Полное собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. А. А. Смирнова. М.-Л.: Academia, 1936, Т. 5. 618 с.

Третий закон: масштабы феноменологической энтропии

Третий закон феноменологической динамики регулирует масштабы феноменологической энтропии. Этот закон гласит, что если какой-либо элемент речевого акта по той или иной причине лишился внимания участника коммуникации, то этот элемент уже не будет оказывать никакого влияния на общую феноменологическую сущность речевого акта. Феноменологические сущности, которые ранее определялись участием такого элемента в их порождении, изменят свою природу, подвергаясь влиянию других элементов в текущем акте речи в соответствии с первым законом феноменологической динамики.

Подлинно феноменологическая интерпретация речи возможна только в рамках перечисленных нами трех законов, определяющих целостность элементов речи и их «динамический потенциал» в сознании реципиента речи. Вероятно, именно с таким пониманием речи связано когнитивное и коммуникативное удовлетворение во всех наших социальных контактах.

Заключение

Подводя итог, мы можем сделать следующие выводы.

Существует три закона феноменологической динамики, которые определяют особенности библейской притчи: закон равновесия, закон феноменологического воздействия и закон феноменологической энтропии. Каждый из этих законов играет важную роль в формировании смысла текста и помогает читателю понять моральные и этические принципы, которые были актуальны в древности и остаются актуальными до сих пор. Каждый из законов феноменологической динамики является важным элементом философской мысли и может быть использован для анализа различных феноменов.

Результаты нашего исследования могут быть использованы в литературном и культурном анализе, а также в раскрытии смысловой глубины библейских притч и понимании их важности для формирования мировоззрения человека.

Мы надеемся, что наши результаты будут полезны как для специалистов в области лингвистики и литературоведения, так и для широкого круга читателей, интересующихся

литературой вообще, библейской литературой и культурой в целом.

Литература

1. Ахманова О. С. What is the English we use? A course in practical stylistics. Репр. изд. М.: МАКС Пресс, 2017. P. 156.
2. Ахренова Н. А, Милякова В. А. Микроблог как разновидность рекламного интернет-дискурса // Вестник Московского государственного областного университета Серия: Лингвистика 2022. №3. Т.2 С. 87–101.
3. Барт Р. S/Z. 3-е изд.: М.: Академический проект, 2009. 373 с.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. 407 с.
5. Винокур Г. О. Введение в изучение филологических наук. М.: Лабиринт, 2000. 192 с.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
7. Максименко О. И. Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. №2. С. 111–116.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 227 с.
9. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации) / Пер. с нем., предисл., науч. ред., сост. слов. Н. А. Артеменко. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2012. 224 с.
10. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский Дом, 2004. 242 с.
11. Bloom, H. The Anatomy of Influence: Literature as a Way of Life. New Haven and London: Yale University Press, 2011. P. 368.
12. Halliday, M. A. K., Hasan, R. Cohesion in English. London: Longman, 1976. P. 392.
13. Husserl, E. Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology. Foreword Dermot Moran. London and New York Classics, 2012. P. 432.

References

1. Akhmanova O. S. What English do we use? Practical stylistics course. Moscow, MAKS Press, 2017. 156 p.
2. Akhrenova N. A., Milyakova V. A. Microblogging as a kind of internet advertising discourse in: Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2022, №3, vol. 2. Pp. 87–101.

3. Bart R. S/Z. 3rd ed.: Moscow, Academic project, 2009. 373 p.
4. Bakhtin M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoj poetike / Voprosy literatury i estetiki [Forms of time and chronotope in novel. Essays on ancient poetics. Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khud. lit., 1975. 407 p.
5. Vinokur G. O. Vvedenie v izuchenie filologicheskih nauk [Introduction to the study of philological sciences]. Moscow, Labyrinth, 2000. 192 p.
6. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya [Inside thinking worlds. Man – text – hemisphere – history]. Moscow, Languages of Russian Culture, 1996. 464 p.
7. Maksimenko O.I. Bells letters adaptation: from novel to comics // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics. 2016. № 2. Pp. 111–116.
8. Heidegger M. Bytie i vremya [Being and time]. Moscow, Ad Marginem, 1997. 227 p.
9. Heidegger M. Fenomenologicheskie interpretacii Aristotelya (Ekspoziciya germenevticheskoj situacii) / Perevod s nemechkogo, predislovie, nauchnyi redactor, sostavutel slovarya N. A. Artemenko) [Phenomenological sound of Aristotle (Exposition of the hermeneutical situation) / Trans. from German, preface, scientific. ed., vocabulary by N. A. Artemenko]. St. Petersburg, IC Humanitarian Academy, 2012. 224 p.
10. Schleiermacher F. Germenevtika [Hermeneutics]. St. Petersburg, European House, 2004. 242 p.
11. Bloom, H. Anatomy of influence: literature as a way of life. New Haven and London: Yale University Press, 2011. 368 p.
12. Halliday, MAC, Hassan, R. Cohesion in English. London: Longman, 1976. 392 p.
13. Husserl E. Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology. Foreword Dermot Moran. London and New York Classics, 2012. 432 p.

Статья поступила в редакцию 24.04.2023
Статья одобрена после рецензирования 30.08.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81`22

Бхатти Наталья Викторовна
Natalie Bhatti
Фильчакова Екатерина Михайловна
Ekaterina Filchakova
Ерошин Антон Павлович
Anton Eroshin

Синтаксические особенности построения простых предложений в английском, турецком и урду

Syntactic characteristics of simple sentences in English, Turkish and Urdu

Аннотация. *В фокусе внимания настоящего исследования находится простое предложение. В качестве материала для анализа выбраны такие языки, как английский, турецкий и урду. Выбор языков обусловлен их широкой распространенностью в мире, благодаря количеству носителей и пользователей данных языков. В условиях глоболизации и мультилингвальности сопоставление определенных языковых характеристик английского, турецкого и урду представляет особый интерес, особенно в фокусе коммуникативных задач и прагматических установок. Теоретические предпосылки для сравнения указанных языков опираются на их принадлежность к правоветвящимся и левоветвящимся системам – языкам с различным морфологическим и синтаксическим строем. В работе проводится сопоставительный анализ последовательностей конституентов в структуре простого предложения, изучаются условия для изменения порядка слов в зависимости от функциональных особенностей предложений и специфики их комплементарных компонентов. Стандартный порядок слов предложения во всех трех языках коррелирует с эмоционально-экспрессивным выделением одного из конституентов, а любое отклонение от синтаксической нормы объясняется условиями коммуникативной ситуации. Результаты исследования позволили выделить сходства в структурах утвердительных, вопросительных и отрицательных предложений в урду и турецком языке и подтвердить уникальность синтаксического строя аналогичных структур в английском языке. Авторы решают поставленную задачу сопоставительного анализа с позиций транслингвального подхода в изучении иностранных языков. Полученные теоретические данные иллюстрированы обширным эмпирическим материалом, имеют важное практическое значение и подтверждают актуальность выбранного направления исследования. На сегодняшний день проблема порядка слов в урду и турецком языке недостаточно изучена, что дает возможность для расширения исследовательского поля и дальнейшего поиска сходств и различий в языках индоевропейской семьи.*

Abstract. *The current paper focuses on the syntactic peculiarities of a simple clause in Urdu, English and Turkish. The choice of the languages is determined by their wide spread in the world due to their number of native speakers. In the context of globalization and multilingualism it is particularly interesting to compare certain language features of English,*

Turkish and Urdu especially from the perspective of communicative goals and pragmatic purposes. Theoretical foundations for the comparison of the mentioned languages are based on their belonging to left-branching and right-branching systems and their having different morphological and syntactic characteristics. The authors of the article carry out a comparative analysis of the order of the constituents of a simple clause. They also study which functional characteristics of the clause and specifics of their complimentary units lead to the change in the order of syntactic components in a clause. Standard word order in all the three studied languages correlates to emotional highlighting of one of the constituents while any deviation from the norm is attributable to the situations of communication. The results of the survey enabled the authors to define the similarities in the structures of the affirmative, interrogative and negative sentences in Urdu and Turkish and to confirm the unique syntactic order of similar structures in English. The comparative analysis of the languages is conducted from the perspective of translingualism. Thus, the empirical data of the present work can find a practical application in language teaching. Such study of word order in languages is particularly relevant in the context of developing cross-cultural communication as the problem of communicative significance of the order of syntactic units in Urdu and Turkish has not been researched so far. It builds a solid foundation for further studies of Indo-European languages.

Ключевые слова: *транслингвальный подход, простое предложение, порядок слов, синтаксис, дискурс, коммуникация*

Key words: *translingual approach, simple sentence, word order, syntax, discourse, communication*

Введение

Реальность, составляющими которой на сегодняшний день является глобальная мобильность наций и осознание важности транслингвального подхода в освоении второго или третьего языка, обусловливает необходимость выделения общих черт в языках, довольно дистанцированных друг от друга в плане родственности. Английский, турецкий и урду входят в двадцатку самых распространенных языков в мире на основании количества пользователей или числа носителей данных языков. Соответственно, изучение особенностей языковых систем таких распространенных в мире языков и сопоставление их по определенному признаку представляется не только новым этапом в исследовании, но и практически значимой задачей. Синтаксис является остовом любого языка, тем скелетом, который упорядочивает и координирует языковые элементы, создавая для них определенный контекстуальный континуум и коммуникативную нагрузку. Таким образом, сопоставление синтаксических единиц с позиций следования их элементов в разных языках существенно дополняет наше представление об этих языках и позволяет успешно оперировать ими исходя из сложившейся коммуникативной обстановки. Изучение вопросов,

связанных с порядком слов в английских предложениях, до сих пор привлекает внимание лингвистов Е.А. Дегтяревой, И.С. Злобиной, Н.А. Кобриной, В.А. Мендельсон и др. [Дегтярева, 2023; Злобина, 2013; Кобрина, 2006; Мендельсон, 2004]. Проблемы порядка слов предложения в урду и турецком языке в основном рассматриваются в фрейме общеязыковых явлений и не подвергаются тщательной лингвистической оценке, что дает основание считать выбранное направление исследования, которое представляет собой сравнительно-сопоставительный анализ трех языков с позиций функциональных особенностей синтаксического строя простых предложений, значимым и перспективным.

Материалы и методы исследования

Под простым предложением понимается базовая синтаксическая структура в повествовательной форме с глаголом в действительном залоге. Такое предложение, констатирующее единичный факт [Popper, 2004], не содержит дополнительной экспрессивной нагрузки, является немаркированным в отношении наклонения, залога и полярности. Каждое предложение в языке будет либо простым/базовым, либо результатом трансформационных преобразований одного или более базовых предложений [Carter, McCarthy, 2006: 192] Значение сопоставления характеристик простых предложений сложно переоценить. Они составляют основу синтаксической системы любого языка. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что данные, полученные в его результате, представляют практическую и прагматическую ценность, особенно при транслингвальном подходе в обучении, так как в качестве объекта исследования выбраны языки, широко используемые в современном мире. Имея определенные сходства по ряду аспектов, тем не менее урду, английский и турецкий отличаются по своей грамматической сути, что отчетливо проявляется в их синтаксисе. Методологическую основу исследования составляют сопоставление и типологическое сравнение.

Порядок следования слов или групп слов в предложении в любом языке является значимым как семантически, так и функционально. Так, если в языке существуют параллельно

несколько альтернативных синтаксических моделей, каждая из них существенна в коммуникативном плане. Особенно значима цепочка следования синтаксических компонентов в письменной речи. Если устно коммуникативное ядро и коммуникативную базу можно разделить при помощи интонационных средств, то на письме именно позиция того или иного компонента маркирует его отнесение к теме или реме предложения. Когнитивные особенности человека накладывают отпечаток на порядок синтаксических элементов в предложении, например, подлежащее в ряде языков предшествует дополнению, что отражает тенденцию коммуникантов обрабатывать и усваивать известную информацию (тему) до новой (ремы).

Большинство языков имеют следующие компоненты синтаксических соединений: ядро (грамматическая основа) и зависимый компонент (модификатор/атрибут/определение). В зависимости от позиции ядерных элементов в фразе языки делятся на правоветвящиеся и левоветвящиеся. В первых фразы начинаются с ядра, во вторых ядро находится в конечной позиции. Турецкий, к примеру, полностью левоветвящийся – *iyi çalışıyor ‘хорошо работает’:* ядро предложения глагол *çalışıyor,* слева от него располагается модификатор действия *iyi*. Многие языки имеют двунаправленное присоединение зависимых синтаксических элементов. Например, в английском языке ядро словосочетания может находиться как справа (*this* ***way***), так и слева (***run*** *quickly*) от зависимой от него единицы. Позиция ядра между зависимыми элементами также характерна для английского синтаксиса (*the* ***students*** *here*). В урду, который не относится к полностью левоветвящимся или правоветвящимся языковым системам, могут быть найдены примеры обеих позиций ядра по отношению к модификатору: *baṛa laṛka*, `большой мальчик`, *acchi nahi hai vo jo gati hai* досл: `хорошие не есть те женщины, которые поют`. Тем не менее, в основном, линейная организация любой синтаксической конструкции регулируется правилом: зависимый компонент находится перед главным.

Психологические особенности человека обусловливают тот факт, что побудитель, расположенный в начале или в конце

высказывания запоминается лучше, чем тот, который находится в средней позиции.

Язык, которым мы пользуемся, разделяет информационный континуум на отдельные блоки, которые мозгу легче обработать. Изучение влияния синтаксиса на восприятие и обработку происходящего показывает прямую взаимозависимость между порядком слов во фразе, состоящей, например, из прилагательного и существительного, и скоростью восприятия категорий существительного. Способность запомнить агента в структурах с переходным / непереходным глаголом также напрямую связана с порядком следования синтаксических единиц в предложении.

В типично правоветвящихся языках ядро предложения предшествует различным модификаторам, содержащим дополнительную информацию, таким образом представляя собой структуру, разветвляющуюся вниз вправо (рис1).

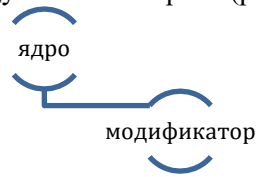

Рис. 1. Ядро предложения в типично правоветвящихся языках

Левоветвящиеся языки имеют модификатор в препозиции к ядру, визуально представляя собой структуры с разветвлениями вниз и влево (рис 2).

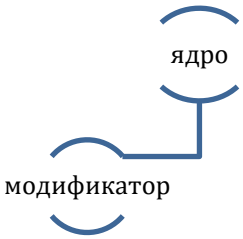

Рис. 2. Ядро предложения в левоветвящихся языках

С точки зрения способа построения грамматических форм английская морфология характеризуется наличием как

синтетических, так и аналитических моделей, с перевесом в сторону аналитического формообразования. В урду также присутствуют оба варианта грамматического строя: синтетические (агглютинативные и флективные) и аналитические с превалирующими синтетическими характеристиками. Турецкий язык относится к группе агглютинативных языков, в котором превалирующим типом словоизменения является агглютинация, т.е. добавление к корневым основам слов продуктивных аффиксов и инфлексий [Баранов, 2001: 14]. Экстенсивное использование разнообразных инфлексий затрудняет морфологический анализ словоформ и приводит к неоднозначной их интерпретации в большинстве случаев. Приведенные морфологические черты исследуемых языков необходимо учитывать при описании особенностей их простых предложений.

Результаты исследования

Порядок слов в английском языке практически всегда следующий: подлежащее + глагол/сказуемое + дополнение (SVO, где конституенты: S – subject = подлежащее, O – object = дополнение, V – verb = глагол/сказуемое) [Chomsky, 2002]. Например, *I am a student*, в данном случае невозможна перестановка глагольного компонента в начальную позицию предложения.

Урду в этом отношении характеризуется относительно свободным порядком слов, то есть синтаксическая позиция элемента не несет грамматической нагрузки. Например, возможны вариации следующего ядерного предложения «Я – ученик»:

mai shagird hu[1]	*shagird hu mai*
mai hu shagird	*hu mai shagird*
shagird mai hu	*hu shagird mai*

[1] Арабская письменность, используемая в урду, предполагает направление написания слов справа налево. Чтобы упростить понимание синтаксических особенностей языка для тех, кто незнаком с арабской вязью в данной работе используется так называемый романизированнный вариант написания слов и более привычный порядок их следования слева направо.

где *mai* – `я`, *shagird* – `ученик` и *hu* – соответственная форма глагола `быть`. Разница между данными предложениями будет заключаться в эмоционально-экспрессивном выделении того элемента, который стоит в начале предложения.

Для определения частотности употребления последовательностей SOV и SVO в современном разговорном урду было выбрано 35 примеров из речи носителей языка. Анализ частотности показал, что последовательность с дополнением перед глаголом является наиболее типичной для современного языка (более 60% случаев из рассмотренных 37). Последовательность с дополнением после глагола встречается реже (около 20% случаев из выбранных 37 примеров). Последовательность с глаголом в начале предложения и подлежащим в конце не встречается.

В турецком простом предложении изначально задана последовательность SOV, но ее можно изменять достаточно свободно [Hengrimen, 200: 300]:

Ben çocuğuma kitapları veriyorum. ‘Я моему ребенку книги даю’. SOV

Çocuğuma kitapları ben veriyorum. ‘Моему ребенку книги я даю’. OSV

Ben veriyorum kitapları çocuğuma. ‘Я даю книги моему ребенку’. SVO

Çocuğuma kitapları veriyorum ben. ‘Моему ребенку книги даю я’. OVS

Veriyorum ben kitapları çocuğuma. ‘Даю я книги моему ребенку’. VSO

Такая перестановка слов внутри синтаксического строя турецкого простого предложения зависит от задач конкретной речевой ситуации. В ходе работы была проведена случайная выборка 47 примеров из речи носителей турецкого языка и проведен анализ частотности употребления той или иной последовательности SOV. Было установлено, что наиболее употребительной является последовательность SOV (более 50% случаев из 47 рассмотренных). Относительно часто встречается последовательность SVO (порядка четверти из 47 рассмотренных высказываний). Ни одного случая последовательности VOS, то есть с глаголом в инициальной позиции и с подлежащим в

терминальной, найдено не было. При сравнении структур простого предложения в турецком и урду (сопоставлялось примерно равное количество предложений) установлено, что в обоих языках допускается некоторая функционально-семантическая вариативность следования конституентов, которая обусловливается эмоционально-экспрессивными установками коммуникантов [Бхатти, 2021: 9].

В английском языке грамматические отношения между компонентами фразы маркируются только через порядок слов, благодаря их соотнесенности с глаголом-сказуемым. Например, предложения *The professor asked the student* и *The student asked the professor* будут существенно различаться как синтаксически, так и семантически. В первом случае слово *professor* является подлежащим и исполнителем действия, во втором – дополнением и реципиентом. Таким образом, следование компонентов: подлежащее – сказуемое – дополнение (SVO), в отличие от двух других исследуемых языков, является контстантным и определяется как главная характеристика синтаксиса английского простого предложения [Carter, McCarthy, 2006: 195]

В английском языке стандартное место дополнения – сразу после глагола, с которым оно связано. Если в одном и том же предложении подлежащее и дополнение выражены одним и тем же местоимением, дополнение будет дважды маркировано в своей синтаксической роли – позицией после глагола и формой объектного падежа: *He told him*. В структурах с двумя дополнениями косвенное дополнение может стоять как сразу после глагола перед прямым, таки и после прямого, но в этом случае оно употребляется с предлогом: *I told Mike the news. I told the news to Mike.*

Простые синтаксические конструкции с дополнением в урду строятся в соответствии со следующей моделью: подлежащее – дополнение – сказуемое (SOV). Например: *Woh football khelta hai* (где *woh* подлежащее *он*, *football* –дополнение *футбол* и *khelta hai* глагольная форма *играет*. Или *Woh aik kitaab parhta hai,* где *woh* подлежащее *он*, *kitaab* дополнение *книга* и *parhta hai* сказуемое *читает*. Гибкость порядка слов не наблюдается в урду в предложениях с двумя дополнениями, стоящими в аккузативе и дательном падеже. Если в одном и том

же предложении присутствуют существительное в аккузативе и местоимение в дативе, просто по формальным чертам невозможно определить какое из них в каком падеже. В таких случаях принятый по умолчанию порядок слов (подлежащее – дополнение – сказуемое) дает подсказку, и тогда тот именной компонент, что следует сначала, является подлежащим фразы, а тот, что занимает вторую позицию – становится дополнением (например, форма *laṛke ko* будет обозначать как дополнение аккузативе, дативе, так и дативное подлежащее). То же правило применимо, если в предложении два дополнения, первое будет прямым, второе косвенным по причине идентичности падежных форм.

В турецких простых предложениях сказуемые, выраженные переходными глаголами, принимают прямые дополнения в аккузативе: *Ahmet usta* ***yemeği*** *iyi pişiriyor.* Конверсационный турецкий дискурс допускает номинатив прямого дополнения: *Ahmet usta iyi* ***yemek*** *pişiriyor.* Дополнение в этом случае классифицируется как неопределенное. Структура обоих предложений SOV, семантика сходная: `Повар Ахмет хорошо готовит еду`. Модификатор *iyi* в независимости от места в предложении выполняет функцию обстоятельства образа действия. Следует отметить, что номинатив может создать когнитивную трудность для изучающих турецкий язык, поскольку простое предложение *Ahmet usta iyi yemek pişiriyor*. можно интерпретировать инче: `Повар Ахмет готовит хорошую еду`, где *iyi* выполняет синтаксическую функцию атрибута неопределенного дополнения. Другой причиной подобной когнитивной трудности может быть сходная морфологическая форма прилагательного и наречия [Shcheka, 1989: 125]: *Bu kız çok* ***güzel***. ‘Эта девушка очень **красивая**’./ *Bu kız çok* ***güzel*** *dans ediyor*. ‘Эта девушка очень **красиво** танцует’.

Для атрибута, выраженного прилагательным, в английском языке характерна препозиция к существительному, которое оно определяет: *She had a* ***small*** *child in her arms.* Позиция обстоятельства зависит от того к какой части речи относится определяемое им слово. Если наречие относится к прилагательному, оно обычно предшествует ему в предложении *a* ***surprisingly*** *smart child*, если наречие определяет глагол, то оно,

как правило, находится к нему в постпозиции *You are talking* ***cleverly***.

В урду атрибутивные прилагательные обычно предшествуют существительному, которое они определяют: *meetha aam* `сладкий манго`; *perana lal gueher* `старый красный дом` Однако они могут стоять и в постпозиции для придания поэтической окраски высказыванию или для эмфатического выделения определения, выраженного данным прилагательным: *wo admni peson ka bhooka hai* – досл :он человек, жадный до денег – прилагательное *bhooka* `жадный` находится в постпозиции к существительному *admni* `человек`. Наречия обычно предшествуют прилагательному, к которому они относятся: *woh bohat meetha aam khata hai.* Досл.: `Он очень сладкий манго ест`. Если наречие определяет глагол в урду оно находится в препозиции к глаголу:

meyn kebehey behey seguereyṭ neheyn peyon gua `Я никогда не буду курить` где *meyn* `я`, *kebehey behey neheyn* `никогда` *seguereyṭ* `сигарета` *peyon gua* глагол в соответствующей форме.

meyn kebehey kebehar ayk ketab peṛeheta heon `Я иногда читаю книгу`, где *meyn* `я`, *kebehey kebehar* `иногда`, *ayk* числительное `один` *ketab* `книга` *peṛeheta heon* соответсующая глаголная форма.

Как указывалось ранее, синтаксическая структура простого турецкого предложения, несмотря на свою устойчивость, может изменяться, однако это свойство не дает оснований считать предложение с измененным порядком слов его стилистической вариацией, внутри которой применена инверсия для эмоционально-экспрессивного выделения одного из конституентов. Как правило, нарушение порядка слов обусловлено прагматическими установками говорящего в фрейме конкретной коммуникативной ситуации [Göçmen, Şehitoğlu, 1995]. Как в урду и английском, турецкие простые предложения, помимо грамматической основы, так же включают комплементарные единицы – обстоятельства, атрибуты. Выше было указано, что в турецком языке большинство наречий и прилагательных имеют одинаковую форму, следовательно, их местоположение выполняет смыслоразличительную функцию. Сравним: *Ablam yemeği iyi pişiriyor.* `Моя сестра готовит (еду)

хорошо`, *ablam* – подлежащее `моя сестра`, *yemeği* – прямое дополнение `еда`, *iyi* – наречие `хорошо`, являющееся обстоятельством сказуемого *pişiriyor* `готовить`. / *Ablam, sen iyi yemeği pişiriyorsun*. `Сестра, ты готовишь хорошую еду`, где *ablam* – форма обращения, *sen* – подлежащее `ты`, *iyi* – определение `хорошо` к дополнению *yemeği* `еда` и *pişiriyorsun* – глагол `готовить`. Таким образом, одно и то же слово *iyi* в разных позициях несет различную семантико-синтаксическую нагрузку и, тем самым, помогает правильно интерпретировать контекст. В первом примере наречие *iyi* поясняет сказуемое, выполняя функцию обстоятельства. Во втором примере прилагательное *iyi* поясняет дополнение, выполняя функцию атрибута. В зависимости от выполняемой функции комплементарная единица *iyi* занимает либо препозицию в отношении прямого дополнения, либо препозицию в отношении сказуемого. В обоих случаях сохраняется левонаправленное расположение слов.

Следует отметить, что в урду никогда не опускается подлежащее в предложении. Например, *woh car chalata hai – Он водит машину.* Подлежащее *woh* (он) не может быть убрано из фразы без нарушения ее смысловой и синтаксической законченности: *car chalata hai* не будет иметь смысла. Глаголам в литературном урду всегда предшествуют подлежащее и дополнение. Как и в английском языке, подлежащее в урду будет определять форму сказуемого.

В отличие от языка урду в турецком простом предложении возможно *псевдо подлежащее* [Hengrimen, 2000: 280]: допускается опущение подлежащего, выраженного личным местоимением в номинативе *ben* `я`, *sen* `ты`, о `она, она, оно`, *biz* `мы`, *siz* `вы`, *onlar* `они`. Данное замечание равно для различных контекстов и речевых ситуаций. Категории лица и числа определяются по инфлексии глагола-сказуемого: *(Ben) Gidiyor**um**.* `Я иду`. (*Sen) Okula gidiyor mu**sun**?* `Ты идешь в школу?`, то есть инфлексия всегда имеет соответствующую форму лица и числа, по которой легко определяется псевдо подлежащее.

В английском языке не наблюдается простых предложений без подлежащего. Оно может быть коммуникативно выделено при помощи определенных

синтаксических конструкций, помогающих переместить его ближе к финальной, рематически маркированной позиции [Chomsky, 2002]. Это отчетливо видно в структурах с формальными подлежащими *there* и *it*: ***There*** *was a book on the shelf.* ***It****'s his strange behaviour that I couldn't understand.*

Простые предложения в рассматриваемых языках в своем составе всегда имеют глагол, выполняющий функцию сказуемого. Сказуемое является конституентом грамматической основы и может быть простым глагольным или составным именным. Представляется необходимым сравнить особенности порядка слов предложений со сказуемыми обоих видов.

Так, в английском языке предложения с составным именным сказуемым имеют неизменный порядок слов: подлежащее (*day*) – глагол связка (*to be*) – предикатив (*warm*) *The day is warm.* Предикативом может выступать любая часть речи. В урду, если предложение не подвергается влиянию особых условий контекста, обычная последовательность конструкции с составным именным сказуемым будет иметь следующий вид: подлежащее – именная часть (предикатив) – глагол связка: *Tum mere yaar ho*, где *tum* подлежащее `ты`, *mere yaar* - предикатив `мой друг` и *ho* глагол связка (форма глагола `быть`). В качестве предикатива может выступать не только существительное. *Jawab teek hay,* где *jawab* существительное `ответ`, *teek* прилагательное `правильный` и *hay* глагол-связка (быть): *Ответ правильный.* Предикатив, выраженный наречием, представлен в следующем примере: *Ghar samne hay*. *Ghar* – существительное `дом`, *samne* – наречие `напротив` и *hay* линкер `быть`.

Так же, как в урду, в турецком языке, в условиях нейтральной коммуникативной задачи, стандартная структура – предикатив + личное окончание. Личное окончание выполняет функцию глагола-связки, аналогичную глаголу *to be* в английском языке, образуя вместе с предикативом составное именное сказуемое [Meskill, 1970: 60]. Например, *Ben öğretmenim.*, где *ben* подлежащее 'я', *öğretmen* предикатив 'учитель', выраженный существительным, *im* окончание первого лица единственного числа 'есть': 'Я (есть) учитель'. Функцию предикатива, помимо существительного, может выполнять прилагательное: *Sen* ***akıllı****sın.*, где *Sen* подлежащее 'ты', *akıllı*

предикатив ‘умный’, *sın* окончание второго лица единственного числа ‘есть’: ‘Ты (есть) умный’. Пример предложения, в котором предикатив выражен наречной группой: *Sezen ve ben* ***bahçede****yız*., где *Sezen ve ben* подлежащее ‘Сезен и я’, ***bahçede*** предикатив ‘в саду’ (функция обстоятельства места), *ız* окончание первого лица множественного числа: ‘Сезен и я (находимся) в саду’. В турецком простом предложении сказуемое может быть выражено служебными частицами *var, yok,* которые вместе с подлежащим образуют предикатные группы, функционально сходные с составным именным сказуемым [Vural, 1996: 97]: *Bende yeteri kadar* ***un var***. `У меня (есть) достаточно муки`. / *Odayımda bir* ***halı var***. `В моей комнате есть ковер`. / *Odada* ***dolap yok***. `В комнате нет шкафа`. / *Şu* ***dergi*** *bende* ***yok***. `У меня того журнала нет`. Анализ примеров дает основание классифицировать входящие в их структуру сказуемые как номинальные, в отличие от глагольных, в которых сказуемое выражается смысловым глаголом. Предложения сохраняют структуру SOV и коррелируются с английскими вариантами *There is/are, I've got*.

Английские предложения, с простым глагольным сказуемым подчиняются общепринятому в языке порядку слов SVO. Иногда для эмфазы сказуемого может быть использован интенсификатор – вспомогательный глагол, и тогда он будет предшествовать смысловому: *I* ***do*** *know him very well. I* ***did*** *see you in the morning. Please,* ***do*** *sit down.*

Все формы турецкого простого глагольного сказуемого образуются путем агглютинации, когда различные форманты (суффиксы и инфлексии) добавляются к корневой основе глагола. Рассмотрим на примере образования утвердительной формы в настоящем продолженном времени: *çalışmak* = работать – инфинитив. *Çalış* – корневая основа + *Yor* – суффикс настоящего продолженного времени + личное окончание первого лица единственного числа > *çalışıyorum* = я работаю. В предложениях SOV глагольное сказуемое занимает терминальную позицию, что является основной его характеристикой: *Bugün* ***çalışıyrum***. `Сегодня я **работаю**`. / *Her gün sen çok* ***çalışıyorsun***. `Каждый день ты много **работаешь**`. / *Ayten İstanbul'da* ***çalışıyor***. `Айтен в Стамбуле **работает**`. / *Haftada üç gün* ***çalışıyor****uz*. `Мы работаем три дня в неделю`. Но, как отмечалось ранее, в условиях

конверсационного дискурса говорящий может менять порядок слов с целью маркировать то или иное коннотативное значение: ***Gel*** *bana artık!* `**Иди** ко мне уже!` (выражение раздражения, гнева) / *Ne yapıyorsun* ***sen****?* `Что делаешь **ты**?` (выражение удивления, гнева) / ***Niçin*** *bunları alıyoruz* ***biz****?* `**Зачем** это покупаем **мы**? ` (удивление, непонимание). Регулярный порядок слов: *Artık bana* ***gel****!* `Уже ко мне иди!` / ***Sen*** *ne yapıyorun?* `Ты что делаешь?` / ***Biz*** *bunları* ***niçin*** *alıyoruz?* `Мы это зачем покупаем?` Такая синтаксическая инверсия может быть применена как средство эмоциональной выразительности в рамках бытовой коммуникации и в поэтической речи [Göçmen, Şehitoğlu, 1995].

В урду, аналогично турецкому, нейтральным считается порядок слов SOV в предложении, не несущим дополнительной речевой нагрузки. Однако, смещение эмоционального ударения в ту или иную сторону конструкции, может повлечь изменение в следовании компонентов предложения. Так, передвижение отрицательной частицы *nahi* в позицию после глагола делает фразу более выразительной. Ср.: *Mein japane nahi hoon. Mein japane hoon* ***nahi****!*

В английском языке вопросительные предложения требуют инверсии сказуемого. На передний план выдвигается либо вопросительное слово (*why, when, how* и т.д.), либо просто соответствующий вспомогательный глагол. В специальных вопросах вспомогательный глагол следует сразу за вопросительным словом, за исключением вопросов к подлежащему, где инверсия отсутствует и порядок слов аналогичен тому, что используется в утвердительных предложениях: *Do you like it? Why do you like it? Who likes it?* Для английского языка не менее, чем порядок слов, важно интонационное оформление вопросительных предложений. В фрейме бытового диалога допускается опущение вспомогательных глаголов или вопрос может иметь форму эллипса, тогда говорящий интонационно указывает на то, что в высказывании содержится вопрос [Carter, McCarthy, 2006: 534].

Вопросительные конструкции в урду могут строиться с помощью интонации: *ap aneguereyzey beoletai heyn?* `Вы говорите по-английски? ` В построении вопроса участвуют также вопросительные слова, *kab* `когда`, *kahan* `где`, *keysa* `как`, *kiya*

`что`, *kon* `кто`, *keyon* `почему`. Порядок слов, как правило, не меняется с появлением этих слов в предложении, тем не менее, само вопросительное слово обычно находится либо в начальной позиции, либо за подлежащим: рассмотрим следующее: *kia woh school jata hai?* `Он ходит в школу? ` Предложение начинается с вопросительного слова *kia*. Или *woh kiun school jata hai?* `Почему он ходит в школу? ` Вопросительная лексема *kiun* раположена за подлежащим. Возможно и такое следование слов в специальном вопросе: *woh school kiun jata hai*, где вопросительное слово стоит за обстоятельством места. *Woh kab school jata hai?* `Когда он ходит в школу?` *Woh kaisay school jata hai?* `Как он ходит в школу?` *Woh kahan school jata hai?* `Куда он ходит в школу?` Вопросительные слова *kab, kaisay, kahan* стоят сразу после подлежащего *woh* `он`.

Образование вопросительной формы в турецком языке зависит от типа вопроса и глагола. Общие вопросы с составным именным сказуемым строятся с помощью служебной вопросительной частицы ***mi.*** *Güzel* ***mi****yim?* `Я красивая?`/ *Sen doktor* ***mu****sun?* `Ты врач?`/ *Okulda* ***mı****yız?* `Мы в школе?` / *Araban* ***var mı****?* `У тебя есть машина? ` Личные окончания добавляются к служебной вопросительной частице ***mi.*** В специальных вопросах с составным именным сказуемым личные окончания добавляются к вопросительным словам: *Nereden****sin****?* `Откуда ты?` / *Nereli****siniz****?* `Откуда вы родом? `

Общие вопросы с простым глагольным сказуемым строятся с помощью служебной вопросительной частицы ***mi,*** к которой добавляются личные окончания: *Bugün pazara* ***gediyor musun****?* `Ты сегодня на рынок **идешь**?` /*Sen ve Ayten* ***kahvaltı ediyor musunuz****?* `Ты и Айтен **завтракаете**?`/ *Bu kitabı* ***okuyor muyuz****?* `Мы эту книгу **читаем**?` Специальные вопросы с простым глагольным сказуемым формируются с помощью личных окончаний, которые добавляются к основе смыслового глагола после суффикса времени: *Ne* ***yapıyorum****?* `Что я **читаю**?` / *Kiminle* ***yaşıyorsun****?* `С кем ты **живешь**?`/ *Ahmet nerede* ***çalışıyor****?* `Ахмет где **работает**?`/ *Kızlar neden* ***ağlıyorlar****?* `Почему девочки **плачут**?` Структура вопроса с глагольным сказуемым схожа со структурой утвердительного предложения. Аналогично с утвердительными предложениями в вопросах допускается

псевдо подлежащее, если оно выражено личным местоимением. В этом случае лицо и число определяются соответствующей инфлексией сказуемого. В предложениях с регулярным порядком слов вопросительные слова стоят в препозиции к сказуемому; вопросительная частица – в постпозиции. Однако она может быть в постпозиции к любому другому члену предложению, если он подвержен эмфазе. Сравним: *Kitap okuyor* ***musun****?* `Ты **читаешь** книгу?`/ ***Kitap mı*** *okuyorsun*? `**Книгу** читаешь?` / *Beni bekliyor* ***musunuz****?* `Вы меня **ждете**?`/ ***Beni mi*** *bekliyorsunuz*? `**Меня** ждете?` Независимо от местоположения вопросительной частицы порядок слов соответствует линейной структуре SOV. Важно отметить, что несмотря на употребление аналитической вопросительной формы, выраженной служебной частицей *mi*, сохраняется агглютинативный способ образования личных глагольных форм [Göçmen, Şehitoğlu, 1995].

Отрицательные предложения в английском языке строятся при помощи вспомогательного глагола и отрицательной частицы *not*. Порядок слов в них следующий: подлежащее – соответствующий вспомогательный (или модальный глагол) – отрицательная частица *not* – смысловой глагол: *I do* ***not*** *want to answer the question.* Если видовременная глагольная форма требует использования нескольких вспомогательных глаголов, то отрицательная частица ставится после первого из них. *My question has* ***not*** *been answered yet.* В бытийных предложениях частица *not* ставится после формы глагола to be. *He is* ***not*** *at home.*

Следует отметить, что в конструкциях с отрицанием в урду возможна позиция отрицательной частицы как перед глаголом *быть*, (что является нормой), так и после него, что служит эмфазой. Отрицательные маркеры *nahi, na, mat* по умолчанию стоят перед смысловым глаголом, но в некоторых случаях могут следовать за ним. Если в предложении есть вспомогательный глагол, то отрицательная частица может стоять до и после него. Маркер отрицания ставится в постпозиции к глаголу отрицание с целью его эмоционально-экспрессивного выделения, ср.: *mein japane* ***nahi*** *hoon* и *mein japane hoon* ***nahi****!* `Я не японец`. Приведем еще один пример с глагольным сказуемым: *woh school nahi jata hai*, где *woh* `он`, *school* `школа`, *nahi* отрицательная частица `не`, *jata hai* форма глагола `ходить` в

настоящем времени. Маркер отрицания никогда не может стоять перед существительным. В урду, как было сказано ранее, предпочтительнее не опускать подлежащее. Даже в повелительных конструкциях оно будет присутствовать, в отличие от английского языка: *tum pani nah lao* – Do not bring water! – Не приноси воду!

В турецком языке отрицание образуется агглютинативным способом при помощи служебной отрицательной частицы *değil*, к которой добавляется инфлексия лица и числа подлежащего: *Ben güzel* ***değilim***. `Я не красивая`. / *Sen akıllı* ***değilsin***. `Ты не умный`. / *Arkadaşim ve ben evli* ***değiliz***. `Мой друг и я не женаты`. / *Şebnem hanım, hasta değil****siniz***. `Госпожа Шебнем, вы не больны`. Отрицательная форма глагольного сказуемого образуется при помощи суффикса *mı*. Схема сказуемого, выраженного смысловым глаголом (на примере настоящего продолженного времени): корневая основа + отрицательный суффикс + суффикс настоящего времени yor + личное окончание > yapmak → yap → mı → yor → um = *yapmıyorum* я не делаю. *Ben seni sev****mi****yorum*. `Я тебя не люблю`. / *Niçin çorba ye****mi****yorsun*? `Почему ты не ешь суп?` / *Şimdi televizyon seyret****mi****yoruz*. `Мы сейчас не смотрим телевизор`.

Заключение

Анализ обширного эмпирического материала, выбранного для исследования, позволяет сделать следующие выводы. Английский язык характеризуется строгой позициональной принадлежностью членов предложения, зависящей от характера синтаксической конструкции. Это вполне объяснимо превалирующе аналитическим характером языка. Языки урду и турецкий, несмотря на принадлежность к разным языковым семьям, демонстрируют схожесть в возможности варьирования порядка слов в предложении в соответствии с его коммуникативной и стилистической нагрузкой. Все три языка имеют определенную интонационную оформленность высказываний в зависимости от цели высказывания и тема-рематических особенностей, особенно в конверсационном дискурсе.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ синтаксических особенностей построения простых предложений

в английском, турецком и урду имеет большую практическую значимость, так как является еще одним этапом компаративного изучения разных языковых систем. В свете транслингвального подхода к преподаванию языков в современном мире синтаксические особенности каждого языка в отдельности подлежат освоению в процессе обучения иностранным языкам в межкультурной среде.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М.: Азбуковник, 2001. – 623 с.
2. Бхатти Н.В., Фильчакова Е.М. Компаративный анализ порядка слов в ядерных предложениях (на материале турецкого языка и урду). // Материалы II-й Международной научно-практической онлайн-конференции «Большое Евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты» (10 декабря 2020 года). – М.: Изд-во МГОУ, 2021. – с. 8-15
3. Дащенко Г.М. Учебник языка урду. Часть 1. – Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 388 с.
4. Дегтярева Е. А. Инверсия в англоязычном юридическом тексте / Е. А. Дегтярева // Вопросы прикладной лингвистики. – 2023. – № 50. – С. 7-27. – DOI 10.25076/vpl.50.01. – EDN GCUTPW.
5. Злобина И.С. Экспрессивная функция порядка слов в современном английском языке // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. - 2013. - N 2(2). - С. 58-61.
6. Кобрина Н.А. ПОРЯДОК СЛОВ В АНГЛИЙСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ / Н.А. Кобрина // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2006. - № 2. - С. 75-83.
7. Мендельсон, В.А. Порядок слов в предложении в английском и русском языках // Проблемы типологии языка. - Казань, 2004. - Ч. 1. - С. 72-81.
8. Щека Ю.В. Турецкая разговорная речь: Учеб. пособие для студентов ст. курсов. – МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Изд-во МГУ, 1989. - 155 с.
9. Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006. – 973 p.
10. Chomsky, Noam. *Syntactic Structures*, 1957; rev. ed, Walter de Gruyter, 2002.
11. Hengrimen M. Yabacılar İçin Türkçe Dilbilgisi. – Ankara: Engin Publication. – 2000. – 359 c.

12. Meskill R.H. A Transformational Analysis of Turkish Syntax. – USA: Mouton. – 1970. – 77 c.
13. Popper, K., 2004, Conjectures and refutations: the growth of scientific knowledge, Routledge. - 2005, The Logic of Scientific Discovery, Taylor & Francis e-Library
14. Vural G. Türkçe'ye Doğru. – Istanbul Sürat Basım Yayın. – 1996. – 152 c.
15. Göçmen E., Şehitoğlu O. An Outlook of Turkish Syntax. – 1995. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/2483549_An_Outline_of_Turkish_Syntax (Дата обращения: 24.01.2022)

References

1. Baranov A.N., Dobrovol'sky D.O. Anglo-russkiy slovar' po lingvistike i semiotike. [English-Russian dictionary of Linguistics and Semiotics]. M.: Azbukovnik, 2001. – 623 p.
2. Bhatti N.V., Filchakova E.M. Komparativniy analiz poryadka slov v yadernih predlozheniyah (na materiale turetskogo yazika i urdu). [Comparative analysis of word order in nuclear proposals (in Turkish language and Urdu)]. // Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy online-konferentsiyi "Bolshoye Evraziyskoye partnyorstvo: lingvisticheskiye, politicheskiye i pedagogicheskiye aspekty" (10 dekadrya 2020 goda). M.: IUU MGOU, 2021. – p. 8-15
3. Dashchenko G.M. Uchebnik yazika urdu. Chast' 1. [Urdu language text-book]. M.: IUU MGU, 2003. – 388 p.
4. Degtyareva, Ye. A. Inversiya v russkoyazychnom yuridicheskom tekste [Inversion in the English legal text] / Ye. A. Degtyareva // Voprosy prikladnoy lingvistiki. – 2023. – № 50. – S. 7-27. – DOI 10.25076/vpl.50.01. – EDN GCUTPW.
5. Zlobina I.S. Ekspressivnaya funktsiya poryadka slov v sovremennom angliyskom yazike. [Expressive function of word order in modern English language]. // Vestn. Vyat. gos. gum. un-ta. – 2013. – N 2(2). – p.58-61
6. Kobrina N.A. Poryadok slov v angliyskom predlozheniyi. [Word order in an English sentence]. // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. – 2006. – N 2. – p. 75-83
7. Mendel'son V.A. Poryadok slov v angliyskom i russkom yazikah. [Word order in English and Russian languages]. // Problemy tipologiyi yazika. – Kazan', 2004. – Ch. 1. – p. 72-81

8. Shcheka Yu.V. Turetskaya razgovornaya rech': uchebnoye posobiye dlya studentov st. kursov. [Turkish spoken language: tutorial for senior students]. – M.: IUU MGU, Institut stran Asiyi i Afriki, 1989. – 155 p.
9. Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006. – 973 p.
10. Chomsky, Noam. Syntactic Structures, 1957; rev. ed, Walter de Gruyter, 2002.
11. Hengrimen M. Yabacılar İçin Türkçe Dilbilgisi. [Turkish grammar for foreign students]. – Ankara: Engin Publication. – 2000. – 359 c.
12. Meskill R.H. A Transformational Analysis of Turkish Syntax. – USA: Mouton. – 1970. – 77 c.
13. Popper, K., 2004, Conjectures and refutations: the growth of scientific knowledge, Routledge. - 2005, The Logic of Scientific Discovery, Taylor & Francis e-Library
14. Vural G. Türkçe'ye Doğru. [Towards Turkish]. – Istanbul Sürat Basım Yayın. – 1996. – 152 c.
15. Göçmen E., Şehitoğlu O. An Outlook of Turkish Syntax. – 1995. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/2483549_An_Outline_of_Turkish_Syntax (дата обращения: 24.01.2022)

Статья поступила в редакцию 16.05.2023
Статья одобрена после рецензирования 30.08.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81

Леонтович Ольга Александровна
Olga Leontovich

Возрастная маркированность коммуникации людей старшего поколения

Age-Specific Communication of Older People

Аннотация. *Цель статьи – выявить особенности коммуникации людей старшего возраста (от 60 лет) и проанализировать их по следующим параметрам: 1) использование языка; 2) предпочитаемые темы общения; 4) коммуникативные и поведенческие стратегии; 4) способы и средства адаптации к людям пожилого и старческого возраста. Актуальность исследования определяется необходимостью достижения взаимопонимания между представителями разных поколений и динамикой восприятия возраста, связанной с социальными процессами в России и за рубежом. В качестве материала исследования выступают живая речь, данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), цитаты, афоризмы и результаты проведенного опроса. Анализ показывает, что понятие возраста относительно; его периодизация представляет сложность и пересматривается со временем. Сегодня динамика восприятия старшего возраста направлена в сторону увеличения его нижней границы. Коммуникация людей пожилого возраста (60—75 лет) не имеет существенных отличий от общения людей среднего поколения. В преклонном (75—90 лет) и старческом (старше 90 лет) возрасте возникают отклонения от усредненных коммуникативных норм на уровне фонетики, лексики, синтаксиса и коммуникативных стратегий, выступающие в качестве возрастных маркеров общения. Для облегчения коммуникации со старшим поколением необходимо применять приемы адаптации, а именно: использовать понятную лексику, упрощенные синтаксические конструкции, паралингвистические средства, нацеленные на преодоление проблем со слухом и зрением, тактильный контакт и специфические коммуникативные стратегии.*

Abstract. *The article aims to identify communication markers in the speech of older people and analyze them according to the following parameters: 1) language features; 2) preferred topics; 4) communicative and behavioral strategies; 4) ways and means of adaptation to people of elderly and senile age. The relevance of the study is determined by the need to achieve mutual understanding between representatives of different generations and the dynamics of age perception associated with social processes in Russia and abroad. The investigation proceeds from the analysis of oral speech, data from the National Corpus of the Russian Language, quotations, aphorisms, and results of a survey. The study shows that the concept of age is relative; its periodization is complex and revised over time. Today, the dynamics of older age perception is directed towards increasing its lower limit. The communication of elderly people (60-75 years old) does not differ significantly from the communication of middle-aged people. In advanced (75–90 years) and senile (over 90 years) age, deviations from the average communicative norms occur at the levels of phonetics, vocabulary, syntax, and communicative strategies, which act as age markers of communication. To facilitate communication with the older generation, it is necessary to employ adaptation techniques, such as the use of simplified*

vocabulary and syntactic constructions, paralinguistic means aimed at overcoming problems with hearing and vision, tactile contact and specific communication strategies.

***Ключевые слова**: возрастные маркеры, коммуникация, люди старшего возраста, языковые особенности, коммуникативные стратегии, адаптация*

***Keywords**: age markers, communication, older people, language features, communication strategies, adaptation*

Введение

Возраст является неотъемлемым аспектом личностной идентичности и накладывает отпечаток на все формы человеческого общения. Фонетические, лексические, синтаксические особенности речи, коммуникативные стратегии и используемые в речи прецедентные высказывания выступают в качестве маркеров, отличающих людей разных возрастов. Цель данной статьи – выявить специфические черты коммуникации людей старшего возраста (от 60 лет) и проанализировать их по следующим параметрам: 1) языковые особенности; 2) предпочитаемые темы общения; 4) коммуникативные и поведенческие стратегии; 4) способы и средства адаптации к людям старшего возраста.

Исследование носит междисциплинарный характер и находится на стыке теории коммуникации, социо- и психолингвистики, с использованием данных психологии, педагогики, социологии и других смежных дисциплин. Актуальность исследования определяется: 1) необходимостью достижения взаимопонимания между представителями разных поколений; 2) динамикой восприятия возраста, связанной с социальными процессами в России и за рубежом; 3) пенсионной реформой в России, требующей обновления дискурса о продлении периода активной деятельности людей старшего поколения.

В качестве материала исследования выступают живая речь, данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), цитаты и афоризмы, а также результаты проведенного нами опроса, в котором приняли участие 125 человек, распределившиеся по возрасту следующим образом: 15 – 20 лет (32 человека), 21 – 30 лет (28 человек), 31 – 40 лет (20 человек), 41 – 50 лет (19 человек), 51 – 60 лет (6 человек), 61 – 70 лет (19 человек), старше 70 (1 человек). Респондентам было предложено:

1) обозначить границы разных возрастов (подростковый возраст, молодость, старость); 2) написать по три вербальных ассоциации с каждым из этих возрастов; 3) привести примеры сленга своего поколения; 4) написать свои любимые фразы из книг, песен, фильмов и т. д. Люди старше 75 лет нами не опрашивались, что можно считать перспективой дальнейшего исследования. Результаты опроса будут описаны ниже, в соответствующих разделах статьи.

Концептуализация возраста

Осмысление возраста важно для лингвистического анализа данного феномена и его толкования. Античных философов в эллинистический период интересовала связь возраста с такими понятиями как зрелость, смерть, расцвет человеческой жизни и угасание, а также формирование совершенного человека. С. А. Лишаев [Лишаев, 2022] указывает на то, что старость интересовала древних ученых больше других возрастов; в частности, «единственным трактатом о возрасте, написанным Цицероном, был трактат “О старости”». Это объясняется тем, что «древние, рассматривавшие человека как одушевленное и умное тело, испытывали затруднения относительно временной локализации зрелости». Проблема заключается в расхождении сроков достижения физической, умственной и эмоциональной зрелости. В связи с этим Платон и Аристотель полагали, что достижение полной зрелости наступает ближе к старости (от 50 до 60-65 лет), когда тело еще сохраняет силы, а разум достигает своего максимального развития [Лишаев, 2022]. В Средние века христианские богословы писали о мудрости старцев, которые ближе всего к Богу: «плотские влечения, как и искушения духовного порядка (гордость, тщеславие), с обветшанием плоти и приближением смерти ослабевают» [Лишаев, 2022].

К классическим психолого-педагогическим трудам, посвященным возрасту, относятся работы Л. С. Выготского [1982—1984], Ж. Пиаже [1994], Ж.-Ж. Руссо [1981], З. Фрейда [1990; 1998], К.-Г. Юнга [2001] и др. В настоящее время появляются исследования, посвященные рассмотрению старшего возраста с позиций философии [Философия старости… 2002; Рыбакова 2016; Лишаев 2018], психологии [Глуханюк,

Гершкович, 2003; Мелехин, Сергиенко 2015]; социологии [Сизова, 2018; Микляева, 2009; 2018], лингвистики [Борисова 2002; Стернин 2013]. Западные специалисты в области теории коммуникации уделяют большое внимание процессам старения (*aging*) [Harwood; La Tourette, Meeks, 2000; Nussbaum, Coupland, 2004]. Однако тема далеко не исчерпана и сопряжена с целым рядом проблем, требующих своего разрешения.

Периодизация возраста – это в высшей степени сложная задача. Уже немало было написано о том, что в разные эпохи восприятие старшего возраста имело свою специфику. Так, А. С. Пушкин называет старушкой мать Татьяны Лариной *(«Как быть? Татьяна не дитя», – старушка молвила кряхтя*), однако по подсчетам специалистов на момент действия романа ей должно быть лет 35–38. Л. Н. Толстой писал о «старой графине Ростовой», которая вздыхает и кряхтит или, «трясясь всем телом», смеется «старушечьим смехом», хотя ей еще нет пятидесяти лет.

В быту восприятие границ возрастов, в том числе старшего возраста, неоднозначно. Респонденты, участвовавшие в нашем опросе, указали следующую нижнюю границу старости: 45 лет (4% опрошенных), 50 лет (12%), 60 лет (48%), 65 лет (16%), 70 лет (12%), 75 лет (3,2%), 80 лет (4%), 85 (0,8%). Опрос подтвердил общую тенденцию – с возрастом люди отодвигают границу старости – именно такое соотношение показал возраст наших респондентов (молодежь называла меньший возраст, нежели старшие участники опроса).

В современном обществе в целом динамика восприятия старшего возраста направлена в сторону увеличения его нижней границы. Всемирная организация здравоохранения регулярно пересматривает периодизацию возрастов и в настоящее время делит старость на три этапа: 60—75 лет — пожилой возраст, ранняя старость; 75—90 лет — преклонный возраст, поздняя старость; старше 90 лет — старческий возраст, долгожительство. Критериями деления является ряд физиологических и психологических факторов, которые, соответственно, влияют и на характер общения на каждом из обозначенных этапов. Если в период ранней старости характер коммуникации приближен к общению людей среднего возраста, то в преклонном и старческом возрасте начинаются отклонения, более ярко

маркирующие коммуникацию. При этом необходимо иметь в виду, что на восприятие возраста и коммуникативное поведение людей старшего возраста также влияют другие коммуникативные переменные: гендер, социальный статус, уровень образования, профессия, этническая принадлежность, состояние здоровья, образ жизни и т. д.

Вербализация возраста

Само слово «возраст» в значительной степени ассоциируется со зрелостью и старостью, например: *С* возрастом *мы становимся сентиментальнее. 50 лет для этой профессии не* возраст. *В ее возрасте влюбляться уже неприлично. Будучи сильно в возрасте… Новости по телевизору сейчас смотрят только люди в возрасте*. Также слово *возрастной* используется как эвфемизм для обозначения пожилых людей (*возрастная дама*).

От способов вербализации старшего возраста в значительной степени зависит отношение к пожилым людям в социуме. Не слишком корректно звучат такие официальные термины как *пенсия по старости* и *возраст дожития* (ожидаемый период выплаты накопительной пенсии). В качестве аналогичного американского примера можно привести не очень удачный, но считающийся политически корректным термин *survivor*, обозначающий вдову / вдовца. Стереотипизация характерна и для языка художественной литературы: *дряхлая старуха, дряхлеющий шамкающий юбиляр.*

Приводимая ниже таблица показывает ассоциации со словом «старость», данные участниками нашего опроса. Включены лишь ассоциации, предъявленные более одного раза. Сходные ассоциации сгруппированы и расположены в порядке убывания частотности упоминания.

Таблица 1. Ассоциации со словом «старость»

Ассоциация (количество упоминаний)	**Суммарное количество упоминаний**
покой / спокойствие 26, отдых 11	37
болезни 14, слабость 8,	32

усталость 3, беспомощность 2, угасание 2	
мудрость 12, опыт 7	19
печаль 3, грусть 2, (старость) не в радость 2, скука 2, страх 2, рутина 1, апатия 1, отчаяние 1, безысходность 1	15
пенсия	13
путешествия	8
одиночество	6
внуки	5
семья	5
забота	4
ностальгия / воспоминания	3
бедность / безденежье	2
смерть	2
уют	2
увлечения	2
пироги / пирожки	2

Обратим внимание на то, что превалируют отрицательные ассоциации; *болезни, слабость, усталость, беспомощность, угасание, печаль, грусть, (старость) не в радость, скука, страх, рутина, апатия, отчаяние, безысходность*, *смерть,* что перекликается с мыслью И. А. Стернина об интолерантном отношении к старости и старению [Стернин, 2013: 6]. Среди однократно упомянутых ассоциаций (не включенных в таблицу) также присутствуют словосочетания с отрицательной оценочностью: *лекарства, палочка для ходьбы, поход по больницам*. В качестве занятий, соотносимых со старостью, респонденты обозначили ограниченный набор видов деятельности: *дача, пирожки, закрутки, огород, вязание*. Однако обратим внимание на то, что достаточно высокое место в таблице занимают ассоциации *покой/спокойствие*, *отдых* (37 упоминаний) и *путешествия* (8 упоминаний), которые в основном присутствовали в ответах респондентов в возрасте 60 лет и старше. Это свидетельствует о

том, что в настоящее время для людей этой возрастной группы ассоциации со старостью меняются на нейтральные и положительные, что можно объяснить происходящими в обществе изменениями: увеличением продолжительности жизни, улучшением бытовых условий, большей активностью старшего поколения.

Особенности коммуникации людей старшего возраста

Как мы указали выше, коммуникация людей в возрасте ранней старости (60 – 75 лет) не слишком отличается от общения людей среднего возраста: голос, темп речи, коммуникативные стратегии не имеют яркой маркированности; лексика и синтаксические конструкции скорее зависят от других факторов (уровень образования, профессия, круг интересов и т. д.).

Существует распространенный миф о том, что, в отличие от молодежи, люди старшего возраста не употребляют сленг. Это не соответствует действительности, что подтверждается результатами нашего опроса. Респонденты в возрасте 60 лет и старше привели следующие примеры используемого ими сленга своего поколения: *клёвый, крутой, слямзить, слабо, закидон, класс, чувак / чувиха, халява, бабло, предки, совок, тормоз, прикольно.*

Прецедентные феномены, также выявленные в результате опроса, показали, что любимые фразы и афоризмы, используемые данной возрастной группой, в основном происходят из отечественной и зарубежной литературной, кинематографической и песенной классики, включая советскую: *Подумаю об этом завтра. А, знаешь, все еще будет. Сучка крашена! Заметьте, не я это предложил! А вас я попрошу остаться. Надо, Федя, надо! За державу обидно. Ребята, давайте жить дружно! С любимыми не расставайтесь* и т. д. Обратим внимание на то, что многие из этих фраз также встречались в ответах респондентов из других возрастных групп, включая младшую (15–20 лет), в то время как прецедентные тексты младшего поколения (главным образом из фильмов «Человек-паук», «Гарри Поттер», «Пираты Карибского моря», «Властелин колец», «Триггер» и др., а также современных песен), старшим поколением не упоминались, что потенциально может стать помехой в межпоколенной коммуникации.

Если люди в возрасте 60–75 лет еще не испытывают проблем в общении, то в преклонном и старческом возрасте начинаются отклонения от усредненных коммуникативных норм. Медики отмечают слабость голоса, легкую хрипоту и надтреснутость звучания, придыхание и осиплость. И. А. Стернин, обозначающий коммуникацию людей этого возраста термином «геронтное общение», указывает на замедленный темп речи, преобладание фатической коммуникации, ее объем (старые люди не любят короткого общения, но устают от длительного). Он также приводит часто используемые ими фразы, например: *Раньше был порядок… Нынешняя молодежь… Что хотят, то и делают… А вот в наше время*… [Стернин, 2013: 11–12].

К предпочитаемым темам общения относятся: воспоминания о былом, сравнение современной жизни с прошлой (*Раньше было лучше*), политические проблемы, болезни и медицина, цены на продукты, дела родственников, в особенности внуков и правнуков, общие знакомые.

Коммуникативные и поведенческие стратегии связаны с психологическими особенностями людей преклонного и старческого возраста, такими как консервативность, придирчивость, несговорчивость, обидчивость, излишняя капризность, своеобразное ощущение времени, забывчивость, тревожность, иногда агрессивность. В связи с сужением круга общения и отходом от работы сокращается и количество используемых речевых жанров. Главное место занимают повествования о прошлом (во многих случаях повторяемые многократно), советы, поучения, наставления, жалобы, упреки, а также праздноречевые жанры. Характерными коммуникативными особенностями являются повторы одной и той же информации, отклонения от темы разговора, незнание современных реалий, опора на старое восприятие в изменившемся контексте, узкий круг обсуждаемых тем.

Способы и средства коммуникативной адаптации к людям старшего возраста

Описанные выше особенности коммуникации людей преклонного и старческого возраста создают трудности в общении, на которые, в частности, указывает И. А. Стернин

[Стернин, 2013: 16–17]. Для их преодоления необходимо использовать приемы адаптации которые, с точки зрения М. С. Соколовой, сводятся к следующему: обращение на «вы» и по «имени-отчеству»; употребление таких лексем как, например, *бабушка / бабуля*; предпочтение простого и доступного для восприятия языка; лаконичность изложения; преувеличенное интонирование; громкая и замедленная речь; рефлексивное или нерефлексивное выслушивание; использование поведенческих паттернов, направленных на проявление уважения к возрасту и т. д.) [Соколова, 2019: 187 – 188].

Следует, однако, иметь в виду, что чрезмерная адаптация может иметь противоположный эффект: *«Что вы со мной так разговариваете? Я старая, но не глупая». «Что вы кричите? Я вас хорошо слышу».*

Более молодым собеседникам не рекомендуется общаться с пожилыми людьми свысока («*Мама, ну что ты такое говоришь?!». «Когда ты, наконец, научишься пользоваться сотовым телефоном?»*), поучать их («*Я тебе уже сколько раз говорила: не бери эту чашку!». «Нечего слушать всякую ерунду по телевизору!»*), разговаривать с ними, как с маленькими детьми («*Садитесь на этот стульчик, сейчас пострижем вам волосики»*), раздражаться, спорить, а также пытаться их обманывать. Следует проявлять терпение и дать старикам возможность выговориться, даже если они в который раз повторяют одно и то же. Психологи указывают на то, что можно использовать в разговоре шутки, но при условии, что у пожилых собеседников сохраняется чувство юмора.

Использование невербалики также имеет свою специфику. Сложности в общении могут возникать из-за проблем со слухом и зрением, затрудняющими обратную связь. Рекомендуется говорить четко, хорошо артикулировать звуки, использовать прикосновения, выражающие любовь, тепло и внимание. Важно также по возможности вовлекать людей старшего возраста в различные виды деятельности, в частности семейные праздники, оздоровительные, образовательные и творческие мероприятия, организовывать их культурный досуг.

Заключение

Проведенный в статье анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Понятие возраста относительно, в связи с чем его периодизация представляет сложность и пересматривается со временем. Сегодня динамика восприятия старшего возраста направлена в сторону увеличения его нижней границы.

2. Коммуникация людей пожилого возраста (60—75 лет) не имеет существенных отличий от общения людей среднего возраста. В настоящее время для людей этой возрастной группы ассоциации со старостью меняются на нейтральные и положительные, что можно объяснить происходящими в обществе изменениями: увеличением продолжительности жизни, улучшением бытовых условий, большей активностью старшего поколения.

3. В преклонном (75—90 лет) и старческом (старше 90 лет) возрасте возникают отклонения от усредненных коммуникативных норм на уровне фонетики, лексики, синтаксиса и коммуникативных стратегий, выступающие в качестве возрастных маркеров общения.

4. Для облегчения общения со старшим поколением необходимо использовать приемы адаптации, которые сводятся к использованию понятной лексики, упрощенных синтаксических конструкций, паралингвистических средств, нацеленных на преодоление проблем со слухом и зрением, тактильного контакта и специфических коммуникативных стратегий.

М. С. Соколова справедливо указывает, что сложности в межвозрастном общении обусловлены когнитивными, ментальными и языковыми различиями между коммуникантами и «могут быть компенсированы с помощью межвозрастной адаптации, цель которой – достижение оптимальной степени психологической и социолингвистической близости» [Соколова 2019: 188]. Содержащийся в данной статье анализ затрагивает лишь некоторые стороны возрастной маркированности коммуникации. Перспективы исследования заключаются в рассмотрении языковых средств стереотипизации людей старшего возраста, оказывающих влияние на их восприятие; более детальном изучении вербальных особенностей и коммуникативных стратегий представителей старшего

поколения; норм политической корректности и способов преодоления эйджизма в российском языковом сообществе.

Литература

1. Борисова Е.Г. Язык поколений. Как говорят пожилые // Вестник МГПУ, 2022. – №3 (47). С. 64 – 71.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Гл. ред. А. В. Запорожец. — М.: Педагогика, 1982—1984.
3. Глуханюк Н.С., Гершкович Т.Б. Поздний возраст и стратегии его освоения. -Изд.2, дополн. - М., Московский психолого-социальный институт, 2003. 112 с.
4. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. П.—М.: Педагогика, 1983.—320 с.
5. Лишаев С. А. Философия возраста (Возраст и время) // Изд-во Алтейя, 2022. - 512 с.
6. Лишаев С. А. К феноменологии старости // Диагностика современности: глобальные вызовы – индивидуальные ответы: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Ю. А. Разинов. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. – С. 96-105.
7. Мелёхин А. М. Сергиенко Е. А. Субъективный возраст как предиктор жизнедеятельности в поздних возрастах // Современная зарубежная психология. - 2015.- № 3. - С. 6 - 14.
8. Микляева А. В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. Монография. - СПб.: Речь, 2009. - 160 с.
9. Микляева А. В. Инфантилизация пожилых людей в повседневном взаимодействии: к постановке проблемы // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – С. 109 – 124.
10. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Сост., новая ред. пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. - М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 526 с.
11. Романов А.Ю. Межпоколенческая коммуникация. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
12. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в двух томах / сост. А. Н. Джуринский; под ред. [и с предисл.] Г. Н. Джибладзе. – М.: Педагогика, 1981. 988 с.
13. Рыбакова Н. А. Проблема старости в европейской философии: от античности до современности. СПб.: Алтейя, 2016. 288 с.
14. Соколова М. С. Адаптация к собеседнику // Позитивная коммуникация: кол. монография / под общ. ред. проф. О. А. Леонтович. – Москва: Гнозис, 2019. – С. 142 – 210.

15. Стернин И. А. Общение со старшим поколением. Изд.4, испр. - Воронеж: «Истоки», 2013. - 24 с.
16. Философия старости: геронтософия. Серия “Symposium”, Философия старости: геронтософия. Выпуск 24 / Сборник материалов конференции Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. 115 С.
17. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения; Я и Оно; Неудовлетворенность культурой /– Санкт-. Петербург: Алетейя, 1998. – 252 с.
18. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост, науч. ред,, авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский.— М.: Просвещение» 1990.— 448 с.
19. Юнг К.-Г. Жизненный рубеж // Психология возрастных кризисов: хрестоматия / сост. К.В. Сельченок. – Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2001. – С. 455-475.
20. Harwood J. Age Identity and Communication. [Электронный ресурс] URL: http://www.u.arizona.edu/~jharwood/pdf/int%20encyc%20of%20comm%20age%20identity%20entry.pdf (дата обращения 05.03.2023).
21. Keaton S. A., Giles H. Subjective Health: The Roles of Communication, Language, Aging, Stereotypes, and Culture // Journal of Society, Culture & Language. – 2016. – 4 (2). – 1 – 11.
22. La Tourette T., Meeks S. Perceptions of patronizing speech by older women in nursing homes and in the community. – Journal of Language and Social Psychology, 2000. – P. 463–473.
23. Nussbaum J. F. & Coupland J. (Eds.). Handbook of communication and aging research. Routledge, 2004. 624 p.

References

1. Borisova Ye.G. YAzyk pokoleniy. Kak govoryat pozhilyye [The language of generations. As the elderly say]// Vestnik MGPU, 2022. – №3 (47). S. 64 – 71.
2. Vygotskiy L. S. Sobraniye sochineniy: v 6 t. [Collected works: in 6 volumes]/ Gl. red. A. V. Zaporozhets. — M.: Pedagogika, 1982—1984.
3. Glukhanyuk N.S., Gershkovich T.B. Pozdniy vozrast i strategii yego osvoyeniya [Late age and strategies for its development]. -Izd.2, dopoln. - M., Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut, 2003. 112 s.
4. Leont'yev A. N. Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya [Selected psychological works]: V 2-kh t. T. P.—M.: Pedagogika, 1983.—320 s.
5. Lishayev S. A. Filosofiya vozrasta (Vozrast i vremya) [Philosophy of age (Age and time)]// Izd-vo Alteyya, 2022. - 512 s.

6. Lishayev S. A. K fenomenologii starosti [On the phenomenology of old age]// Diagnostika sovremennosti: global'nyye vyzovy – individual'nyye otvety: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem / otv. red. YU. A. Razinov. – Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2018. – S. 96-105.
7. Melokhin A. M. Sergiyenko Ye. A. Sub"yektivnyy vozrast kak prediktor zhiznedeyatel'nosti v pozdnikh vozrastakh [Subjective age as a predictor of life activity in later ages]// Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. - 2015.- № 3. - S. 6 - 14.
8. Miklyayeva A. V. Vozrastnaya diskriminatsiya kak sotsial'no-psikhologicheskiy fenomen [Age discrimination as a socio-psychological phenomenon]. Monografiya. - SPb.: Rech', 2009. - 160 s.
9. Miklyayeva A. V. Infantilizatsiya pozhilykh lyudey v povsednevnom vzaimodeystvii: k postanovke problem [Infantilization of older people in everyday interaction: towards the formulation of the problem]// Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki. – 2018. – S. 109 – 124.
10. Piazhe ZH. Rech' i myshleniye rebenka [Speech and thinking of a child]/ Sost., novaya red. per. s fr., komment. Val. A. Lukova, Vl. A. Lukova. - M.: Pedagogika-Press, 1994. – 526 s.
11. Romanov A.YU. Mezhpokolencheskaya kommunikatsiya [Intergenerational communication]. – M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2009. – 256 s.
12. Russo ZH.-ZH. Pedagogicheskiye sochineniya: v dvukh tomakh [Pedagogical works: in two volumes]/ sost. A. N. Dzhurinskiy; pod red. [i s predisl.] G. N. Dzhibladze. – M.: Pedagogika, 1981. 988 s.
13. Rybakova N. A. Problema starosti v yevropeyskoy filosofii: ot antichnosti do sovremennosti [The problem of old age in European philosophy: from antiquity to modernity]. SPb.: Alteyya, 2016. 288 s.
14. Sokolova M. S. Adaptatsiya k sobesedniku [Adaptation to the interlocutor]// Pozitivnaya kommunikatsiya: kol. monografiya / pod obshch. red. prof. O. A. Leontovich. – Moskva: Gnozis, 2019. – S. 142 – 210.
15. Sternin I. A. Obshcheniye so starshim pokoleniyem [Communication with the older generation]. Izd.4, ispr. - Voronezh: «Istoki», 2013. - 24 s.
16. Filosofiya starosti: gerontosofiya [Philosophy of old age: gerontosophy]. Seriya “Symposium”, Filosofiya starosti: gerontosofiya. Vypusk 24 / Sbornik materialov konferentsii Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2002. 115 C.
17. Freyd 3. Po tu storonu printsipa naslazhdeniya; YA i Ono [Beyond the pleasure principle; I and It; Dissatisfaction with culture]; Neudovletvorennost' kul'turoy /– Sankt-. Peterburg: Aleteyya, 1998. –

252 s.
18. Freyd 3. Psikhologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]: Sb. proizvedeniy / Sost, nauch. red, avt. vstup. st. M. G. Yaroshevskiy. — M.: Prosveshcheniye» 1990.— 448 s.
19. Yung K.-G. Zhiznennyy rubezh [Life milestone] // Psikhologiya vozrastnykh krizisov: khrestomatiya / sost. K.V. Sel'chenok. – Minsk: Kharvest; Moskva: AST, 2001. – S. 455-475.
20. Harwood J. Age Identity and Communication. [Электронный ресурс] URL: http://www.u.arizona.edu/~jharwood/pdf/int%20encyc%20of%20comm%20age%20identity%20entry.pdf (дата обращения 05.03.2023).
21. Keaton S. A., Giles H. Subjective Health: The Roles of Communication, Language, Aging, Stereotypes, and Culture // Journal of Society, Culture & Language. – 2016. – 4 (2). – 1 – 11.
22. La Tourette T., Meeks S. Perceptions of patronizing speech by older women in nursing homes and in the community. – Journal of Language and Social Psychology, 2000. – P. 463–473.
23. Nussbaum J. F. & Coupland J. (Eds.). Handbook of communication and aging research. Routledge, 2004. 624 p.

Статья поступила в редакцию 29.04.2023
Статья одобрена после рецензирования 06.09.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

УДК 81

Лунькова Лариса Николаевна
Larisa Lunkova

Пресуппозиции как общий когнитивный фонд коммуникантов

Presuppositions as a Common Cognitive Fund of Communicants

Аннотация. *Статья представляет собой обсуждение природы и концепций теории пресуппозиции, предлагает обзор исторических предпосылок и достижений гуманитарных наук XX века в связи с развитием когнитивных подходов к процессам понимания и декодирования человеческой речи. В работе дается комментарий относительно значения феномена пресуппозиции с точки зрения коммуникации.*

Abstract. *The piece is a discussion of the nature and function of the presupposition phenomenon. It's an overview of historical events and the humanities achievements which caused a great cognitive interest to the processes of human speech understanding and decoding. A special commentary is suggested on the significance of presupposition in terms of the theory of communication.*

Ключевые слова: *контекст, пресуппозиция, коммуникация*

Keywords: *context, presupposition, communication*

Введение

Процесс понимания, будучи частью коммуникации, привлекает в поле зрения когнитивной лингвистики ряд разнообразных субъективных экстралингвистических факторов и условий, влияющих на его эффективность. С точки зрения получателя внутритекстовая информация может приобретать множественные интерпретации в зависимости от микро- и макроконтекстов, в этой связи в лингвистический обиход вводится понятие пресуппозиции.

Философия и лингвистическая семантика о пресуппозиции

Сам термин пресуппозиция принадлежит области лингвистической семантики и обозначает компонент смысла предложения, «который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте».[1]

[1] Большой Энциклопедический Словарь. Языкознание. Гл.ред. В.Н.Ярцева. - 2-е (репринтное) издание "Лингвистического энциклопедического словаря" 1990 года. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С.396

Неформальное понимание пресуппозиции имеет своим источником осознание того факта, что существуют предложения, анализ которых обнаруживает наличие двух одновременных сообщений при сохранении неделимости формы. Наблюдается различие между тем, что в предложении *излагается* и тем, что *предполагается* [Филлмор, 1988: 82]. Согласно более широким определениям пресуппозиции – это «информация, которая в повседневном общении воспринимается как само собой разумеющееся» [Crystal, 2000: 241]. (Пер. наш – *Л.Л.*)

Поскольку термин обязан своим возникновением философской логике, то напрямую будет связан с а-модальностями. Здесь пресуппозиция – это «семантический компонент предложения, который должен быть истинным, чтобы предложение в данной ситуации имело истинное значение, т.е. было либо истинным, либо ложным». [1] В литературе по лингвистике и философии языка второй половины XX в. развернулась дискуссия относительно интерпретации феномена пресуппозиции. В центре внимания оказались вопросы о том, возможно ли достаточно точное определение понятия пресуппозиции, каковы источники пресуппозиций – слова, предложения, высказывания или сами коммуниканты, должна ли анализироваться пресуппозиция с точки зрения прагматики или семантики, зависит ли природа пресуппозиций от грамматического и коммуникационного типа предложений и др.

И в современной лингвистике почти все, что касается понятия пресуппозиции, является дискуссионным, в том числе сами механизмы актуализации пресуппозиций: в их роли могут выступать поверхностные структуры или языковые средства, из которых происходят пресупозиции [Товмасян, 2008: 49]. В науке о языке, как известно, различают семантические и прагматические пресуппозиции. Сторонники семантических пресуппозициональных теорий утверждают, что пресуппозиции выводятся из конвенциональной структуры предложения и истинностных значений. Все семантические теории, по

[1] Большой Энциклопедический Словарь. Языкознание / Гл.ред. В.Н.Ярцева. - 2-е (репринтное) издание "Лингвистического энциклопедического словаря" 1990года. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С.396

утверждению Ч. Филлмора, можно разделить на те, которые основываются на *понимании* языка в широком смысле и семантические теории, в основе которых лежат суждения об *истинности*. Согласно такому разделению, предлагается говорить о так называемых *П-семантике* и *И-семантике*, соответственно [Филлмор, 1988: 52].

В задачи П-семантики входит разработка общего представления об отношениях между языковыми текстами, процессам и результатом их интерпретации. И-семантика начинается с предложения и занимается описанием условий, в которых отдельные высказывания данного языка могут быть определены как истинные. Ч. Филмор утверждает, что для П-семантики «аргументы, ставившие под сомнение понятие пресуппозиции (как необходимый компонент теории семантики естественного языка) становятся слабыми и неясными. И-семантика (…) снабдила лингвистику анти-интуитивным представлением о пресуппозиции и истине, вывела за их пределы многие аспекты понимания языка» [Филлмор, 1988: 53].

Тем не менее, нельзя однозначно утверждать, что конвенциональный смысл высказывания не имеет никакого значения для интерпретации пресуппозиций, ведь он составляет «материальную» сторону высказывания. Пресуппозиция - требование к контексту высказывания, чтобы оно было уместным и не противоречило бы общим фоновым знаниям исследуемого контекста.

Контекст как пресуппозиционный фонд

Контекст есть множество пропозиций, которое воспринимается коммуникантами как общие знания. Для того чтобы понять, что такое общие знания, представим группу коммуникантов. Для успеха коммуникации необходим общий когнитивный фонд, иначе говоря, у коммуникантов в феноменологическом поле должен присутствовать общий набор пропозиций контекста - общий пресуппозиционный фонд, без которого их совместная деятельность порождения и понимания дискурса затруднена или просто невозможна из-за нарушения принципа интерсубъективности.

Принцип интерсубъективности исследователя конституируется его представлениями об идеалах, нормах и

ценностях, его установкой, проявлением собственного интереса. Субъективность исследователя, определяется его когнитивным опытом, научной школой, научным коллективом, которые он представляет. Принято выделять три когнитивных измерения реальности интерсубъективных отношений, ограниченные соответствующим пространством и временем: (1) синхроническая (горизонтальная) динамика интерсубъективности или взаимоотношений между субъектами познания (как отдельными исследователями, так и научными коллективами); (2) диахроническая (вертикальная) динамика между разными поколениями исследователей или научными коллективами, так как индивидуальность или специфичность каждого субъекта познания в значительной степени обусловлена различными культурно-историческими эпохами, а сама инструментальная оснащенность каждого субъекта познания зависит от конкретной исторической эпохи и соответствующей ей культуры; (3) особое значение интерсубъективности связано с ее имманентным измерением, характеризующим внутренний жизненный мир личности ученого и сохраняющим статус субъективности. Имманентный статус интерсубъективности, характеризующий внутренний жизненный мир сознания, остается недостаточно изученным, даже не смотря на все старания современной феноменологии и смежных с нею дисциплин. Ведь речь в данном случае идет о внутренней организации сознания, обеспечивающей возможность коммуникативных отношений одной личности с другой. В некоторых исследованиях утверждается, что имманентная интерсубъективность сознания аналогична его генетической (в биологическом смысле слова) организации, которая обеспечивает возможность общения человека [Бахтин,1986; Бюлер, 2000; Полани, 1985; Слинин, 2004; Хюбнер, 1996].

Однако не следует понимать общий фонд знаний механически, как какое-то количество информации, которым в равной степени располагают все коммуниканты. Установление или поддержание интерсубъективности в каждом акте речи постоянно меняет пресуппозиционный фонд и зависит от него. Тогда предопределяет проявление высказываний в дискурсе прагматическая пресуппозиция. Определяя условия истинности,

она опирается на информацию, данную в контексте или акте общения и доступную коммуникантам.

Более корректным с точки зрения учета когнитивных аспектов языкового общения выглядит определение прагматической пресуппозиции как некоторого ряда предположений, допускаемых говорящим, относительно того, что адресат склонен принять на веру, то есть без возражений. Это множество и есть не что иное, как общие знания. Если рассматривать эти пропозиции как множество миров, то отдельный контекст можно воспринимать как точку их пересечения, то есть как такое множество миров, которое уместно относительно общих знаний для данного акта общения. Рассматривая контекст с подобной точки зрения, пресуппозицию как требование, задаваемое к контексту, можно воспринять как требование того, чтобы из данного контекста следовала некоторая пропозиция.

Современные логические построения о природе и функции пресуппозиции по сути своей происходят из попыток Б. Рассела благодаря логическому анализу языка сделать структуру языка соответствующей структуре мира. Отправной точкой всевозможных пропозиционных построений Б. Рассел считал так называемые атомарные предложения – предложения, описывающие единичные вещи, их свойства или отношения типа «Она красива», «X больше Y», «Это – синий» и т.п. Позднее Л. Витгенштейн, развивавший идеи Рассела в своем «Логико-философском трактате» [Витгенштейн, 2018], в свойственной ему образной манере определил как атомарное предложение как «логическую фотографию факта».

Применительно к теории пресуппозиции атомарное предложение Б. Рассела [Рассел, 1997] становится ключевым понятием. То есть когда существует контекст C и пропозиция P, то пресуппозициональные требования представляют собой отношение между предложением S, контекстом C и пропозицией P, так чтобы S было уместным в C и из C следовала P. Классический пример Б. Рассела объясняет этот принцип так: для того, чтобы предложение было уместным в некотором контексте C, из этого контекста должна следовать пропозиция P:

S*: Король Франции лыс.* - ***P****: Существует король*

Франции.[1]

Иными словами, пресуппозициональное требование — это отношение между высказыванием **S**, пропозицией **P** и контекстом **C**: оно-то и определяет уместность и истинность предложения **S** в контексте **C**. Таким образом, эти требования сами по себе не являются частью изолированного от контекста предложения; они соответствуют требованиям данного контекста, а контекст требует, чтобы высказывание было уместно и непротиворечиво. Тогда контекст становится общим необходимым для успешной коммуникации пресуппозиционным фондом. Соответственно при намеренно или случайно имеющим место несовпадениии коммуникационного фонда происходит коммуникативная неудача, ошибка интерпретации высказывания, некорректное декодирование.

Основой любого отдельно взятого предложения является некоторое множество пресуппозиций. Этот факт объясняется тем, что в основе пресуппозиции лежат различные факторы: психологические, ситуативные, социальные и пр., а также фактор множества возможных миров. Тогда независимое от контекста предложение содержит множество потенциальных пресуппозиций, и только контекст может определить какая пресуппозиция из этого множества станет истинной, какое требование станет доминирующим.

Например, предложение *Закрой дверь, Анна* содержит ряд пресуппозиций о том, что: (1) есть кто-то, чье имя Анна; (2) есть открытая дверь и (3) необходимо закрыть ее. Однако самым главным относительно этого высказывания является то, какие мотивы лежат под требованием *закрыть дверь.* Например, говорящий может потребовать, чтобы Анна закрыла дверь, потому что в комнате холодно или кто-то может подслушать их разговор или потому, что в комнате сквозит, а также потому, что в дом могут пробраться воры и так далее. Однако из всех упомянутых пресуппозиций актуализируется только та, которая уместна в контексте, в котором, четко выделяется некая Анна и где есть открытая дверь, которую необходимо закрыть. Истинной становится та пресуппозиция, которая не противоречит данному

[1] https://ido.tsu.ru/other_res/hischool/surovcev/1.htm (дата обращения 10.06.2023)

контексту, а именно, уместна относительно общих, фоновых знаний и лексической рамки контекста. Именно контекст определяет, с какими из этих пресуппозиций актуализируется высказывание. Если пресуппозиции не находят своих референтов в контексте и становятся противоречивыми, то они устраняются этим же контекстом. Элементы поверхностной структуры предложения - лексические единицы и синтаксические структуры - функционируют как операторы, которые тестируют контекст с точки зрения возможности актуализации пресуппозиции в контексте [Товмасян, 2008: 51].

Тогда имеет место сужение множества возможных миров, которое происходит благодаря ряду факторов, из которых, помимо лингвистического (конвенционального), важную роль играют экстралингвистические факторы, такие, как например, ситуация речевого общения и ее условия, которые и находят свое непосредственное отражение в контексте.

Зачастую буквальное восприятие высказывания не содержит смысла или противоречит форме запроса. *Во сколько ты придешь? - Мне еще нужно в парикмахерскую.* Если сказанное воспринять буквально, то мы не получим четкого информативного ответа на вопрос. Если рассмотреть только лингвистический аспект, то такой ответ можно квалифицировать как не согласованный с формой вопроса, противоречивый и неуместный относительно общих знаний речевого общения. Несмотря на кажущуюся коммуникативную неудачу, высказывание-ответ можно интерпретировать как коммуникативно релевантное на другом уровне. Для этого необходимо учитывать возможную экстралингвистическую смысловую связь между двумя высказываниями, а для этого установить контекст.

Заключение

Безусловно, пресуппозиции обусловлены поверхностной структурой предложения, но в конечном счете они носят прагматический характер, так как выбор той или иной пресуппозиции из потенциальных пресуппозиций предложения зависит только от контекста, общих знаний участников коммуникации и лексической рамки. Лексическая рамка — это поле возможных контекстуальных референтов, из которого то или иное предложение «подбирает» соответствующий себе

референт, если оно уместно в этом контексте [Апресян, 1995: 3-69]. Пресуппозиция тестирует контекст на возможность своего внедрения, и в случае уместности и непротиворечивости она интегрируется в контекст, расширяет его и создает новый контекст, новые общие знания. Тем не менее, следует помнить, что существуют высказывания, которые не противоречивы и для их адекватной интерпретации не требуется контекст или общие знания, предшествующие этому высказыванию, а также лексическая рамка.

Прагматические пресуппозиции актуализируются как результат взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов, поэтому в плане интерпретации прагматические пресуппозициональные теории в значительной степени эффективны. Более того, именно прагматические теории позволяют анализировать эмпирические данные понимания и интерпретации текста.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Людвиг Витгенштейн; [пер. с нем. Л.Добровольского]. – Москва: Издательство АСТ, 2018. 160с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1986. 444с.
4. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. - М.: Прогресс, 2000. - XXIII, 501с.
5. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритич. философии. - М.: Прогресс, 1985. 344с.
6. Рассел Б. Человеческое познание. Его сфера и границы. – Киев: «Ника-Центр», «Вист-С», 1997. 555с.
7. Слинин Я.А. Феноменология интерсубъетивности. - СПб.: Наука, 2004. 354с.; Хюбнер К. Истина мифа. - М.: Республика, 1996. 447с.
8. Товмасян Г.Ж. Прагмасемантический анализ активаторов пресуппозиций // Иностранные языки в высшей школе. Научный журнал. Выпуск 6 / Под ред. Я.М.Колкера. - Рязань, 2008.
9. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.23. Когнитивные аспекты языка – М., Прогресс, 1988.

10. Хюбнер К. Истина мифа. - М.: Республика, 1996. 447с.
11. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P.241

References

1. Apresyan YU.D. Izbrannyye trudy, tom I. Leksicheskaya semantika [Selected works, volume I. Lexical semantics]: 2-ye izd., ispr. i dop. – M.: Shkola «YAzyki russkoy kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995.
2. Vitgenshteyn L. Logiko-filosofskiy traktat [Logical-philosophical treatise] / Lyudvig Vitgenshteyn; [per. s nem. L.Dobrovol'skogo]. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2018. 160s.
3. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. - M.: Iskusstvo, 1986. 444s.
4. Byuler K. Teoriya yazyka: Reprezentativnaya funktsiya yazyka [Theory of language: The representative function of language]. - M.: Progress, 2000. - XXIII, 501s.
5. Polani M. Lichnostnoye znaniye: na puti k postkritich. Filosofii [Personal knowledge: on the way to post-critical. philosophy]. - M.: Progress, 1985. 344s.
6. Rassel B. Chelovecheskoye poznaniye. Yego sfera i granitsy [Human cognition. Its scope and boundaries]. – Kiyev: «Nika-Tsentr», «Vist-S», 1997. 555s.
7. Slinin YA.A. Fenomenologiya intersub"yetivnosti [Phenomenology of intersubjectivity]. - SPb.: Nauka, 2004. 354s.; Khyubner K. Istina mifa. - M.: Respublika, 1996. 447s.
8. Tovmasyan G.ZH. Pragmasemanticheskiy analiz aktivatorov presuppozitsiy [Pragmasemantic analysis of presupposition activators]// Inostrannyye yazyki v vysshey shkole. Nauchnyy zhurnal. Vypusk 6 / Pod red. YA.M.Kolkera. - Ryazan', 2008.
9. Fillmor CH. Freymy i semantika ponimaniya [Frames and semantics of understanding]// Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp.23. Kognitivnyye aspekty yazyka – M., Progress, 1988.
10. Khyubner K. Istina mifa [The Truth of Myth]. - M.: Respublika, 1996. 447s.
11. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language [The Cambridge Encyclopedia of Language]. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P.241

Статья поступила в редакцию 14.04.2023
Статья одобрена после рецензирования 06.09.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

УДК 81'27
37.022

Полубиченко Лидия Валериановна
Lydia Polubichenko

Что такое «носитель языка» сегодня и в чем его лингводидактическая ценность?

Who are "Native Speakers" Today and What is their Linguodidactic Value?

Аннотация. *Формирование представления о плюрицентричности наиболее распространенных в мире языков (прежде всего, английского, но также и французского, испанского, немецкого и других), положенного в основу новой лингвистической парадигмы контактной вариантологии, неотвратимо ведет к десакрализации идеального образа носителя языка, бесконечно дробящегося на носителей его региональных вариантов с собственными представлениями о нормах языка на всех уровнях. Этот вывод следует из диахронического анализа словарных дефиниций русскоязычного термина «носитель языка», а также из анализа метаязыка современного англоязычного лингвистического дискурса, в котором традиционный эквивалент этого русского термина – термин «native speaker», скомпрометированный политическим и культурным наследием колониализма – приобретает резко отрицательные коннотации и заменяется на нейтральные «expert user», «accomplished user», «bilingual speaker» и пр. Поскольку всеми этими новыми терминами, как и ничем не скомпрометировавшим себя русским термином «носитель языка», обозначаются сегодня все категории лиц, владеющих иностранным языком на акролектном уровне, независимо от того, является ли он их родным, вторым, третьим и т.д. языком и насколько соответствуют создаваемые ими произведения речи привычным языковым нормам (нормам «внутреннего круга», в терминологии Б. Качру), перед преподавателями иностранных языков встает вопрос о модели обучения. Показано, что акролектный английский ученых высокого ранга из стран внешнего (Индия) и расширяющегося (СССР/Россия) кругов не соответствует ни британским, ни американским нормам. Обосновывается вывод о том, что в таких условиях «неносителям» (в традиционном смысле слова) плюрицентричных языков – как преподавателям, так и обучающимся – приходится сегодня самостоятельно формировать адекватное стоящим перед ними задачам представление о стандартах устной и/или письменной иноязычной речи, на которые ориентировать обучение языку.*

Abstract. *The idea of pluricentricity of the world's most widespread languages (first of all, English, but also French, Spanish, German and others), which forms the basis of a new linguistic paradigm, inevitably leads to desacralisation of the ideal image of the native speaker of a foreign language, infinitely fragmented into native speakers of its regional varieties with their own perceptions of language norms at all levels. This conclusion follows from the diachronic analysis of dictionary definitions of the Russian term "nositel' jazyka", as well as from the synchronic analysis of modern English-language linguistic discourse where its traditional English counterpart "native speaker" is used. The latter also demonstrates that the term "native speaker" has been seriously compromised by the political and cultural legacy of colonialism, acquired distinctly negative connotations and is regularly replaced by the neutral expressions "expert user", "accomplished user", "bilingual speaker' and so on. Since all these new designations, as well as the uncompromised Russian term "native speaker", may now be*

used to refer to any category of people who speak a foreign language at the acrolectic level, regardless of whether it is their mother tongue, or their second, third, etc. language, no matter to what extent the speech they produce conforms to the traditional norms of the language (those of the "inner circle", in B. Kachru's terminology), foreign language teachers are faced with the burning question of a teaching model. It is demonstrated that the acrolectic English of high-ranking scientists from the outer (India) and expanding (USSR/Russia) circles does not conform to either British or American norms. The paper substantiates the conclusion that today, under such circumstances, "non-native" (in the traditional sense of the word) speakers of pluricentric languages - both teachers and learners - have to form their own view of the standards of oral and/or written foreign language speech adequate for their needs and take them as benchmarks in language teaching and language acquisition.

Ключевые слова*: носитель языка, норма, стандарт, контактная вариантология, вариант языка*

Keywords*: native speaker, norm, standard, pluricentric theory, language variety*

Введение

Давно и все более интенсивно разворачивающиеся в мире процессы глобализации и неразрывно сопутствующие им противоположно направленные процессы регионализации всех аспектов жизни человечества затронули, что вполне естественно, и языковую сферу – ситуацию с разнообразием языков в мире, языковую политику государств и языкознание как научное осмысление происходящих в этой сфере явлений. Одним из следствий такого развития событий стало постепенное формирование в лингвистике концепции плюрицентричности языков, широко используемых в разных странах, отличающихся этническими и региональными особенностями и, соответственно, менталитетом и культурой. Самые масштабные исследования велись и ведутся, конечно, в области вариантологии английского языка (World Englishes Paradigm) как глобального языка международного общения в современном мире, но аналогичные явления характерны также и для французского, немецкого, испанского, арабского и ряда других мировых языков.

Легитимируется множественность региональных вариантов мировых языков с их разными нормами, а значит, перед преподавателями этих языков во весь рост встает проблема выбора тех вариантов и, соответственно, норм, на которые следует ориентировать обучаемых, а также вопрос о том, в какой степени носителей этих вариантов и норм можно считать носителями данного языка, принимая их речь за образец. С конца прошлого века этой проблематике уделяется все больше

внимания как в зарубежной, так и – в последние годы – в отечественной лингвистике и лингводидактике.

Материалы и методы исследования

Термин *native speaker* в лингводидактическом дискурсе

С конца прошлого века в англоязычной лингводидактике постепенно нарастает количество возражений против использования термина *native speaker* (в случае английского языка читай «условный англосакс» - абстрактно-стереотипный британец или американец) на том основании, что этот термин полностью скомпрометирован политическим и культурным наследием колониализма, на смену которому пришел неоколониализм с более закамуфлированной, но по сути той же самой идеологией неравенства и неравноправия в экономических, политических, культурных и иных отношениях, включая языковые. Отсюда естественный протест против так называемой идеологии «нейтивспикеризма» [Holliday 2006] и призывы избегать термина *native speaker*, употребляя вместо него нейтральные, даже комплиментарные выражения *expert user* (опытный пользователь), *accomplished user* (продвинутый пользователь), *bilingual speaker* (билингв) или какой-нибудь иной эвфемизм, но это своеобразное проявление «политической корректности» не решает главной проблемы, состоящей в том, чтобы определить, на какой из бесконечно дробящихся региональных вариантов языка (в данном случае английского) с собственными представлениями о его нормах ориентировать преподавание. А именно этот вопрос и является основным для российских преподавателей-англистов, которых не отвлекают от сути проблемы болезненные воспоминания о колониальном прошлом и которыми термин *носитель языка* воспринимается исключительно в контексте нормы и модели обучения иностранному языку, являясь нейтральным или даже, как показывают материалы специального сопоставительного исследования, положительно коннотативным [Ловцевич, Гич, 2018; Гич, 2020].

Термин *носитель языка* в словарных дефинициях

Материалы основного подкорпуса Национального корпуса русского языка показывают, что выражение *носитель языка*

используется в отечественной науке давно: уже более 100 лет назад оно фигурировало в работах таких корифеев отечественного языкознания, как Л. В. Щерба, Н. С. Трубецкой и др., особенно возросла его встречаемость после того, как в 1950 г. его употребил И. В. Сталин в знаменитой статье «Марксизм и вопросы языкознания». Правда фиксации в словарях лингвистических терминов выражение *носитель языка* удостоилось лишь с наступлением XXI века, причем везде определение дается через родной язык: «человек, владеющих данным языком как родным» или «человек, для которого данный язык является родным» [Словарь социолингвистических … 2006: 152; Жеребило 2010: 223; Словарь терминов … 2013: 271]. Важными с точки зрения отражения в словаре современного состояния науки стали дополнения «и который вырос в контексте культуры, обслуживаемой данным языком», а также «В мультилингвальном сообществе индивидуумы могут быть носителями одновременно нескольких языков» [Словарь терминов … 2013: 271]. Особенно же актуально для темы настоящей статьи появившееся в этом словаре второе значение термина *носитель языка*: «2. В концепции контактной вариантологии (World Englishes) носитель регионального варианта языка **(русского, китайского, японского английского и др.**)» [Словарь терминов … 2013: 271], при этом заметим, что в качестве примеров (выделено полужирным шрифтом) перечислены варианты исключительно так называемого расширяющегося круга (Expanding Circle) - в терминологии трех концентрических кругов Б.Качру, то есть речевые варианты, а не вызывающие куда меньше споров среди лингвистов «нативизированные» варианты стран внешнего круга, где английский является признанным на государственном уровне официальным / вторым языком (Индия, Бангладеш, Сингапур, Пакистан и др.).

Понятно, что, являясь составной частью международного академического сообщества, российские преподаватели английского языка не могут не учитывать изменений, происходящих в общемировом контексте, а из них важными для нас следствиями являются, во-первых, признание существования русского варианта английского языка, как и других вариантов стран расширяющегося круга, и во-вторых, проистекающее отсюда

понимание, что должны, соответственно, иметься и какие-то характерные признаки, по которым опознается данный вариант. И тут мы ступаем на зыбкую почву обсуждения вопросов нормы, зыбкую потому, что мы уже привыкли считать, вслед за Б.Качру, что варианты английского языка, функционирующие в странах расширяющегося круга, являются нормозависимыми (norm-dependent), то есть не имеющими самостоятельных норм и ориентирующимися на языковые нормы внутреннего круга (британского или американского английского), и это представляется вполне логичным, во всяком случае с английским языком в России по факту дело всегда обстояло именно так. Но если сориентироваться – в соответствии с пониманием нормы «как совокупности *реально использующихся* в языке лексем, словоформ, языковых конструкций» [Лингвистический … 1990: 337] – на поиски характерных признаков русского варианта английского языка, отличающих его от других и оправдывающих его статус варианта, то невольно рано или поздно придёшь к списку того, что традиционно принято было называть «типичными ошибками русских в английском языке». Конечно, ошибки ошибкам рознь, и одно дело - отвечать на *Thank you – Please*, калькируя русское *Пожалуйста,* или не видеть разницы в значении и употреблении глаголов *say* и *tell,* и совсем иное – путать синонимичные предлоги времени *for* и *during* или злоупотреблять глагольными формами Continuous и Perfect. Неслучайно в последнее время высказываются предложения ориентироваться в преподавании английского языка на «двуязычного пользователя своего региона, успешно овладевшего английским языком для межкультурного общения на акролектном уровне», такого, как, например, «российский ученый, участвующий в международных проектах и конференциях на английском языке», или «министр иностранных дел, ведущий переговоры с японским премьер-министром на английском языке» [Ловцевич, 2019: 137]. Правда, неясным остается, как можно использовать как модель в процессе преподавания то, что системно не описано и не нормализовано.

Акролектные варианты языка стран внешнего и расширяющегося кругов

Из приведенных выше словарных определений ясно, что речь в такого рода предложениях идет о тех, кого можно считать

носителями русского регионального варианта английского языка в его высшем, акролектном проявлении, свойственном хорошо образованным пользователям преимущественно в формальном контексте [Прошина 2018: 16]. Как говорит по-английски наш министр иностранных дел, судить не берусь, так как слышала в его исполнении всего несколько разрозненных предложений, но думаю, что говорит он хорошо; с английской речью ряда выдающихся российских ученых-нелингвистов я знакома гораздо лучше и не понаслышке, и она тоже вполне адекватна стоящим перед ними задачам профессионального научного общения. Однако боюсь, что в обоих случаях их речь не будет на всех уровнях языка полностью соответствовать нормам англоговорящих стран внутреннего круга Качру, да это и не нужно, так как английский язык является для нелингвистов не более чем средством эффективного общения на международном уровне, как уже почти полвека назад было вполне убедительно показано в работах школы англистики МГУ, к которой имею честь принадлежать и я. Глава школы профессор О.С.Ахманова весьма наглядно проиллюстрировала разницу между тем английским, к которому должен стремиться уважающий себя филолог-англист, и тем, который вполне достаточен представителям точных и технических наук для эффективного научного общения (она назвала его «ограниченным английским» - restricted English), на примере интервью с собственным сыном - выдающимся физиком с мировым именем, лауреатом Ломоносовской и Ленинской премий, профессором МГУ С.А. Ахмановым. Приведу отрывок:

Non-linear optics is a branch of physics which was started in 1961 after discovery of lasers. The discovery of lasers opened many new branches in physics, technology, medicine, etc. The main problem which studied in non-linear optics is how is a optical phenomenon depends on the intensity of light. Intensities of light beams now available are really fantastic, about millions of megawatts and gigawatts. Optical phenomena in these intense fields differ markedly from optical phenomena as observed with such sources of light as well-known lamps, the sun and so on. This is a main problem under investigation [Akhmanova, Idzelis, 1978: 139-140].

Текст понятный, язык достаточно естественный, но при этом не свободен от ошибок (с точки зрения норм внутреннего

круга) в выборе и порядке слов, употреблении артиклей и пассива, не препятствующих, впрочем, пониманию. И хотя в целом по стране этот уровень владения английским языком вполне можно считать акролектом высокообразованных представителей мира науки в рамках русского варианта английского языка, я бы не стала рекомендовать его в качестве модели для преподавателей и студентов. Примерно так говорят сегодня русскоязычные ученые негуманитарных специальностей старшего и среднего поколений, а вот молодое поколение (до 35 лет) ученых МГУ (за всю страну не скажу – не знаю) владеет языком лучше, потому что мы сегодня учим лучше, постоянно ищем и внедряем новые подходы и методы, традиционно ориентируясь не на «ограниченный английский» даже наших лучших ученых, а на хорошо образованных носителей языка в старом, ничем себя не скомпрометировавшем в нашей стране смысле, то есть на британцев и американцев. Эти варианты английского языка стандартизированы, описаны и представлены в грамматиках и словарях, так что, равняясь на них, можно судить о результатах обучения и качественно (какие нормы нарушаются), и количественно (число ошибок).

Нетрудно убедиться и в том, что даже «нативизированный» акролектный английский ученых из стран внешнего круга изобилует отступлениями от норм, регламентирующих употребление языка в странах внутреннего круга. Для этого достаточно повнимательнее приглядеться к англоязычным публикациям ученых из Индии, Пакистана или Сингапура. Ниже приводится ряд фрагментов из статьи биологов из лучшего индийского университета, всемирно известного как Индийский технологический институт (Indian Institute of Technology, или IIT). Статья явно опубликована в авторской редакции, как это обычно и бывает с материалами конференций, так что особенности индийского варианта английского языка отчетливо просматриваются в тексте и выражаются, главным образом, в употреблении артиклей, глагольных форм и предлогов (смешение слов *inhibit* и *inhabit*, вероятно, следует признать просто ошибкой).

David Searls has done interesting work in this direction and have written a number of articles about role of language in understanding Biological sequences (Searls, 2002). <…> This is intended to be an idea paper that explores parallels between

linguistics and biology that have the potential to cross fertilization two disciplines and open up new research avenues. The paper is intentionally made speculative at places to inspire out-of-the-box deliberations from researchers in both areas. <…> English language has 26 letters. <…> The genes are made up of 4 basic elements called as nucleotide: adenine (A), thymine (T), cytosine (C) and guanine (G). mRNA is translated to proteins that are made up of 20 amino acids denotes by the following letters: {A, C, D, E, F, G, H, I, K, L, M, N, P, Q, R, S, T, V, W, Y}. <…> Prokaryotes inhibited earth from approximately 3-4 Billion years ago. About 500 million years ago, plant and fungi colonized the Earth. The modern human came into existence since 250,000 years. <…> Craig Venter and colleagues created synthetic genome in the lab and has filed a patent for the first life form created by humanity. [Tendulkar, Chakraborti, 2013: 120-123].

Выводы

Таким образом, очевидно, что сегодня мы оказались на перепутье: наука установила, что мировые языки все больше дробятся на региональные варианты, изучает и описывает их, но лингводидактика пока не вполне понимает, как правильно использовать эти достижения в учебном процессе. Так, интересующий нас термин *носитель языка* расширил свое значение и распространяется уже и на тех, для кого данный язык не является родным, утратив при этом свой англоязычный переводческий эквивалент – скомпрометированный термин *native speaker* [Ловцевич, Гич, 2018], а вот носителя какого из многочисленных вариантов языка выбрать в качестве образца при обучении английскому языку, остается неясным. Представляется, что в этом вопросе не стоит принимать скоропалительных решений и лучшей стратегией будет то, что принято называть «здоровым консерватизмом». По мере накопления результатов исследований вариантологов будет проясняться, какие изменения стоит внести в практику преподавания того или иного иностранного языка, причем не всего и не везде сразу, а постепенно. Как было показано нами ранее [Полубиченко 2022а; 2022б], эта перестройка потребует прежде всего учета характера дискурса, так как разговорно-бытовой и научный дискурсы реализуют разные виды языковых средств – так называемый

«общий» и академический язык. В случае же научного дискурса необходимо принимать во внимание его дисциплинарную принадлежность (лингвистика / иные гуманитарные специальности / естественные / точные и технические науки), его модус (устный или письменный), языковые уровни (фонетический, лексический, грамматический, прагмастилистический) и разное отношение к правильности речи при формировании рецептивных и продуктивных умений.

Литература

1. Гич О.Н. Концепты native speaker и носитель языка в англоязычном и русскоязычном лингводидактическом научном дискурсе. Дисс. … канд. филол. наук. Мытищи, 2020. – 185 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
4. Ловцевич Г. Н. Преподавание английского как языка международного общения: время перемен // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Т. XVI. № 1. С. 135–142.
5. Ловцевич Г.Н., Гич О.Н. «Носитель языка» и «Native Speaker»: иллюзорное соответствие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 436—447.
6. Полубиченко Л. В. Английский как международный язык науки: вариативность, нормирование, стандартизация // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022а. Т. XIX. Вып. 1. С. 162–171.
7. Полубиченко Л. В. Английский язык для научно-публикационных целей в условиях плюрицентричности языка // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2022б. № 1 (37). С. 116-126.
8. Прошина З.Г. Концепции глобализации английского языка // Человек: образ и сущность. 2018. № 1-2 (32-33). С. 12-30.
9. Словарь социолингвистических терминов. Ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006. – 312 с.
10. Словарь терминов межкультурной коммуникации. Ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошина. М.: Флинта: Наука, 2013. – 632 с.
11. Akhmanova O., Idzelis R. What is the English We Use? A Course in Practical Stylistics. Moscow University Press, 1978. – 162 p.

12. Holliday Adrian. Native-speakerism // ELT Journal. 2006. Vol. 60. Issue 4. P. 385–387.
13. Tendulkar A. V., Chakraborti S. Parallels between Linguistics and Biology // Proceedings of the 2013 Workshop on Biomedical Natural Language Processing (BioNLP 2013). Sofia, Bulgaria, 2013. P. 120–123.

References

1. Gich O.N. Kontsepty native speaker i nositel' yazyka v angloyazychnom i russkoyazychnom lingvodidakticheskom nauchnom diskurse [Concepts native speaker and nositel' yazyka in English- and Russian-language linguodidactic scientific discourse]. Diss. … kand. filol. nauk. Mytishchi, 2020. – 185 pp. (in Russian).
2. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Nazran': OOO «PiligriM», 2010. – 486 pp. (in Russian).
3. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Gl. red. V.N. Yartseva. M.: Sov. entsiklopediya, 1990. – 683 pp. (in Russian).
4. Lovtsevich G. N. Prepodavaniye angliyskogo kak yazyka mezhdunarodnogo obshcheniya: vremya peremen [Teaching English as a language of international communication: time of change] // Sotsial'n·yye i gumanitarn·yye nauki na Dal'nem Vostoke. 2019. T. XVI. № 1. Pp. 135–142. (in Russian).
5. Lovtsevich G.N., Gich O.N. «Nositel' yazykA» i «Native Speaker»: illyuzornoye sootvetstviye [English and Russian terms “native speaker”: illusory equivalents] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika. 2018. T. 22. № 2. Pp. 436—447. (in Russian).
6. Polubichenko L. V. Angliyskiy kak mezhdunarodnyy yazyk nauki: variativnost', normirovaniye, standartizatsiya [English as an international language of science: variability, norms and standards] // Sotsial'n·yye i gumanitarn·yye nauki na Dal'nem Vostoke. 2022a. T. XIX. Vyp. 1. Pp. 162–171. (in Russian).
7. Polubichenko L. V. Angliyskiy yazyk dlya nauchno-publikatsionnykh tseley v usloviyakh plyuritsentrichnosti yazyka [Pluricentric English used for research publication purposes] // Uchen·yye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki. 2022b. № 1 (37). Pp. 116-126. (in Russian).
8. Proshina Z.G. Kontseptsii globalizatsii angliyskogo yazyka [Conceptions of the English language globalization] // Chelovek: obraz i sushchnost'. 2018. № 1-2 (32-33). Pp. 12-30. (in Russian).

9. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. Red. V.Yu. Mikhal'chenko. M., 2006. – 312 pp. (in Russian).
10. Slovar' terminov mezhkul'turnoy kommunikatsii [Dictionary of the terms of intercultural communication]. Red. M.G. Lebed'ko i Z.G. Proshina. M.: Flinta: Nauka, 2013. – 632 pp. (in Russian).
11. Akhmanova O., Idzelis R. What is the English We Use? A Course in Practical Stylistics. Moscow University Press, 1978. – 162 pp.
12. Holliday Adrian. Native-speakerism // ELT Journal. 2006. Vol. 60. Issue 4. Pp. 385–387.
13. Tendulkar A. V., Chakraborti S. Parallels between Linguistics and Biology // Proceedings of the 2013 Workshop on Biomedical Natural Language Processing (BioNLP 2013). Sofia, Bulgaria, 2013. Pp. 120–123.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023
Статья одобрена после рецензирования 06.09.2023
Статья принята к публикации 09.10.2023

СПИСОК АВТОРОВ

Бойко Борис Леонидович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германских языков, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации.

E-mail: borisboiko@gmail.com

Бхатти Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения».

E-mail: nataliebhatti@hotmail.com

Ерошин Антон Павлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения».

E-mail: eroshin-anton@mail.ru

Жирова Ирина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики лингвистического факультета, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения».

E-mail: zhirova557@yandex.ru

Жук Нина Васильевна – старший преподаватель кафедра рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ».

E-mail: ZhukNV@mpei.ru

Иванов Владимир Дмитриевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедра рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «МЭИ».

E-mail: IvanovVDm@mpei.ru

Иванов Николай Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков (итальянского, португальского, латинского) им. проф. Т.З. Черданцевой, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации"; профессор 35 кафедры, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшеготобразования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации.

E-mail: e-nickma@mail.ru

Калинин Андрей Юрьевич – старший преподаватель кафедры французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения факультета иностранных языков и регионоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

E-mail: a_kalinine@mail.ru

Калинин Олег Игоревич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет»; профессор 36 кафедры, Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшеготобразования «Военный университет имени

князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации.
E-mail: okalinin.lingua@gmail.com

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»; профессор кафедры русского языка как иностранного, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет».
E-mail: vkarasik@yandex.ru

Карпова Ольга Михайловна – доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-образовательного центра «Современная российская и европейская лексикография», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановский государственный университет».
E-mail: olga.m.karpova@gmail.com

Конурбаев Марклен Эрикович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».
E-mail: marklen@konurbaev.ru

Леонтович Ольга Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Волгоградский государственный социально-педагогический университет"; главный научный сотрудник Лаборатории филологических исследований департамента научной деятельности, Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина».
E-mail: olgaleo@list.ru

Лунькова Лариса Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры германо-романских языков и методики их преподавания, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет».
E-mail: loralu@list.ru

Полубиченко Лидия Валериановна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».
E-mail: lpolubichenko@mail.ru

Фильчакова Екатерина Михайловна – старший преподаватель кафедры индоевропейских и восточных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения».
E-mail: katerina-elt@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN,** входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку журнала

«Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлегией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.

Требования к оформлению статьи

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «**Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики**», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

Статья должна быть оформлена в соответствии с изложенными ниже требованиями и содержать указанные ниже пункты:

1. **УДК** Просьба указать развернутый шифр УДК статьи.
2. **Объем статьи**

Средний рекомендуемый объем статьи — 0,5 п.л. (что соответствует 12 страницам текста в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman), но допустима и меньшая, и большая длина с учетом информативности текста. Редакционный совет оставляет за

собой право делать сокращения в статье (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

3. Название статьи

Название статьи отражает предмет и тему статьи, основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

4. Аннотация

Статья сопровождается аннотацией (примерно 200-250 слов) на русском и английском языках. Аннотация должна быть **структурирована:** давать представление об исследовании, актуальности, новизне, цели, материалах и методах, результатах, выводах.

Англоязычная версия аннотации представляет собой резюме статьи (Aim, Matherials and Methods, Results, Conclusions), и также включает 200-250 слов.

5. Список ключевых слов

Необходимо указать ключевые слова - 5-6, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

6. Содержание статьи

Статья должна быть структурирована (Введение, постановка проблемы, Основная часть, Заключение)

Введение – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы.

Основная часть статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты.

Заключение – основные выводы исследования.

7. Оформление ссылок в тексте

Ссылки на источники в тексте с указанием фамилии автора, года издания и цитируемой страницы заключаются в квадратные скобки [Иванов 1990: 25; Петров 2001; см. также: Сидоров 2002; 2003 и др.].

8. Литература/ References

Список использованной литературы дается в алфавитном порядке, начиная с русскоязычных работ. В списке литературы ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с

ГОСТ Р. 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». В нем обязательно указывается год и место издания, издательство и общее количество страниц источника (для статей, напр.: С. 23-35; для монографий, напр.: — 256 с.)

Если источник имеет DOI, он указывается в конце ссылки

Ссылки на интернет-источники размещаются с полным указанием электронного адреса [Игнатенко URL: http://www.ec-dejavu.net/f/Fraud_Islam.html]. Автор несет ответственность за точность приводимых в его статье цитат и правильность оформления ссылок на источники.

ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ необходимо транслитерировать, используя для автоматической транслитерации программу BGN (Board of Geographic Names) на сайте http://www.translit.ru.

Прилагается также перевод списка литературы на английский язык. При этом название всей книги (монографии, диссертации, сборника статей, журнала) приводится также по-русски латинским шрифтом.

Образец:

Romanova, N.N., Filippov, A.V. *Stilistika i Stili* [Stylistics and Style]. M.: FLINTA, 2006. – 405 pp. (in Russian).

Liu Juan. Symbolism of Colour in Russian and Chinese Culture // *Inostrannyie yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Higher Education]. Ryazan: RSU named for S.A. Esenin, № 1(20) 2012, pp.94-98 (in Russian).

9. Сведения об авторах

Предоставляются следующие сведения:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью, буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- учёная степень, звание, должность и место работы (с точным названием кафедры и вуза);
- информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);
- адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (e–mail).

Научно-исследовательский журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 20.10.23. Формат 60x90/16